

Колос

12
ДЕКАБРЬ
1970

Хостёр

12

ДЕКАБРЬ

1970

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Чему учил друга
Сашок Кулебякин

4

Про самый большой
пионерский слет

20

Последняя прогулка
девочек из Сонг-ми

26

Ура „Луна-16“!

30

Как воспитывать
собаку

50

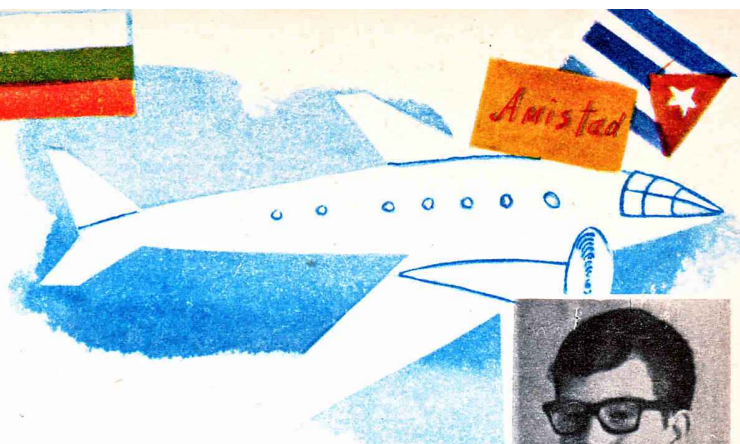
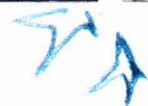
Мир и дружба — это слова, которые дети говорят с нежностью, дети из горячей Африки и с дальнего Севера.

Будет дружба — будет мир. Будут улыбки на лицах детей.

Глубокая и нерушимая дружба между болгарскими и советскими пионерами закалила кровью тысяч болгар и русских. Навсегда, написанные золотом, останутся имена павших за свободу Болгарии русских солдат около Шипки и Плевны и солдат Советской Армии, освобождавших Болгарию.

Я первый раз в СССР, и всюду я чувствовала дружеское отношение советских детей к нам. В Москве и в Ленинграде, в красивом пионерлагере «Зеркальный» нас встречали с радостью и уважением. Пусть всегда крепнет и здравствует наша дружба. Поднимем гордо наши рукопожатия!

Лилия Дойчанова,
Болгария

Дружба — большая тема для разговора. Но я скажу в нескольких словах. Дружба — это что-то такое, без чего не могли бы жить дети, молодежь, народы. Дружба — это помощь и солидарность.

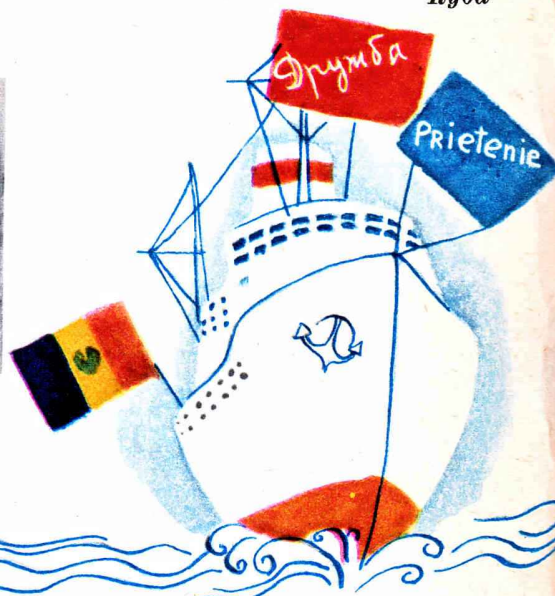
Международный день детей празднуют во всем мире.

Мы приехали в Советский Союз, чтобы подружиться с советскими пионерами и чтобы они подружались с нами.

Вот то немногое, что я хотел сказать о дружбе детей, о великом слове дружба.

Да здравствует интернациональная дружба детей!

Хоаким Гонзалес,
Куба

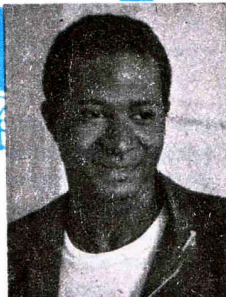
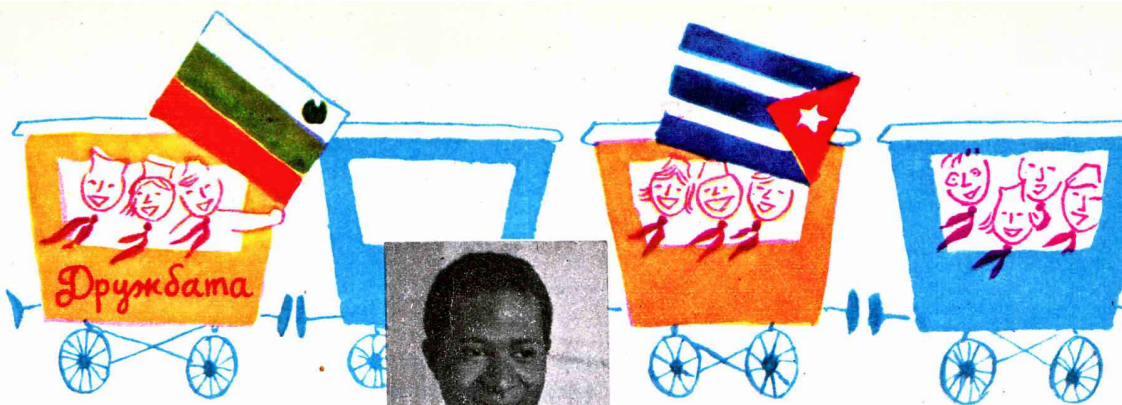

Дружба — слово простое. Но оно крепко связывает детей всего мира. Здесь, в СССР, подружались пионеры Польши, Болгарии, Монголии, Кубы и Румынии не только между собой, но и с советскими пионерами. В пионерлагере «Зеркальный» нас направили в отряд. Мы сдружились с советскими ребятами, пели советские песни.

А их мы научили нашим песням и пели с ними на румынском языке. И это было радостно!

Сдружились мы и с пионерами других отрядов. Незнание языка здесь заменяли улыбки и жесты. Все это останется в наших сердцах.

Таня Испирь, Волдек Доци,
Румыния

Я был среди делегатов IV Всесоюзного слета в Ленинграде. Здесь, в городе революции, я жил бок о бок с моими зарубежными товарищами из Польши, Румынии, ГДР, ЧССР, Монголии, Кубы и с нашими советскими товарищами. Эти дни я уже не смогу забыть, потому что они были днями радости, веселья, днями встреч, дружеских бесед, знакомств. Это были дни дружбы!

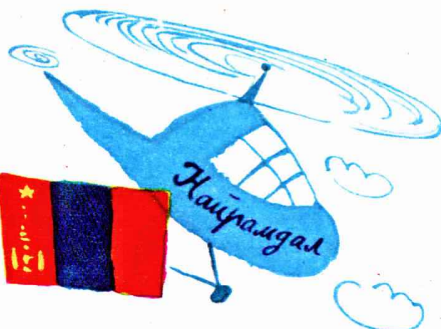
Когда у меня спросили, что мне больше всего нравилось в Ленинграде, я ответил — все, но больше всего — люди. Да, люди, наши советские товарищи. Они замечательные! Они просто прекрасные люди... И наша дружба, дружба детей всех стран мира будет крепка, как гранит. И этот гранит будет основой будущего, вместе с основой, поставленной нашими отцами. Дружба — это святыня, и мы обещаем, что будем ее хранить, и кто хочет посягнуть на жизнь, на счастье, на мир — встретит крепкую, гранитную преграду, которая — я в этом уверен — непреодолима.

Безумцы, посягающие на мир, наверное, не знают, что представляет собой наша дружба — дружба детей пяти континентов!

Наша дружба будет как факел в сердце каждого маленького жителя матери-Земли.

За дело мира и дружбы! За счастье всех детей мира! Всегда готовы!

*Живко Кирилов-Сучев,
Болгария*

Дорогие читатели «Костра»! От ваших монгольских друзей я передаю вам горячий привет!

В Советском Союзе мне посчастливилось быть два раза. Особенно понравился мне Ленинград, где я была делегатом от монгольской пионерии на IV Всесоюзном пионерском слете. Я подружилась со многими ребятами. Особенно много друзей у меня среди советских пионеров. Все дети нашей планеты не хотят войны. Тысячи километров разделяют наши страны, но для дружбы преград нет. Дружба объединяет все народы.

У нас есть хорошая старинная пословица: «Если у человека много друзей, то он широк, как степь, если у человека нет друзей, то он узок, как ладонь...»

Лучше мне не сказать...

*Тунгалаг Чадраабалын,
Монголия*

Дружба — это та связь, тот узел, который соединяет все страны, и те страны, которые борются за построение нового общества, и те, что борются против империализма.

В мире существует множество способов дружить. Мы можем сказать об обмене письмами, журналами, пластинками... Но я понимаю, что самое высокое выражение дружбы между народами — это взаимная помощь, которая существует в разных областях индустриализации, обучения, культуры, медицины. Вот вам пример такой помощи — историческая сафра — уборка сахарного тростника, когда мы боролись за 10 миллионов тонн сахарного тростника. Тогда бригады техников и мачетерос из многих стран помогали нам.

Так я понимаю дружбу.

*Пабло Санчес,
руководитель кубинской делегации*

По-моему, дружба детей всего мира зародилась еще во время последней войны, когда не только взрослые, но и дети многих государств отдавали все силы, чтобы победить фашизм. В Польше говорят: «Настоящая дружба приходит в беде...» А в мирное время эта дружба только крепче стала. Мне кажется, детскую дружбу укрепляют и международные детские лагеря, и слеты, и спортивные состязания. Так было и в июле, когда организационный комитет IV Всесоюзного пионерского слета пригласил на торжества молодежь из братских стран. Делегаты Болгарии, Чехословакии, Кубы, Монголии, ГДР, Румынии и Польши были вместе. Жили в одной гостинице. И когда, например, представитель Болгарии отмечал свой день рождения — свое пятнадцатилетие — все делегации в его честь устроили небольшой вечер.

Вернувшись на родину, мы будем вспоминать дни, прожитые вместе в СССР. Привет всем читателям «Костра»! Пусть их дружба, как и дружба детей всего мира, никогда не ослабевает.

*Марек Пилипон,
Польша*

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

Некоторые думают, что стихи пишут, как письма: когда нужно, сел и написал. Конечно, большинство профессиональных поэтов могут при желании сочинить стихи на какую-либо определенную тему, но все же это будет скорее рассудочным упражнением, чем стихами.

Стихи не пишут, они пишутся. Я хочу этим сказать, что появление стихов обязательно должно быть не вымученным, а естественным.

Теперь о моем стихотворении.

В 1949 году, когда я учился в Литературном институте, тогдашняя студентка, а ныне писательница Инна Гофф рассказала мне, как она в детстве приехала в другой город, и там, на их улице, верховодил над сверстниками отчаянный мальчишка, его ватаги остерегались даже старшие. Однажды эта компания преградила ей дорогу, но она не растерялась, а попросила атамана проводить ее до дома, и он — скорее от неожиданности — согласился.

Хочу заметить к слову, что многие писатели охотно рассказывают друг другу разные исто-

рии из своей жизни, иногда специально оговаривая, что собираются писать об этом (чего в данном случае не было).

Эта история тоже была рассказана не мне одному.

Года через полтора я, сидя у пруда, под Москвой, смотрел, как мальчишки, будто соревнуясь, бросают плоские камешки-плитки с таким расчетом, чтобы они прыгали по воде как можно большее число раз. В моем детстве это называлось «печь блины». И сейчас особенно здорово «пек» один парнишка, явный вожак и заводила. Когда я возвращался домой, мне пришли в голову строчки:

Он плоский камень
так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал
по воде. —

И я занес их в записную книжечку, которую всегда ношу с собой. Но дальше этого дело не пошло.

И еще через несколько месяцев я, листая блокнот, наткнулся на эти строчки, и неожиданно они как бы объединились с тем рассказом и, словно получив толчок, я уже не мог не написать стихотворения, оно явилось вроде само собой, я едва успевал записывать. Конечно, это только так кажется, но это прекрасное ощущение бывает лишь тогда, когда преодолен некий подъем, барьер, и стихотворение дальше уже живет сво-

ей собственной жизнью и как бы само пишется.

Любопытно, что, когда я печатал эти стихи в «Новом мире», мне предложили снять, сократить вторую строфу, как затягивающую сюжетное развитие стихотворения (с этим можно согласиться), но я настоял, чтобы она осталась, мне ее было просто жалко, ведь с нее все началось. Кроме того, благодаря именно пруду появилась морская терминология — матросы, адмирал, — придающая изображаемому дополнительный колорит.

А заканчивались стихи так:

Легли на землю солнечные
пятна.
Ушел с девчонкой рядом
командир.
И подчиненным было
непонятно,
Что это он из детства уходил.

А на заборе дряхлом повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

Я чувствовал, что это не концовка, что нужно еще что-то другое, и довольно долго бился, пока не увидел, что все есть и следует только поменять эти четверостишия местами.

Стихотворение «Мальчишка» получило весьма широкое распространение и известность и на долгое время стало как бы моей визитной карточкой.

К. Ваншенкин

МАЛЬЧИШКА

Инне

Он был грозой нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровождение преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вокруг сада был довольно ветхий, —
Любой мальчишка в дырки проходил, —

Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные книжки —
Не зря ж его боялся, как огня...
И вдруг она сказала: — Там мальчишки...
Ты проводи, пожалуйста, меня...

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шагнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

... Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девчонкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.

1951

Рисунок А. Алексеева

Женька и Монарх

РАССКАЗ

Р. Назаров

Рисунки В. Бескаравайного

Как только Женьке минуло четырнадцать, он пошел работать.

Завод, правда, делал не танки, не пушки, даже не снаряды — всего лишь полевые телефоны, но все равно был оборонный, номерной, и, что самое главное, на нем в инструментальном цехе давно уже трудился для фронта, для

победы не кто-нибудь, а сам Монарх, Сашок Кулебякин.

Единственный и лучший друг жизни!

В отделе кадров на Женьку посмотрели строго, даже с недоверием: белобрысый, худой, скуластенький, он выглядел младше и слабее своих сверстников. Пока начальник изучал его метрику, Женька заикнулся было, что не прочь, мол, пойти в инструментальщи-ки, но услышал в ответ:

— Нос не дорос. Скажи спасибо, что и так получишь рабочую карточку.

Словно все дело было в этих семистах граммах хлеба! То есть, оно, конечно, неплохо —

рабочую карточку не сравнить с детской или иждивенческой, спору нет. К тому же она хоть в таких житейских правах уравнивала Женьку с другом, но в Женькином воображении давно уже нарисовалась картина, как их станочки стоят рядом, гудят, крутятся; повернешь голову направо — Сашок, он глянет налево — я! Как жизнь, дружище? На все сто! От такой картины замирало сердце...

Цех, куда привели Женьку, назывался бакелитовый. Сразу в нос ударил едкий химический запах, глаза защипало. Жарко шипели прессы, издавая этот резкий неприятный запах. В цеху были сплошь одни женщины. «Опять как в теплушке», — с горечью подумал Женька. Работницы тут же обступили его как новенького, поднялся гвалт, посыпались смешки и шуточки насчет его возраста и роста, а одна какая-то, сама вся в конопушках, додумалась обозвать Женьку «женишком».

Насупившись, он молча сносил все это и с тоской думал о том, что Сашок никогда не позволил бы подобного к себе отношения. Наоборот, он первый бы озорно крикнул: «Здорово, бабоньки!» — и для каждой нашел бы ответную шуточку или острое словцо, подходящее к случаю. Ничего такого Женька не умел и втайне страдал от зависти к Монарху.

Сперва Женьке велели приглядеться к работе цеха.

Здесь прессовали телефонные трубки. В тяжелую металллическую форму насыпали бакелитовый порошок и ставили матрицу под пресс. При высокой температуре и под большим давлением порошок спекался. Работница с трудом вытаскивала матрицу и вытряхивала из нее готовую черную трубку. У каждого пресса стояли обыкновенные корзины, куда сыпались раскаленные трубки. От прессов и корзин исходил жар. Потом работница щеточкой вычищала зеркально отполированную форму, снова засыпала бакелитовым порошком, и все повторялось сначала.

Дело было нехитрое, и свои наблюдения Женька мысленно подытожил так, как любил высказаться Сашок Кулебякин: «Сила есть — ума не надо».

Женьке выдали огромные квадратные рукавицы, защитные очки и посадили к наждачному кругу, похожему на обычное точило. Мастер, тоже женщина, показала, как надо обдирать на трубках острые зазубрины кромок и зачищать швы. К Женькиному рабочему месту подтащили корзину с трубками, и он принялся за дело. Трубки, особенно те, что лежали сверху, обжигали руки даже сквозь рукавицы. Наждачный круг нещадно пылил. В очках было жарко и неудобно.

Через час Женька наловчился зачищать швы, уже не царапая черный глянец поверх-

ности. Через полтора часа у него заныла спина, а на зубах захрустела наждачная пыль. Через два часа к нему волоком подтащили новую корзину с трубками, все нужно было начинать сначала, и он невольно подумал о том, какой, оказывается, долгой и нудной может быть работа. Но мысль эта показалась Женьке такой предательской, что он постарался спрятать ее как можно глубже.

Неожиданно перестали шипеть прессы. Наверно, обеденный перерыв, — обрадовался Женька, но выяснилось, что кончился бакелитовый порошок. Работницы выключили прессы, скинули рукавицы и уселись в кружок в дальнем уголке. Работать остался один Женька. В тишине гудел только его наждачный круг. Сухо щелкали, стучаясь друг о дружку, зачищенные телефонные трубки, которые он бросал в корзину слева. В корзине справа их почти не убавлялось.

Вот если бы я выключил свой станок, подумал Женька, то цех остановился бы полностью. А так, несмотря на перебой с порошком и вынужденный простой, работа продолжается, и это всецело его, Женькина, заслуга, его труд, пусть не ахти какой интересный, но зато необходимый сейчас для полного порядка.

В монотонном гудении наждачного круга послышался торжественный мотив.

Незаметно поглядывая в ту сторону, где собрались работницы, Женька жаждал уловить хоть словечко о себе, хоть взгляд, исполненный тихого уважения к его незаменимости, но женщины шушукались между собой, не обращая на него внимания, а одна даже вязала носок, как у себя дома.

Откуда у женщин берется столько разговоров? — призадумался Женька, опять вспомнив свою теплушку. И о чем, главное! Иногда, правда, говорилось всерьез — про войну, про бомбежки, про письма с фронта, но в большинстве случаев это были такие мелочи жизни, что и слушать не хотелось...

Трубки кончились внезапно: Женька не глядя сунул руку в корзину за следующей и наткнулся на пустое плетеное дно. Он чуть не подпрыгнул от радости — сумел вовремя сдержаться. Спокойно снял рукавицы, защитные очки и выключил наждачный круг.

Сразу стало очень тихо, и работницы дружно повернулись к нему.

— Чего еще делать? — спросил Женька.

— А ничего. Погуляй покамест.

Женьке снова пришлось сдерживать себя, чтобы тут же не сорваться с места. Ведь «погуляй» означало, что он прямо сейчас может пойти в инструментальный цех, где работает Сашок Кулебякин, не спеша, вразвалочку подойти к нему, стоящему за станком, и пожать ру-

ку как равный равному. Как рабочий человек рабочему человеку.

Женька шел по заводу не торопясь, руки в брюки, и чувство собственного достоинства переполняло его.

Но в инструментальном Кулебякина не оказалось. Сказали, что он в сборочном, и Женька поспешил туда.

Сборочный цех был светлый, просторный, тихий. Здесь тоже работали в основном женщины и девчонки. Все сидели за длинными столами конвейера. Посреди медленно двигалась лента, на ней лежали те самые телефонные трубки, которые зачищал Женька. Сборщики брали трубку за трубкой, привинчивали внутрь детали, припаивали проводки. Над столами курились тонкие канифольные дымки. Когда трубки доезжали до конца конвейера, они были уже готовенькие, собранные, свинченные, с торчащим из них шнуром.

Неподалеку от конвейера Женька увидел Кулебякина. Сашок стоял, нагнувшись над какой-то металлической плитой. Издали казалось, что он внимательно рассматривает эту плиту. Подойдя ближе, Женька обнаружил, что Сашок не просто разглядывает плиту: один глаз у него был зажмурен, а другой вытаращен.

— Ты чего? — изумился Женька.

— Обожди, — сказал Сашок, часто моргая. Потом потер глаз кулаком и улыбнулся. — Полный порядок!

И объяснил недоумевающему Женьке, что если в глаз попала металлическая стружка, только не латунная и не дюралева, лучше бежать не в медпункт, а сюда, в сборочный, к электромагниту: он сам, своей силой, вытянет стружку из глаза, стоит лишь наклониться над плитой.

Женька был поражен.

— Айда! — сказал Сашок.

Но они пошли не в инструментальный, как ожидал Женька, а в столовку, потому что начался обеденный перерыв. Сашок показал на висащие в цеху часы и подмигнул Женьке.

— Сергунька в гармузуньку, а?

По дороге в столовку Женька рассказал другу про бакелитовый цех и свой наждачный круг.

— Да, — сказал Сашок. — Работка — не бей лежачего!

И пообещал перетащить Женьку в инструментальный, к себе поближе.

* * *

Сашок Кулебякин на голову выше Женьки, шире в плечах и года на три старше. Волосы у него черные, с зачесом назад — не то что Женькин полубокс, челочка. Сашок давно уже

курит, не прячась от взрослых. На правой руке у него наколка — сердце и собственное имя.

Ходит Сашок всегда в тельняшке: ворот рубахи расстегнут и там треугольник синих полосок. Брюки заправлены в хромовые сапоги гармошкой с желтыми отворотами. Пряжка у ремня такая, что завидки берут: латунные крылья чайки застегиваются якорьком на цепочке.

Пряжку Сашок сделал своими руками.

Вообще он из тех ребят, кому хочется подражать во всем. Ходить, как он, не спеша, вразвалочку. Так же ловко сплевывать сквозь зубы. Повторять его излюбленную присказку — «сергунька в гармузуньку». Что это такое — не знает, наверно, и сам Сашок, а повторять все равно хочется.

Женька помнит первую встречу с ним, как будто это было вчера. Когда тетю Соню с Женькой, как эвакуированных, поселили в этом доме и они кое-как поместились в крохотной каморке около общей кухни, Женька вышел на двор. Тут же его окружила местная сопливая малышня, а вскоре появился и Сашок Кулебякин. Тогда он и в помине не был Монархом, как теперь. Не было на нем ни тельняшки, ни ремня с крыльями чайки, а был он в серой выгоревшей косоворотке и, хромкая, грыз большое яблоко.

Малышня почтительно расступилась перед ним.

— Что за птица? — спросил Сашок про Женьку.

— Новенький! Ковыренный! Из Ленинграда! — немедленно сообщила малышня.

Сашок доел яблоко, подфутболил огрызок и спросил Женьку:

— Гогочка?

— Сам ты гогочка!

Сашок легонько ткнул Женьке кулаком в поддыхало, и тот согнулся пополам. Из кармана у него выпал перочинный ножик.

— Махнемся? — моментально предложил Сашок.

— Что на что? — с трудом сказал Женька, еле разгибаясь.

Сашок пошарил по карманам, извлек оттуда полную горсть всякой дребедени, выбрал стреляную гильзу.

— Во! Видал?

— Больно жирный, — сказал Женька, пряча ножик.

— Эх, ты! Сергунька в гармузуньку! — сказал Сашок и сплюнул сквозь зубы.

Это прозвучало так оскорбительно, что Женька, сам не зная отчего, выпалил:

— А ты хоть раз был в бомбежке?!

Вот с этого и началась дружба с Сашком Кулебякиным. Женька, конечно, понимал, что насчет бомбежки сболтнул лишнего — слова

эти вырвались сами по себе, от безвыходности положения, но отступать уж было поздно.

Женька не знал никаких налетов, не слышал грохота взрывов, не видел мертвых, но с таким знанием дела стал рассказывать про войну, что малышня слушала, разинув рты и боясь лишний раз шмыгнуть носом, а Сашок изредка говорил:

— Иди ты!

Слова у Женьки брались неизвестно откуда, обгоняли друг дружку, набивались во рту, как горсть вишен с косточками, — то и дело приходилось сглатывать слова, чтобы не выскакивали вперед, а когда не спасало и это, он помогал себе чем только мог: размахивал руками, прыгал, падал на землю, как падают убитые, свистел, бабахал, строчил, шипел паровозом, трубил отбой.

На слушателей это произвело огромное впечатление, а Сашок при каждой новой встрече первый протягивал Женьке руку. Правда, жал он руку так крепко и так долго, что Женька едва не морщился и потом незаметно шевелил пальцами, белыми и словно слипшимися от боли.

В глубине души Женька таил предчувствие неизбежной расплаты за то, что врет напрапую, но все равно ничего уж поделать не мог, и чем больше его рассказы уснащались всякими военными подробностями, тем сильнее и он сам начинал верить, что так оно и было в действительности, и не с кем-нибудь, а именно с ним, Женькой Саврасовым.

В действительности же их эшелон, вышедший из Ленинграда еще в июле, до налетов, тащился на восток чуть ли не полмесяца, подолгу застревая на стоянках. Женщины тут же затевали стирку у водокачек и развешивали белье между теплушками. Пока стояли, больше всего хотелось ехать дальше. Когда ехали, хотелось, чтобы поскорее была станция. Из оконца теплушки не на что было смотреть: мимо проплывали обычные леса и поля, тянулись провода. Иногда на столбах сидели грачи, так и напрашиваясь, чтобы по ним пульнули из рогатки.

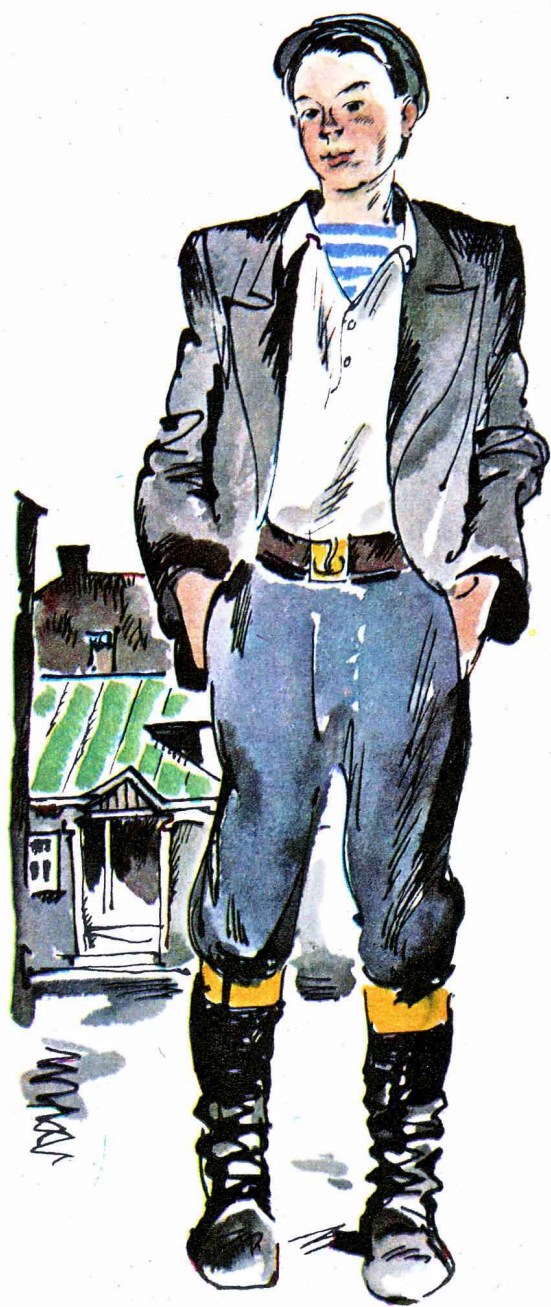
Железнодорожные станции были похожи одна на одну, как будто их нарочно так строили, а чтобы не перепутать, называли по-разному. Но названия быстро вылетали из головы, и в памяти все смешивалось, превращаясь в какой-то бесконечно длинный вокзал с одинаковыми перронами, с одинаковой жарницей, толчеей, бегом за кипятком, с одинаковыми мешками, узлами, вагонами, под которые то и дело ныряешь... Однажды Женька споткнулся о рельс, до крови разбил коленку — это была первая и единственная капля крови, пролитая им с начала войны. Не смешно ли? Тетя Соня,

морщась и охая от Женькиной боли, густо мазала ссадину йодом и приговаривала:

— А если бы не колено? Если бы — голова? Разбил бы вдребезги! Не забудь, что я отвечаю за тебя перед твоими родителями!

Женьке и без того было тошно: тетя Соня всегда из любого пустяка раздувала целую трагедию, а тут еще и эти женщины в теплушке — кто их только просит? — обступили его, поддакивали тете Соне и смотрели на него, как на умирающего...

Не про это же, в самом деле, было рассказывать!

Обо всем, что внесла война в Женькину мальчишечью жизнь и что заслуживало хоть какого-то внимания, Сашок Кулебякин уже слышал не раз. Знал он, что родители Женьки, как врачи, были сразу призваны в армию, но оставлены в Ленинграде в одном из госпиталей. Поэтому Женька приехал сюда с тетей Соней. Знал Сашок и про тетю Соню и ее мужа Аркадия Михайловича. Оба они были лю-

ди ученые. Тетя Соня работала в Академии наук, изредка ездила на раскопки, но большей частью занималась тем, что срисовывала на карточки и описывала словами глиняные черепки древних горшков. Аркадий Михайлович служил в Публичной библиотеке, но не там, где просто выдают книжки, а там, куда посторонним вход воспрещен и где хранятся исторические рукописи.

Аркадия Михайловича Женька недолюбливал за то, что тот всегда ходил в шляпе и с тросточкой, как Чарли Чаплин, однако был совсем не смешной и не веселый, а, наоборот, до того строгий и вежливый, что даже тетю Соню, жену свою, называл на «вы». Когда началась война, он тут же записался добровольцем в ополчение и пришел со всеми прощаться уже в форме и в обмотках, застегнутых булавкой. Тетя Соня плакала, он гладил ее по голове, как маленькую, и говорил: «Не плачьте, дорогая, берегите себя, я должен быть спокоен за вас, уходя туда».

Но все это, видно, было не так интересно, потому что Сашок, случалось, обрывал Женьку на полуслове:

— Валяй лучше про бомбежку!

Женька начинал издали в надежде, что до бомбежки речь не дойдет и не нужно будет сочинять то, чего не было. Поэтому он старательно припоминал все, что видел своими глазами. Например, санитарный поезд, который они однажды пропускали. Он проехал медленно, осторожно — понятно почему. За пыльными окнами вагонов виднелось много белого: простыни на полках, халаты, повязки. Или идущие на фронт воинские эшелоны. Иногда такой состав останавливался почти рядом. На товарных вагонах мелом было написано: «За Родину, вперед!» На платформах, совсем близко, стояли укрытые брезентом и замаскированные зеленью пушки, броневики, полевые кухни. Красноармейцы были веселые и все как один остриженные наголо. Они переговаривались с женщинами из теплушек, спрашивали, откуда едем и куда. У всех были винтовки, а у некоторых даже автоматы. Женька специально бегал к паровозу и долго разглядывал установленный на тендере счетверенный зенитный пулемет. Такие эшелоны на станции не задерживались. Раздавалась команда «По вагонам!» — лязгали буфера, поезд трогался. Красноармейцы на ходу вскакивали в свои теплушки — из дверей их подхватывали десятки рук, и путь освобождался. Сразу делалось просторней и тоскливей.

— Ты лучше давай, как «мессера» сбили! — нажимал Сашок Кулебякин, лузгая семечки.

— Да не было никакого «мессера»! — хотелось крикнуть Женьке во все горло, чтобы тут

же, одним махом, обрести былую свободу в душе, но не так-то легко и просто было решиться на это, и он вынужден был снова изображать, как подбитый и охваченный пламенем самолет жажнул носом в землю. Трах, бах, дым столбом! Сашок прятал довольную улыбку, малышня от восторга тихо ерзала на скамейке, а Женьке было гадко и противно, хотя, честно говоря, он не сочинял небылиц о войне и рассказывал лишь то, что знал точно, наверняка, но — с чужих слов. В дороге он столько всего понаслушался от беженцев с других эшелонов, что пересказывал все с такими достоверными подробностями, как будто сам был очевидцем.

Женька видел, что Сашок Кулебякин легко принимает все его рассказы на веру, не говоря уж о дворовой малышне. Но ему было важно во что бы то ни стало обрести друга, а в Кулебякине он нашел именно такого человека, и Женька старался изо всех сил, чтобы завоевать его расположение не заискиванием слабого перед сильным, а созданием хоть какого-то равновесия достоинств.

И вот когда это равновесие было почти достигнуто, когда Сашок сам, по своему желанию, вызвался пилить с Женькой дрова и они дружно жикали пилой, случайно появилась тетя Соня и, услышав очередной Женькин рассказ, сказала:

— Боже, какой впечатлительный мальчик!

И добавила, что ничего такого, конечно, не было, что в Вологде весь эшелон кормили бесплатным обедом, а в Канахе водили в баню с ужасным названием «санпропускник». И вообще — «вранье унижает человека, откуда у тебя такая страсть, просто уши вянут, что сказали бы папа с мамой...»

Все рухнуло в одно мгновение. Женька был уличен, посрамлен, повержен. Дружба с Кулебякиным, едва засветившись, перегорела, как лампочка.

— Герой! — с презрением сказал Сашок, сплюнул сквозь зубы и вразвалочку ушел.

Малышня и вовсе распоясалась: стала дразнить Женьку «герой — хвост трубой!» и швырять в него колючками репейника.

Напрасно старался Женька доказать тете Соне, что не такое уж это вранье, если она хочет знать! А ну, их бы и взаправду бомбили — разве не могло быть? Он же ничего не придумывал, не приписывал себе поступков, которых не совершал. Меньше всего в его рассказах было пустой похвальбы, в них он оставался фигурой незаметной и скромной, что вполне соответствовало его натуре; ему с лихвой хватало и того, что он выступал участником событий, которые могли бы произойти, и единственное, что он позволял себе, — это всегда оставаться целым и невредимым, а также в до-

статочной мере бесстрашным. Разве это противоречило истине? В конце концов, шла война, это было для Женьки самой главной правдой, и он не виноват, что его увозили от нее подальше, туда, где о ней пока знали еще меньше, чем он.

Тетя Соня понять этого не сумела, потому что никто, даже она, не мог знать Женьку так, как он знал самого себя. Наедине с собой он не раз всерьез подумывал о том, что если не сможет вернуть утраченного доверия Кулебякина, то должен будет «подорвать» на фронт и тем самым смыть с себя пятно.

— Только через мой труп! — кратко сказала тетя Соня, когда такая мысль однажды вырвалась у Женьки вслух.

О подобных разговорах с Сашком не могло быть и речи: никаких оправданий от Женьки он все равно не принял бы. Однако перочинный ножик, который робко предложил ему в подарок Женька, Сашок принял. Как знать, может, это было первым шагом к примирению?

Теперь при встречах с ним Женька старался меньше говорить и больше слушать, тем более что Сашок уже поступил на завод и стал совсем как взрослый. У него была рабочая карточка на семьсот граммов хлеба и новенький пропуск с фиолетовой печатью и красной полосой наискосок. О своих заводских делах Сашок рассказывал с небрежностью бывалого человека, пересыпая речь непонятными названиями непонятных вещей. В такие минуты Женька особенно остро чувствовал, что совсем отстает от него: Сашок уже занял свое место в жизни и наравне со всеми кует победу над врагом, а он, Женька, безнадежно застрял в детстве, и никакого от него толку, и война проходит без его участия, — он только слушает по радио сводки Информбюро и читает нечастые письма от родителей, в которых ему велят слушаться тетю Соню, хорошенько учиться в школе и не застужать горло. На конвертах стоит штамп: «Проверено военной цензурой», и это значит, что посторонние люди из этой самой цензуры тоже знают о Женьке Саврасове, для которого какие-то миндалины в горле должны быть важнее, чем всенародная война с фашистскими гадами!...

В тот день Женьке не терпелось увидеть Кулебякина и поделиться с ним кое-чем. Сашок появился во дворе в окружении малышни, которая теперь и подавно таскалась за ним, как свита. Сашок был в пиджаке нараспашку, а под ним красовалась настоящая флотская тельняшка.

— Ух ты! — восхищенно выдохнул Женька. — Где достал?

— Уметь надо, — сказал Сашок.

— Он ее на базаре сменял! — вылез вперед

один из свиты и тут же получил от Сашка щелчок по лбу: не суйся, мол, не в свое дело.

— А мы с тетей Соней в сберкассу ходили, — сообщил Женька. — И добровольно сдали пять штук облигаций. Пятьсот рублей. В фонд обороны.

Он не без гордости показал Кулебякину квитанцию, на которой так и было написано — «в фонд обороны».

— А вдруг бы они выиграли? — спросил Сашок про облигации.

Вот тут-то и раздался этот жуткий, нечеловеческий крик!

Малышню со двора как водой смыло. Сашок и тот испугался. Крик резанул, как но-

строчки и аккуратно положил на краешек стола.

В том письме — Женька узнал позже — родители осторожно сообщали, что Аркадий Михайлович в числе других ополченцев погиб в бою под Лугой...

После этого дня Сашок Кулебякин сказал всем во дворе:

— Кто на Женьку вякнет, будет иметь дело со мной!

* * *

И вот теперь Женька трудится на том же заводе, где и его лучший друг. Подобно ему, он каждое утро, невзирая ни на что, выходит

жом. Женька понять не успел, кто кричит, где, беспомощно оглянувшись по сторонам и увидел только, как в соседских окнах прилипли к стеклам плоские лица. Он кинулся в дом. В хозяйской комнате стояла тетя Соня, обеими руками схватив себя за шею. Женьке показалось, что она душит себя, что сейчас она задохнется и свалится на пол мертвая. От страха его забил озноб, он бросился к тете Соне и стал отрывать ее руки от шеи, что-то крича, но вместо слов у него вырвались одни всхлипы. Тетя Соня отталкивала его, попадая даже по лицу. Волосы у нее растрепались, глаза были невидящие, белые. Женька и не подозревал, что она такая сильная, и оттого, что никак не мог одолеть ее, стиснуть покрепче руки и спасти, ему делалось еще страшнее.

Потом в комнату вбежал Сашок, за ним перепуганной толпой ввалились какие-то тетки, старики, старухи, стали их разнимать, охая и причитая, отпихивая стулья и путаясь в половах, на которых простой мятой бумажкой валялось письмо.

Сашок его поднял, заглянул в ровные синие

из дому. Пусть дождь, слякоть, вьюга, пусть слегка пошатывает от недосыпа, все равно Женька идет по улице, которая чем ближе к заводу, тем гуще заполняется рабочим народом. Женька чувствует себя в этой толпе равноправным, словно на демонстрации, хотя нет никакого праздника. Особенно приятно, когда случается шагать рядом с Сашком: его многие знают, кивают ему при встрече илижимают руку, и Женьке кажется, что люди заодно здороваются и с ним. В проходной он небрежно показывает вахтерше пропуск в раскритом виде, вместе со всеми выходит на заводской двор, на минуту задерживается у большой карты, на которой флажками обозначена линия фронта на сегодняшний день.

Отсюда Женька и Сашок идут в разные стороны: один — в инструментальный, другой — к себе в бакелитовый, но и здесь не разрывается их незримая общность. Перевешивая свой табельный номер с гвоздика на гвоздик, Женька знает, что и Сашок сейчас делает то же самое. Ровно в восемь их табельные доски запрут на

замок, и там, за тонкой металлической сеткой, в ровных рядах дюралевых жетонов будут тускло поблескивать их номерки, точно медали на музейной витрине.

Теперь Женька знает о своем друге такое, что вообще недоступно пониманию дворовой малышни: прозвище Монарх, укрепившееся за Кулебякиным, пошло от названия новенького американского станка, недавно установленного в цехе. И не кому-нибудь, а Кулебякину доверили работать на таком станочке!

Сашок показал его Женьке на следующий же день. Сияя, он поглаживал станок, как любимого коня, и говорил:

— По ленд-лизу, гады, поставили!

любой смысл и любое настроение, как тот схватил его за руку и потащил:

— Айда к мастеру!

Канторка мастера произвела на Женьку странное впечатление. Помимо вещей необходимых — стола, стула, разных графиков на стенах и плаката «Все для фронта, все для победы!», — здесь стояла обыкновенная кровать, застланная клетчатым одеялом. Мастер был в очках и лысый, голова у него блестела так, что Женьке почему-то сразу представился чистильщик обуви, который наводит блеск на ботинок, только бархотка белая, а вместо ботинка — голова.

Сашок громко поносил бакелитовый цех и

Женька мало что смыслил в токарном деле, однако не мог не заметить, что рядом с низкорослыми, кряжистыми, выкрашенными в грязно-зеленый цвет «Удмуртами» этот голубой, холеный «Монарх» прямо-таки сверкал, как цирковая лошадка среди лохматых ломовых тяжеловозов.

Женька лишь вздохнул от зависти к другу, а тот уже включал и выключал станок, вертел никелированные рукоятки с эбонитовыми шариками на конце, показывал пальцем на приборную доску, где за стеклами дрожали стрелки указателей и даже тикали вделанные в кожух часы, и сыпал восторженными объяснениями: шпиндель, задняя бабка, три тысячи оборотов, суппорт, каретка, патрон, цанга... Соображаешь?!

Женька невнятно мотнул головой и почувствовал себя виноватым.

— Ничего, паря! Ты, главное, не робей! — воскликнул Сашок. — Это тебе не сергунька в гармузуньку!

Не успел Женька подумать, до чего ловко умеет Сашок вкладывать в свою присказку

уговаривал мастера «перекантовать» Женьку сюда.

— Эти чертовы трубки ему аж спать не дают, мерещатся! — кричал Сашок.

И он почти угадал. Придя с завода домой, Женька с воодушевлением описывал тете Соле свой первый рабочий день. Та слушала невнимательно, отвлеченно и все больше приюхивалась к запаху бакелита, исходившему от Женькиной куртки. Вечером Женька долго не мог уснуть: перед глазами кишмя кишели телефонные трубки. Они даже шевелились, как черные раки в корзине.

Мастер, казалось, и не слышал Кулебякина. Сидел и вертел самокрутку с таким видом, будто ничего важнее сейчас не было.

— Ну так что, Лукич? Возьмем? — Сашок называл мастера Лукич и говорил ему «ты».

— Чей? — негромко спросил Лукич, глянув на Женьку поверх очков.

— Женька Саврасов! Этой племяш, которая малость того! — Сашок покрутил пальцем у виска.

— Да ну, — непонятно сказал мастер.

— Не того, а переживает, — пояснил Женька. — Мужа у нее убили. Под Лугой.

— Зря, — опять непонятно сказал мастер.

Конечно, Сашок не мог не знать, что тетя Соня после того письма сделалась совсем другой. Она перестала плакать, но теперь могла часами ходить по каморке взад-вперед, сцепив пальцы и шевеля губами, словно молилась. Или могла подолгу сидеть у стола и ничего не замечать вокруг себя, а если Женька о чем-то спрашивал, она сразу не понимала и смотрела невидящими глазами. Но самое странное было то, что она вдруг начинала рисовать черепки. На старых Женькиных тетрадках, на обрывке газеты, даже просто на клеенке — все равно на чем. Садилась и рисовала одни только черепки. Потом, вроде бы спохватившись, все порвет на мелкие клочки, клеенку вытрет, скажет Женьке: «Не обращай внимания», и снова примется ходить по комнатухе — три шага сюда, три шага туда. Да, все это так, ничего не поделаешь, но все-таки напрасно Сашок покрутил пальцем у виска да еще при постороннем Лукиче...

— Ну и фиг с ним! — говорил Сашок, когда они вышли с Женькой из конторки. — Ты не горюй. Не взял сейчас, возьмет после. Мы своего добьемся, терять нам нечего. А сперва сделаем так; я тебя пока малость подучу, чтоб, понимаешь, сергунька в гармузуньку, и тогда уж будьте уверочки! Идет?

С ходу войдя в роль наставника, Сашок потащил Женьку по цеху, от станка к верстаку, от верстака к станку. Фрезерный, строгальный, микрометр, серебрянка, планшайба... эмульсия, потому что водой охлаждать нельзя, будет ржаветь... метчик, пуансон, лерка, корундовый круг... ты на искру, на искру смотри! Продолговатенькая — от железа, а звездочками — сталь, соображаешь?

Женька был подавлен этой лавиной знания. Сашок превзошел себя. Он вел со счетом сто — ноль в свою пользу, и Женька чувствовал себя несмышленишкой из детского сада. Улучив минутку, Женька ухмыльнулся и рассказал про глянцевою голову мастера Лукича. Сашок захохотал.

— Ну, артист! Бархоткой, значит? Утречком по лысине — жик-жик-жик! Умора!

Сашок прямо извивался от смеха, но под конец, успокоившись, сказал:

— Вообще-то он мужик что надо. Не придирается.

Женька узнал, что Лукича вместе с другими кадровыми рабочими «Красной зари» вывезли из блокадного Ленинграда по Дороге жизни. Это было весной сорок второго. В Ленинграде от голода умерла дочка Лукича. Сам Лукич приехал сюда с женой, оба слабые, с опухшими ногами. Нажмет пальцем, — гово-

рил Сашок, — ямка остается. Многих сразу поместили в стационар, чтобы подкормить. В стационаре умерла жена Лукича — уже не от голода, а оттого, что сразу много съела. Это потрясло Женьку, он никогда не думал, что может быть такая смерть — от еды. Лукич остался совсем один, ему разрешили жить на заводе, поставили в конторке кровать и назначили заодно ночным мастером.

Женька украдкой посмотрел на конторку Лукича, которого ни за что обсмеял, и ему стало совестно.

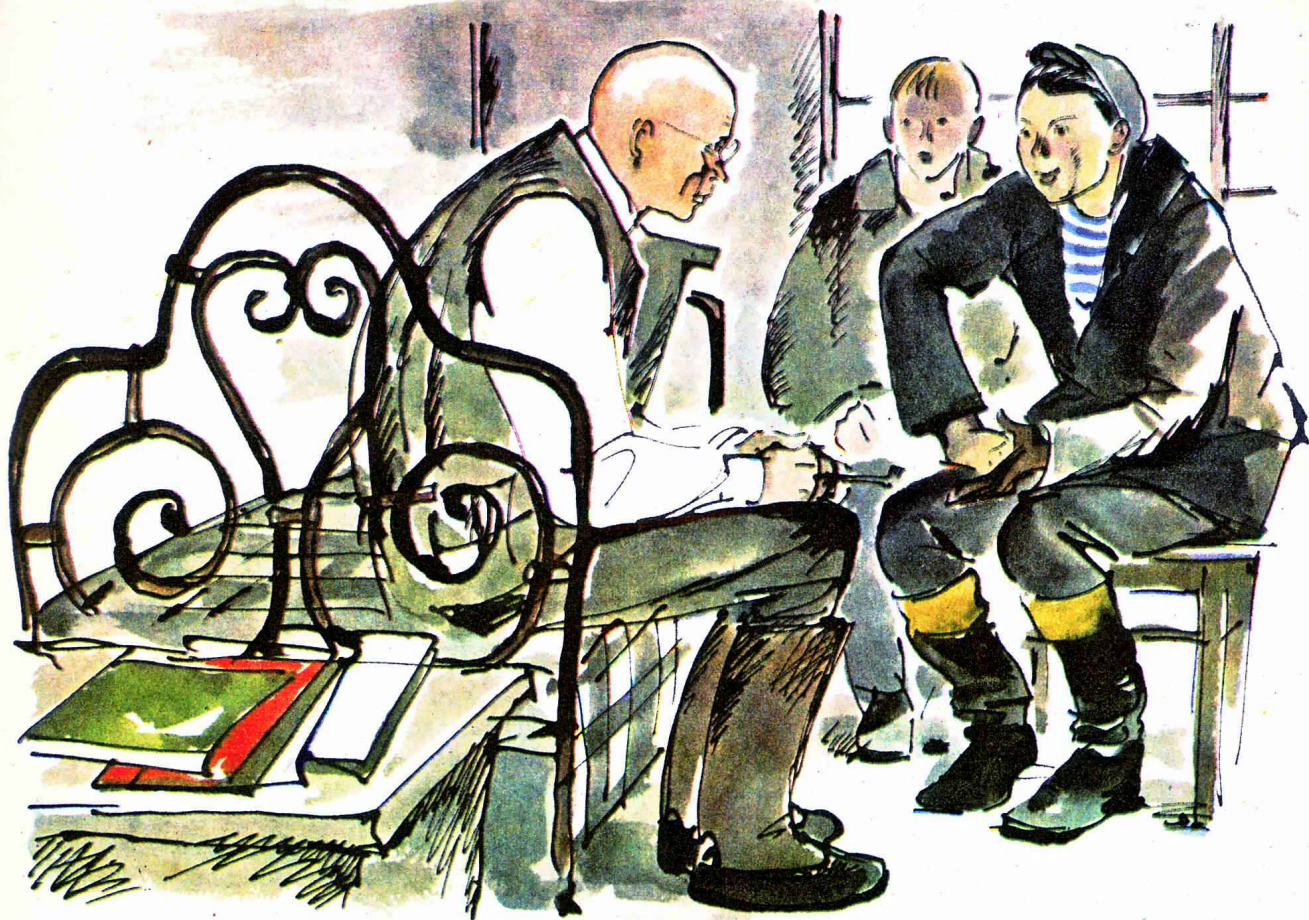
* * *

Завод стал для Женьки не вторым домом, а, можно сказать, первым. Он подчинил его жизнь своему раз навсегда заведенному порядку, наполнил ее новыми делами и обязанностями.

Женька по-прежнему работал в бакелитовом цехе. Ему больше не мерещились перед сном телефонные трубки, шевелящиеся, как раки в корзине. Он перестал замечать едкий запах порошка. При случае мог вполне заменить работницу у пресса. Дважды в месяц он приносил тете Соне получку — несколько красных тридцаток, иногда новеньких, хрустящих, иногда затертых, мягких, как тряпочки, склеенных бумажными полосками. С первой полочки Женька купил для нее подарок — стакан рыночной махорки, крупной, как опилки. Тетя Соня пристрастилась курить, вертела толстые неуклюжие скрутки, вставляла их в самодельный мундштук из обычной деревянной катушки. Курила она много, часто заходясь кашлем; глаза у нее становились мутные и слезились. Никогда больше она не говорила Женьке, что отвечает за него перед родителями, и это было справедливо, потому что неизвестно, кто за кого теперь отвечал. Оставаться с ней дома бывало тягостно, и Женька, несмотря на то, что ему по возрасту полагался шестичасовой рабочий день, пропадал на заводе с утра до вечера.

Самыми светлыми для него минутами были, конечно, те, которые он проводил в инструментальном, рядом с Сашком Кулебякиным. Около своего друга Женька мог пребывать часами, с восхищением наблюдая за его работой. Все у него получалось на редкость уверенно и красиво. Ровно, без натуги гудел «Монарх». Мягко вгрызался в сталь резец, красиво снимая тонкую стружку. Стружка на глазах синела и свивалась в спираль. Красиво встряхивал головой Сашок, откидывая назад спадавшие на лоб волосы.

Не раз Женька мысленно ставил себя на место друга, стараясь представить, как бы он сам стоял за «Монархом», но при всем его воображении такая картина почему-то не полу-

чалась, и Женьке приходилось признать, что ему еще ой как далеко до того, чтобы даже мысленно сравниться с Кулебякиным.

Порой рядом с Женькой останавливался Лукич, и они оба глядели, как работает Сашок.

— Краси-и-во! — выдыхал Женька, хотя мастер ни о чем его не спрашивал, а просто молча дышал рядом...

За все это время Сашок многому научил Женьку. Ему теперь не стоило труда отличить по искре сталь от железа, нарезать резьбу метчиком или леркой, прочесть несложный, набросанный от руки эскиз. Женька не только знал три основных токарных резца — проходной, подрезной и отрезной, но и умел довольно сносно заточить их. Кому хочешь мог он рассказать, что когда точат латунь, стружка брызжет сыпучая, а когда медь — стружка тянется вязкая.

Иногда Женьку можно было видеть на слесарном участке. Зажав что-то в тиски, он орудовал напильниками — то драчевым, который

скрежетал на весь цех, то бархатным — тот шелестел мягко и нежно. Трудился Женька самозабвенно, высунув кончик языка. От усердия у него на лбу выступали бисеринки пота.

Когда к верстаку подходил Лукич и вопросительно молчал, Женька стушевывался и старался руками прикрыть то, что было зажато в тисках.

— Это я просто так, — говорил он с деланным безразличием.

— Просто так вороны летают, — отвечал мастер и уходил.

В результате Женькиных стараний получилась совершенно уникальная пряжка, которую он приклепал к своему ремню. Два латунных лепестка, надраенных шкуркой с маслом и сверкающих, как золото, накладывались друг на друга, образуя сердце. Застежкой служил висящий на цепочке кинжальчик, который пронзал это сердце наискосок. Оно, по правде, чуточку смахивало на репу, но любому нормальному человеку символический смысл такой пряжки был ясен.

Дома ему не терпелось услышать, как ахнет тетя Соня, но она, по обыкновению, мало что замечала вокруг себя. Женька вертелся перед ней, нарочно распахнув куртку и выпячивая живот.

Тетя Соня не ахнула, она сказала:

— Гадость какая! — и поморщилась.

Женька огорчился, но в душе простил тетю Соню, поняв, что поселившееся в ней горе убило всякое чувство красоты.

Свою пряжку, однако, он больше не показывал никому...

* * *

В инструментальном к Женьке привыкли, многие называли его — с легкой руки Лукича — «землячком», нередко просили сбегать в

термичку, взять резцы из закалки или принести со склада прут стали серебрянки. Женька охотно выполнял такие поручения, а вот на склад ходил скрепя сердце и никому не мог признаться — почему. Дело в том, что кладовщицей там работала Клава. Женька мало что знал про нее, двух слов с ней не сказал, но, странная вещь, стоило ему хоть мельком увидеть ее все равно где — в цеху, у проходной или в столовой, — он весь вспыхивал, терялся, робел и старался как можно скорее скрыться в толпе или улизнуть в сторону. Сашок отзывался о Клаве в высшей степени пренебрежительно: «рохля», «сонная муха», «тюфяк», а Женька внутренне вскипал и готов был в открытую вступить за нее, но от такого решительного и благородного шага его удерживала лишь боязнь обнаружить свое истинное к ней отношение. Это была его величайшая тайна, которую он не выдал бы никому, хоть режь. И когда его просили сходить на склад, он должен был незаметно собрать всю свою волю, чтобы войти туда так же легко и свободно, как в конторку к Лукичу.

Лучше всего бывало, когда Клава спала за столом, уронив голову на руки и сладко посапывая, а спать в любое время была она мастерица, Сашок прав. Женька осторожно подкрадывался к стеллажу, выбирал прут стали нужного диаметра и потихонечку уходил. Впрочем, если Клава бодрствовала, то дело тоже решалось без особых осложнений. Она долго бродила вдоль стеллажей, задумчиво останавливалась у полок, переспрашивала диаметр, потом подавала стальной прут и молча усаживалась за свой стол.

Как-то раз, выдав ему несколько латунных трубок, Клава спросила:

— Кулебякину твоему, что ли?

— А что? — как можно более независимо и безучастно сказал Женька.

— Он тебя гоняет почем зря, а ты и рад стараться.

Голос у нее был мягкий и теплый, точно говорила она сквозь дремоту, то ли засыпая, то ли просыпаясь. Спорить с таким голосом было невозможно, хотя то, что она сказала, было неправдой, обидной как для Женьки, так и для Сашка.

— Дурак твой Кулебякин, — сказала Клава бесстрастно и даже вроде бы зевнула. Потом уселась на свое место, приняв излюбленную позу: локотки на столе, кулачки уперты в щеки, отчего курносый нос сморщился и еще больше вздернулся. «Скоро заснет», — подумал Женька.

мал Женька со смешанным чувством нежности и досады и пошел в цех.

Латунные трубки действительно попросил принести Сашок, и Женька, покуда нес их ему, размышлял, с чего бы это Клава так говорила про Кулебякина — даже дураком обозвала, хоть и беззлобно. «Наверно, просто завидует, — решил он. — Я ведь тоже ему завидую во многом, и ничего плохого в этом нет!»

Уже начался обеденный перерыв, но Сашок был на месте. Взяв трубки и спрятав их у себя в тумбочке, он подвел Женьку к свободному токарному станку, дал эскиз с цифрами диаметров и длины и сказал:

— Ну-ка, валяй изобрази!

И Женька сам, своими руками, от начала до конца выточил на станке обыкновенный железный болт. Он даже вспотел от старания, но зато все сделал сам — и установил резец по центру, и зажал в патрон железный прут, и точил, и замерял микрометром, и нарезал резьбу леркой — все-все! Сашок только стоял рядом и смотрел.

— Ну вот! И дело в шляпе! — весело сказал он, когда все было готово.

Женька держал в руке еще горячий, сделанный на пробу и никому не нужный болт, а в ушах у него звенело, как бывает, когда наберешь в рот воздуха, раздвнешь щеки и терпишь до конца, до необходимого вдоха. Только сейчас это был не воздух, а радость, и Женька не собиравшись ее выдыхать, хоть лопни, потому что то была его собственная радость, непонятная другим, даже Сашку Кулебякину, который, к слову, уже удрал на обед в столовку.

Женька поддал ногой какую-то железяку и пошел неизвестно куда. Межцеховой пролет был длинный, как улица, и пустой. Женька шагал по нему гулко, размашисто, словно на параде, но, едва увидев впереди человека, юркнул в сторону и оказался в уборной. Здесь была и курилка, и умывальня; непрерывно журчала вода, пахло хлоркой, под потолком желто теплилась лампочка, забранная в проволочную клетку. Женька разжал ладонь и долго, изучающе рассматривал свой болт, с гордостью думая, что вот нехитрое, кажется, дело, а ведь не каждый может превратить кусок металла в такую осмысленную вещь! Сегодня Женька сумел сделать это, и вот оно, доказательство, пожалуйста! Это вам не телефонная трубка, которую делали многие люди: Женькина доля в ней ничтожно мала, даже смешно и глупо показывать трубку и тыкать пальцем в шов — смотрите, моя работа, я зачищал! Болт — совсем другое дело, тут все мое, от начала до конца, любому можно сказать... Вот только кому? Тете Соне? Ничего она не поймет, повертит в руках болт, а

спросит о чем-нибудь постороннем или вообще промолчит... Лукичу? Да, Лукичу вполне можно, но не сейчас и не специально, когда-нибудь потом, при удобном случае, как бы невзначай... А может быть, Клаве?!... Вот еще, с какой стати, она-то здесь при чем?..

Женька крепко зажал болт в ладони, руке стало жарко. То ли тепло остывающего железа перелилось в руку, то ли, наоборот, тепло руки перелилось в железо.

Полным-полно всяких мыслей было в голове у Женьки, они уже не уместались там, а вот ощущение собственной радости, взбаламудившей его всего, постепенно уходило, оседало куда-то вглубь. Наверно, потому, что был он сейчас один и не с кем ему было поделиться этой радостью. Сашок-то удрал в столовку.

Женька вышел из уборной и направился к себе в цех. Обеденный перерыв подходил к концу, рабочие возвращались из столовой. Неожиданно Женька увидел впереди Клаву, которая вяло, как в замедленной съемке, двигалась ему навстречу, и — странное дело! — почему-то не испытал никакого замирания, как это с ним бывало всегда. Не екнуло и не забило учащенно сердце, не полыхнула краской в лицо обычная неловкость, вообще не возникло никаких чувств. Он прошел мимо нее спокойно и безразлично, как мимо любого прохожего на улице.

Интересно, думал Женька, наверно, у человека есть главные чувства, на всю жизнь. И есть маленькие, на каждый день, вроде желания поскорей удрать на обед. Главные чувства у человека всегда одни и те же, как, например, цвет у флага. А маленькие могут меняться, возникать и исчезать по разным причинам — мало ли, погода испортилась, зуб заболел или вон Клаву встретил. И вот когда человека наполняют главные чувства, он становится таким, какой он на самом деле, и тогда его можно проверять, как сталь — на искру, не ошибешься. А если главного чувства в нем почему-то нет — или еще не пришло, или потерялось, как у тети Сони, тогда в силу вступают всякие маленькие и мелкие чувства, которые только запутывают человека, и он начинает барахтаться в них, не видя ничего вокруг и теряя настоящий смысл жизни.

Такое рассуждение вполне удовлетворило Женьку. Он пощупал карман, в котором лежал выточенный им болт, и вошел в бакелиновый цех, где уже стояли наготове корзины с ненавистными ему телефонными трубками.

* * *

Если бы Женьку спросили, что ему на заводе больше всего по душе, он ответил бы, не задумавшись: ночные смены.

В самом деле, весь город спит без задних ног, а тут продолжается жизнь, мало кому известная, особенная, со своими неписаными законами и преимуществами. В цехах чуть тише, чем днем, чуть спокойней — без большого заводского начальства. В инструментальный к Сашку можно сбегать в любое время, не дожидаясь вынужденного простоя. Всюду над станками и верстаками горят на кронштейнах лампочки, напоминая праздничную иллюминацию. Бенгальскими огнями искрят шлифовальные круги.

В одну из первых ночных смен с Женькой по правде случился конфуз. Сидел он на своем месте, зачищал швы — трубка за трубкой, пять, десять, двадцать... И вдруг в руках у него оказывается телефонная трубка величиной с лодку! Женька вертит ее и так, и сяк и не может приноровиться к наждачному кругу, а зачистить швы ведь надо. Что делать? Спрашивает мастера, та говорит: погуляй малость. Женька садится в трубку, как в лодку, и пускается плавать по цеху. Очень лихо это получается, но Женьку гложет совесть — как же так, все работают, а он, извольте видеть, катается между прессами и хоть бы хны!

С таким неприятным ощущением открыл он глаза и сперва ничего не понял: цех виднеется за мутной стеклянной переборкой, а сам он в конторке лежит на мягких бумажных мешках с порошком и укрыт теплой женской шубенкой. Долго не решался Женька выйти в цех, думал — посмеются над ним, рабочником, всласть, но никто слова не сказал...

В час ночи по заводскому радио объявляли обеденный перерыв. Работницы быстренько расходились — кто в столовую, а кто к трубам отопления, чтобы, пригревшись на них, соснуть часок. В ночные смены обед для инструментального и бакелитового цехов совпадал по времени, и Женька отправлялся в «обжорку» вместе с Сашком. С ним было хорошо! Он никогда не стоял в очереди к раздаче. Просто брал две миски, проталкивался, отшучиваясь, к самому окошку, веселил своими прибаутками раздатчиц, и те сперва до краев наливали обе его миски щами погуще, а на второе наваливали полные черпаки тушеной хряпы.

У Сашка всегда находилось при себе что-нибудь редкое — шматок сала или кусок домашней колбасы, и он угощал Женьку, приговаривая:

— Вкусно? То-то же. Учись жить, паря. Иначе — сергунька в гармузуньку!

После обеда оставалось времечко, и они вместе шли в инструментальный. Правда, чаще всего Женька приходил туда один: Сашок сворачивал в сторону, где возле теплых труб было полным-полно девчонок из механического цеха.

Но больше всего в ночных сменах любил Женька, когда отключали силовой ток. Весь завод замирал, погружался в темноту, оставались гореть лишь тусклые контрольные лампочки, чтобы впотьмах не расшибить лоб.

Женька приходил в конторку к Лукичу, удобнее устраивался на его кровати. Заглядывал и Сашок, угощал мастера папиросами «Звездочка», и все трое часок-другой, куда ток не включали, вели в полумраке душшевные разговоры. Женька участвовал в них наравне — вспоминал со всеми подробностями свое довоенное житье, рассказывал про Дворец пионеров и про Дом занимательной науки, бойко излагал содержание прочитанных книг и любимых кинокартин.

Сашок ни разу не напомнил Женьке про его вранье насчет бомбежек. Это было с его стороны великодушно, по-мужски. Иногда Сашок вовсе не приходил в конторку. Женька узнавал об этом по пути сюда, издали слыша в темноте его озорной голос и хиханьки девчонок из механического. Вдвоем с Лукичем тоже было неплохо, особенно когда тот не спал. С ним можно было просто посидеть и помолчать. В такие тихие минуты Женьке вспоминался отец, становилось немножко грустно. В потемках красным глазком светилась самокрутка Лукича. Когда она гасла, он брал обломок напильника и начинал чиркать им по кремню. Искры высекались махонькие, белые и холодные. Трут, крученым ветошным фитильком вытянутый из железной трубки, был черный, обгорелый. Искры, казалось, отскакивали от него.

— Кончится война, — говорил Лукич, — куплю коробок спичек и все до единой просто так изожгу.

Трут затлевал, Лукич шумно раздувал его и прижигал самокрутку. Выдохнув облако дыма, добавлял:

— Что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Теперь Женька тоже называл мастера на «ты», как Сашок. В этом, думал Женька, лучше всего уместается то уважение, которого Лукич заслуживал. И еще очень нравилось Женьке, что у мастера как будто не было имени, а только одно отчество — Лукич. Как-то он даже прикинул, смогут ли люди и его, Женьку, называть лишь по отчеству, когда он станет таким же старым. Но получалось, честно говоря, коряво и неубедительно — Олегович. Само по себе Женькино отчество не звучало. А когда Сашок будет старым? Его станут величать по батюшке? Обязательно, решил Женька, к тому времени Сашок будет токарем высшего разряда, а то и мастером, как Лукич. Но какое у Кулебякина отчество? То Сашок, то Монарх, то по фамилии, и все.

Женька мимоходом осведомился у мастера.

— Тебе зачем? — спросил Лукич.

Женька хотел было ответить «просто так», но сообразил, что на это сразу же последует обычная реплика насчет ворон, и замешкался. Мастер положил ему руку на плечо, сказал негромко:

— Иваныч, Макарыч — разве так важно? По отцу он — Солдатыч, как все вы. А вот по мамаше... — Лукич не то глубоко вздохнул, не то затянулся дымом. — Губит она парня!

Женька притих, не совсем понимая, о чем речь.

— Годок-то тебе который? — неожиданно спросил мастер.

— Скоро пятнадцать, — чутьчку прибавил Женька. — А что?

— Вот и моей Варюшке было бы столько же, — не сразу сказал Лукич.

* * *

... В ту ночь ток отключили вскоре после обеда. Это было совсем некстати, потому что завод выполнял срочный фронтвой заказ. Всюду висели красные лозунги, цеха лихорадило. Женька сделал прямой вывод, что раз уж фронту потребовались лишние сотни полевых телефонов, значит, там готовится что-то серьезное. Работал он с подъемом, зачищенные трубки так и отлетали от наждачного круга в корзину, прессовщицы не поспевали за ним.

И вдруг отключили энергию. Прессы выдохлись и начали остывать. Работницы кинулись к теплым трубам, а Женька пошел в инструментальный. Он знал, что и там всю кипела работа. На конторке Лукича появился призыв: «Товарищи инструментальщики, помогите выполнить фронтвой заказ!» Токарный участок целиком переключили на обточку якорей для магнето. Сашок на своем «Монархе» включал бешеную скорость, от победитового резца струей била сыпучая чугунная стружка.

И вот на тебе — нет силового тока!

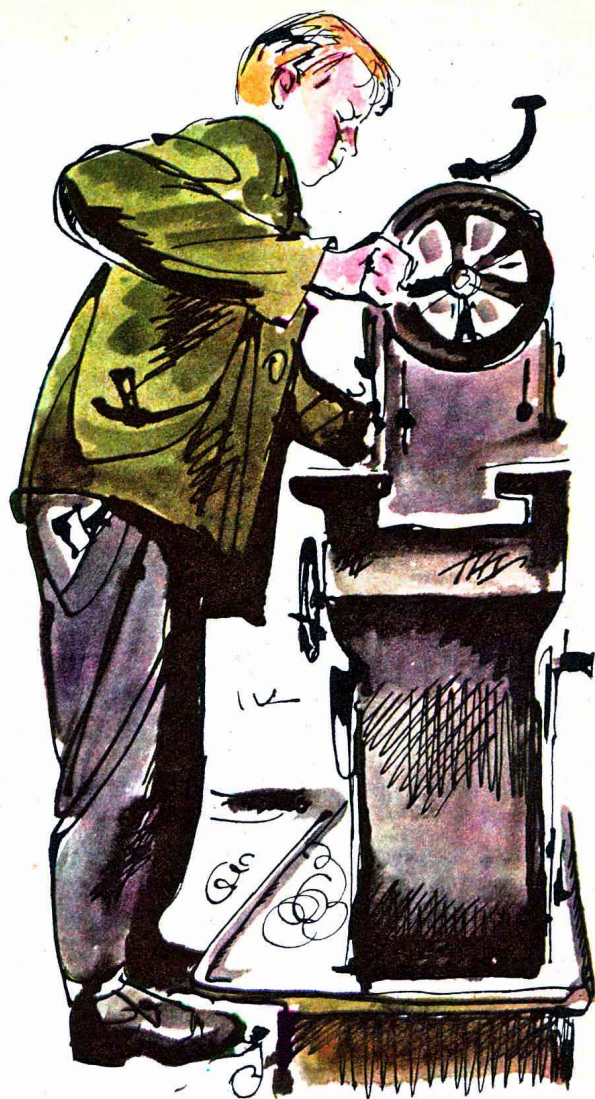
В конторке горела блеклая контрольная лампочка. Лукич и Сашок уже были там, однако разговор, судя по их голосам, шел не тот. Лукич говорил негромко, укоризненно, а Сашок во все горло, — понятное дело, защищался.

Женька решил не входить, подождать.

— Ты зачем давеча Клаву к трубе привязал? — спрашивал Лукич.

— Чтоб не упала! Забота о человеке!

— Забота... А девка спросонок чуть не реветь. И напугал, и на смех поднял. За что?

— Брось, Лукич! Ей же на пользу. Такая рохля — шевелить надо!

— Озорство это. Ни к чему. Я тебя предупреждаю.

— А если во мне кровь молодая играет?!

— Когда за станком, на твои руки любо-дорого смотреть. А вот когда волю им даешь, всякую меру теряешь. Зря.

— Не серчай, Лукич, я же тебя уважаю...

— Да ну, — сказал Лукич, и в эту секунду дали ток.

Вспыхнул свет, сами собой закрутились станки, которые позабыли выключить. Цех наполнился шумом, голосами, движением.

— А ты чего здесь, землячок? — спросил Лукич, выйдя с Кулебякиным из конторки. — Всем работать, так уж всем.

— У меня задела нет. Когда еще трубок напекут!

— Ну-ну, — сказал Лукич и потрепал Женьку по макушке.

Женька встал около «Монарха», стал смотреть, как Сашок обтачивает якоря. Жик — и готово, жик — и готово!

— Чего она тебе худого сделала? — спросил Женька.

— Кто?

— Зачем-то к трубе привязал...

— А чего ж она! — огрызнулся Сашок и красиво тряхнул головой, откидывая волосы назад. — Ладно, паря, не в этом гвоздь. Запарка у меня полная, выручай!

Такого Женька никак не ожидал — его даже в жар бросило. Сам Сашок, Монарх, обращался к нему за помощью! Клава тут же вылетела из головы. Рот стал непроизвольно растягиваться до ушей. Но то, о чем просил Сашок, вообще превзошло все ожидания: нужно было встать за токарный станок и выточить из латуни втулки.

Сашок подвел Женьку к пустовавшему ночью «Удмурту», дал эскиз. Судя по нему, работа была несложная и вполне доступная Женькиному умению, но первую втулку Сашок выточил сам как образец. Она напоминала маленький снарядик.

— Вот и вся петрушка, — сказал Сашок. — Сумеешь?

Женька кивнул, не отрывая глаз от блестящего снарядика.

— А для чего это? — шепотом спросил он.

Сашок приложил палец к губам. Женька смекнул, что задал лишний вопрос, и понимающе показал взглядом на красный плакат с призывом выполнить срочный фронтной заказ. В самом деле, подумал Женька, почему обязательно телефоны? Может, фронту требуется кое-что и поважнее. Нечего зря языком трепать и задавать ненужные вопросы.

— Если что, кликнешь, — сказал Сашок. — Главное, не робей и дуй до горы!

Он ушел к своему «Монарху», а Женька включил «Удмурт».

Как он работал в ту ночь!

Ему чудилось, что все люди, пробудившись ото сна, прислушиваются в ночи к гудению станка, который, как бы тоже сознавая всю ответственность момента, дрожал от заключенной в нем силы и скорости, беспрекословно повинаясь Женькиным рукам. Резец снимал с латуни золотистую стружку — даже не стружку, а мелкую, мельче махорки, золотистую пыль, похожую на затвердевшие искры, хотя Женька давно уже знал, что латунь искр не дает. Он включил самое большое число оборотов, патрон вращался, как пропеллер, и на этой вихревой скорости Женька драил шкуркой каждую втулку, доводя ее до зер-

кального блеска. На тумбочке рядом со станком вставали в ряд готовенькие снарядики.

Так он работал, восторженно и самозабвенно, словно пел песню, и ему не казалось, а верилось впрямую, что висящий в конторке Лукича плакат «Все для фронта, все для победы!» взывал непосредственно к нему, Женьке Саврасову! Его обуревали высокие, благородные чувства, и если бы сейчас к нему подошел Лукич, он сказал бы, что тот зря плохо думает про Кулебякина, вот же он, со всеми вместе, и станочек его дает жизни, только поспевай, жик — и готово, жик — и готово, и нечего возводить на него напраслину. А если бы к Женьке подошла Клава, он велел бы ей простить Сашку, потому что можно привязать человека к трубе просто так, без злого умысла, это же шутка и такая мелочь жизни, которая не должна заслонять самого главного. А самым главным сейчас было то, что объединяло всех вместе — и Женьку, и Лукича, и Кулебякина, и Клаву, и девчонок из механического, и работников у прессов — всех, всех! Женька представил себе огромное множество людей, разных и непохожих один на другого, как в жизни; все они как будто бегут вперед и кричат «ура». Пускай не каждого слышно, пускай не у всех голоса громкие и сильные и каждый кричит «ура» по-своему, но получается общая атака.

Увлеченный работой, воедино слившийся с ней Женька изредка поворачивал голову направо и видел склоненного над «Монархом» Сашку. Один раз Сашок глянул налево, встретился глазами с Женькой, подмигнул, бросил: «Как делишки?» И Женька ответил ему без слов, но понятно — выставил торчком большой палец. На все сто!

Сбывалась давняя Женькина мечта, от которой прежде замирало сердце. Сейчас оно стучало, как юный барабанщик.

Подошел Лукич, молча поглядел, как Женька работает на «Удмурте», повертел в руках его снарядики.

— Втулки! — громко, как «ура», крикнул Женька.

— Да ну, — непонятно сказал Лукич и направился к Сашку.

Очень хотелось Женьке послушать, о чем они там говорят, потому что каков бы ни был их разговор, он непременно и о нем, о Женьке. Как же иначе? Тем более что в руках у мастера поблескивал латунный снарядик. Презирая себя за любопытство, Женька выключил станок и приблизился к ним.

— А мальчонку чему учишь? — спрашивал Лукич.

— Один я, что ли, такой? — явно отбрыкивался Сашок.

— Зря...

Женька прислушивался с недоумением.

— На что же ты будешь менять эти самые зажигалки? — спрашивал Лукич и сам же отвечал. — На совесть свою ты их менять будешь, вот на что...

Сперва Женьке показалось, что он ослышался про зажигалки, но потом вдруг все понял сразу. И что-то в нем сразу погасло. Не стало никаких втулок для срочного фронтового заказа, атака захлебнулась, кулебякинские зажигалки, похожие на снарядики, тайком потащат с завода на базар и будут менять на сало, на домашнюю колбасу, на хромовые сапожки с желтыми отворотами... Краем уха Женька слышал обрывки разговора, Кулебякин горячился, оправдывался, срывался на крик...

Женька повернулся и медленно пошел из цеха.

Он брел по межцеховому пролету, полутемному и совсем пустому в этот ночной час. За стенами с обеих сторон шумели невидимые цеха, завод выполнял срочный фронтовой заказ. В глазах у Женьки сделалось сухо и горячо, к горлу подкатил комок.

Только бы никого не встретить, только бы никто не увидел, — билось в голове, и Женька метнулся в ближайшую дверь. Здесь было еще темнее, пахло хлоркой, журчала вода. Он припал к умывальнику, впился грудью в край железной раковины, отвернул кран и подставил лицо под шумную ледяную струю...

Лукич появился незаметно, неслышно, тронул его за плечо, и Женька, не глядя, словно

Слушать больше не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Это было не ударом в спину, не предательством — это было еще хуже, такого поганого чувства Женька никогда прежде не знал и потому не мог найти для него названия. Было только одно ощущение, будто внутри у него что-то погасло.

знал, что это и должен быть Лукич, уткнулся носом ему в спечовку, содрогаясь всем телом.

— Зря, — тихо сказал Лукич.

Потом вынул платок, стряхнул его и стал вытирать мокрое Женькино лицо.

От платка пахло махоркой и машинным маслом.

ТРОПИНКА-ТОРОПИНКА

Семен Коган

Торопи меня,
Тропинка,
Торопи,
То травинкой,
То тростинкой
Тереби,
Помани меня,
Тропинка,
Топольком,
То былинкой,
То рябинкой,
То пеньком.
Ты петляешь —

То на горку,
То с горы.
У костра,
Смотри,
Тропинка,
Не сгори.
Вот нырнула
Прямо в речку
На бегу —
Я тебя
Постерегу
На берегу,
И пока

Не искупаешься
В реке,
Буду
Хвостик твой
Держать
В своей
Руке.
Я тропинку-
Торопинку
Тороплю,
Я ведь сам
Неторопливых
Не терплю!

САМЫЙ БОЛЬШОЙ

Год 1970. И в нашей стране, и во всем мире его назвали Ленинским. Годом 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

И в этом Ленинском году одним из замечательных событий был самый большой пионерский сбор, IV Всесоюзный пионерский слет.

Полгода прошло с тех пор, когда делегаты IV слета шагали по улицам и площадям Ленинграда и осматривали исторические, революционные и художественные памятники города-героя.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников на открытии слета

Парад на Дворцовой площади

Полгода — большой срок. Давно прозвенел первосентябрьский звонок. И вот уже закончены две учебные четверти. И уже давно длится Всесоюзный марш «Всегда готов!», начало которому положил слет. Марш, в общем строю которого каждая дружина, каждый отряд, каждый пионер нашли свое место, чтобы выполнить все, к чему призвали их старшие товарищи.

Среди почетных гостей Всесоюзного слета был поэт Роберт Рождественский. Он обратился к делегатам слета, своим маленьким друзьям:

— Вам, пионеры-ленинцы, принадлежит будущее. И это не просто слова. Будущее уже сейчас живет в вас. Оно живет в ваших сердцах и ваших глазах, в вашей улыбке и вашей мечте, в вашем труде и в ваших песнях. Грядущий мир будет во многом зависеть от того, какими будете вы — хозяева этого мира. Поэтому, радуясь сегодняшней жизни, надо готовиться отвечать за нее. Отвечать полной мерой, в полный голос, во весь разворот.

Я знаю, что пока не изобретены хитрые станки будущих невиданных заводов, станки завтрашнего дня. А ваши руки мысленно уже примериваются к ним. Из школьных мастерских и технических кружков тянетесь вы к станкам и машинам грядущих дней. Они уже принадлежат вам, принадлежат по праву! И я уверен, что вы не посрамите славы и гордости рабочего класса. Не посрамите чести и славы творцов будущих урожаев. Никогда не посрамите.

Честное пионерское, это правда!

Пожалуй, еще не рассчитаны маршруты грядущих межзвездных трасс. А страна уже знает: штурва-

ПИОНЕРСКИЙ СБОР

лы будущих космических исполинов будут в ваших руках. Да, в ваших!

Сияют гордо и неприступно вершины науки. Они сверкают так, что даже глазам больно. Но вы придете к ним. Вы покорите эти вершины, обязательно покорите! Я могу сказать совершенно точно: на уроках, в научных кружках Дворцов пионеров и средних школ, в разных концах нашей земли сейчас занимаются будущие профессора, будущие доктора наук.

Честное пионерское, это правда!

Трудолюбива и прекрасна земля, на которой мы живем. Но враги мира, враги свободы снова хотят ввергнуть человечество в большую войну. А малые войны уже идут. Повзрослевшими, серьезными глазами оглядываете вы планету. И знаете, что если враги посмеют посягнуть на нашу землю, на наше знамя, то мы — все и каждый — подыдемся на защиту

социалистического Отечества! Поэтому сегодня в разных концах нашей земли вспыхивают пионерские «зарницы» и шагают по дорогам славы отцов юные следопыты.

Честное пионерское, это правда!

Еще только проектируются завтрашние типографские машины, на которых будут напечатаны страницы грядущих книг. Эти книги напишете вы. Обязательно напишете! Отличные книги о великом времени, о смелых и сильных людях, книги о нашей замечательной Родине.

Честное пионерское, это правда!

Распахнуты сцены театров, двери музеев и консерваторий. Родина знает, что в ваших рядах — будущие великие артисты и художники, архитекторы и музыканты. Я готов поклясться: в эту самую минуту — прислушайтесь! — упорно повторяет гаммы будущий победитель конкурса Чайковского! Я готов поклясться: сегодня в разных концах нашей земли сделали зарядку будущие чемпионы Советского Союза, Европы и мира, чемпионы олимпийских игр.

Честное пионерское, это правда!

* * *

Солтан Чарыева написала в анкете делегата слета: приехала из Ашхабада, председатель совета отряда, член городского пионерского штаба...

Но разве в анкете напишешь обо всем?

Солтан руководит отрядом, а в нем сорок человек — весь пятый класс школы № 6.

У Солтан есть сестра Биби. Она командир городского комсомольского штаба. Биби уже окончила школу, учится на биологическом факультете университета.

А Солтан хочет стать киноартисткой. В этом году ее приглашали играть роль сестры невесты в кинофильме «Тихая невеста»...

Но в пятом классе школы № 6 из сорока учеников было двенадцать двоечников. Каждый-каждый день лучшие ученики оставались после уроков и занимались с отстающими.

Какие уж тут съемки!.. От кино Солтан отказалась. Зато в шестой класс перешли все сорок ребят.

21

Председатель Центрального Совета пионерской организации имени В. И. Ленина Т. А. Куценко выступает перед делегатами слета

Во время слета в зале «Октябрьский» — лучшем концертном зале Ленинграда — состоялся концерт детских коллективов художественной самодеятельности. Об участнице праздничного концерта рассказывает наш корреспондент О. Орлов:

— Мне кажется, на IV Всесоюзном пионерском слете Сурае была самой маленькой. Ростом, во всяком случае.

Глаза черные, озорные. И волосы убраны в пятьдесят косичек.

Сурае Эрматову, ее друг, бубниста Хасана из ансамбля «Юлдуз» — «Звездочка» — я впервые увидел в зале «Октябрьский» на концерте... Когда откуда-то медленно спустилась на сцену большая, в ползала, «Аврора», с освещенными иллюминаторами, темно-синяя, какой, верно, была она в ту туманную осеннюю ночь 1917 года, и потом, когда грянула ее шестидюймовка и, как в фильме, известном каждому с детства, выбежали матросы и распахнули решетку Зимнего, а кадры вдруг на огромном экране смешались с живыми людьми, у меня мурашки пошли по спине, настолько все это захватывало.

Потом выступал «Юлдуз». Я расскажу о танце. О том, как танцевали Сурае и Матлюба, Наиля и Шахноза, Гюльнара-большая и Гюльнара-маленькая.

Удивительная вещь — узбекский танец. Изящество,

Танец с вымпелами

Сурае Эрматова

утонченность и пластика. Ничего искусственного, все от сердца и в то же время до сантиметра рассчитано каждое движение руки, пальца, каждый наклон, шаг и поворот.

... И потом эта плавность и замедленность, встревоженная вдруг бубном, переходит в вихрь, тела змеятся, движения становятся неуловимыми, а вот — сразу — бубен стихает, чуть шелестит, ритм учащается до невозможности, заставляя и сердце биться сильнее, а потом снова — взрыв бубна, и танцоры, повинаясь ему, покачиваются, и кажется, что это струятся воды древнего Зеравшана или шевелит горячий афганский ветер шелковые пряди кипчака.

Наверное, так же танцевали на тех землях, что ныне зовут Узбекистаном, и тысячи лет назад. Говорят, что, начав ходить, узбечки начинают танцевать. Не знаю, может быть, но почувствовал я тогда, глядя, как танцуют девочки из ансамбля «Юлдуз», что так же безыскусно и прекрасно танцевали узбечки и при Александре Македонском, и в древнем Хорезме, и во времена Улугбека...

Второй раз я увидел Су-

рае в пионерском лагере «Юность», где узбекские ребята гостили целый день.

Я добрался туда уже к вечеру, когда все пошло к могиле неизвестных танкистов.

Выложенная принесенными сюда, в лес, белыми береговыми камушками, вилась дорожка. Тихо. Даже птицы молчали.

Здесь была могила безымянных героев-танкистов. Большие венки из еловых веток лежали на холмике. Здесь же вдавились в землю гусеничные траки, разорванный танковый каток и крышка от пулеметной ленты.

Неизвестно, кто лежал под этой сухой хвойной землей, потому что позапрошлым летом

найжены были ребятами только человеческие кости, полуистлевший лейтенантский погон, танковый шлем и нож, на рукоятке которого было вырезано много лет назад, должно быть, тем самым лейтенантом, одно слово — «Орел».

Молча стояли ребята. Что им думалось, что им виделось в ту минуту — не знаю. Может быть, танк, последним усилием горящих моторов вспахавший не заросшую до сих пор лесом борозду.

На этот холм и легли цветы — сорванные у озера ромашки да те розовые, что растут повсюду в карельских лесах и под Ленинградом, которые все рвут целыми букетами

и никто не знает, как называть — просто розовые цветы.

Потом все пошло обратно, но узбекских ребят среди возвращавшихся я не увидел и потому вернулся.

Сурае и Мамура стояли возле венков и цветов на коленках и сгребали землю ладонями: обе Гюльнары что-то заворачивали в платочки; Матлюба выглядела очень заплаканной, и только Хасан казался суров и спокоен, как подобает мужчине.

В автобусе, на пути в Ленинград я увидел у Сурае пакетик с землей, на котором очень корявыми буквами — автобус сильно качало — было написано:

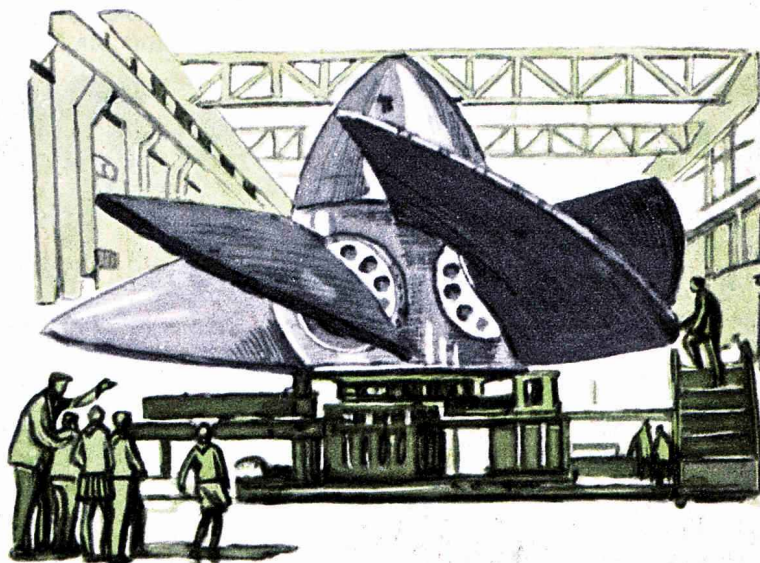
*Земля с могили
неизвестных
танкистов.
в 1944 году
они похоронили*

Гюльнара Нишанбаева и Хасан Азимов
слушают рассказ коомонанта
Е. В. Хрунова

Один день слета был посвящен знакомству ребят с теми, кто трудится на заводах и фабриках, стройках, в учреждениях.

— Самые большие в мире турбины строят здесь, — сказали делегатам из Белоруссии, Рязанской, Ивановской и Псковской областей. Этим ребятам посчастливилось во время слета побывать на Металлическом заводе имени XXII съезда КПСС.

Карта со светящимися точками. Адреса сегодняшних и будущих электростанций, куда уже поехали турбины с ЛМЗ — Ленинградского Металлического. Станции Волжского каскада и Братская ГЭС, тепловые станции Сибири и Донбас-

са, Подмосковья и Дальнего Востока, Молдавии, Сахалина. И в дружеские страны за рубежи нашей страны! В Индию, на Асуан, в Польшу, Румынию, Болгарию.

Делегаты побывали в турбинном цехе завода. Это ведущий цех. На огромном станке вращается стальной вал. Медленно вращается. Несколько тонн — вес ротора. Ротор — сердце паровой турбины, узнали ребята от токарей. Ротор должен выдержать большую

нагрузку — 3000 оборотов в минуту при температуре 600 градусов. Обработку этого сложнейшего узла турбины ведут, нажимая кнопки на пульте управления. Поверхность должна быть обработана с величайшей точностью.

Самые большие и самые надежные в мире турбины выпускает Металлический завод.

Юные корреспонденты — были и такие среди делегатов слета — записали в своих блокнотах: «Рассказать дома,

как приглашал нас всех директор завода к себе, на ЛМЗ, после школы». Запись любопытна: значит, произвел на ребят впечатление рассказ директора о заводской школе рабочей молодежи, о заводском институте, о заводском техническом училище. Значит, незря провели они целый час в музее, рассматривая фотографии тех, кто в 1917 году ушел с этого завода штурмовать Зимний, твердыню царизма и капитала...

— А здесь делают крохотные шариковые авторучки «Союз». Двадцать миллионов авторучек в год. Только шариковых.

Два часа, не чувствуя усталости, путешествовали ребята там, где по частям рождалась союзовская авторучка.

На заводе светло и чисто, станки выкрашены зеленой и голубой краской, везде в горшках и вазах цветы, из плоских свисает с окон зелень. В одном цехе под прозрачными колпаками удивительных машин, как солдатики, толпились, вставали, падали, иногда не попадая в кассету, а затем выравнивались и строем уходили куда-то авторучки. В другом цехе в крошечных центрифугах испытывались ручки на непро-

мокаемость, в третьем — лилипутские поршни набивали прозрачные трубки пастой. И проход здесь был отделен, как занавесом, натянутыми длинными трубками для той же пасты, разноцветными и гудящими на сквозняке вентиляторов...

И тот, кто посетил этот цех завода «Союз», теперь с уважением будет относиться к своей маленькой авторучке, в которую вложено столько умного труда.

В лагерь «Ленинская искра» приехали три «К». Так себя называли делегации Куйбышева, Костромы и Калинина.

Когда вечером собрались уезжать, шофер автобуса оглядел пассажиров и сказал:

— Не знаю, сдвинемся ли с места...

Очень уж много у всех было подарков. Смешные меховые игрушки, брошки-сувениры, миниатюрные копии памятника «Цветок жизни», буденовки

да еще «заветные октябрьские коробки». Таких коробков ни в каких других лагерях не дали, потому что в «Ленинской искре» их сами придумали. Лежат в них нехитрые игрушки. Любой пионер может сделать такие же для младших, даже клея не надо: бумага да ножницы. Но с помощью игрушки можно объяснить октябрятам некоторые законы физики.

Автобус, конечно, с места сдвинулся. И привез благополучно ребят в Ленинград. А день спустя поезда развезли их по родным городам.

Слет закончился. Но всю вторую и третью лагерную смену почтальоны приносили в «Ленинскую искру» конверты, на которых обратный адрес начинался с буквы «К»: Куйбышев, Кострома, Калинин.

«Всегда готов!» — Марш пионерских отрядов навстречу 50-летию пионерской организации.

Участие в Марше — проверка верности каждого пионера законам юных ленинцев, верности Торжественной клятве пионера.

Делегаты IV слета одобрили условия Марша. Вот они, эти условия: **СНАРЯДИТЬ ЭКСПЕДИЦИИ в «Страну знаний».** Это значит — учиться на совесть самому и помогать отстающим. Участвовать в математических, химических, литературных олимпиадах. Помнить всегда наказ XVI съезда комсомола: **«БЕЗ ЗНАНИЙ НЕТ КОММУНИЗМА».**

БЫТЬ РАЗВЕДЧИКОМ ТРУДОВОЙ И БОЕВОЙ СЛАВЫ СВОЕГО НАРОДА. Помнить, что надо укреплять дружбу пионеров города и села, дружбу пионеров и школьников всех пятнадцати республик нашей страны. Гордиться тем, что наше отечество — СССР.

«ПИОНЕРСТРОЙ» становится всесоюзным делом. Главным объектом его остается строительство Дворца пионеров на Чукотке. Трудовые подарки юных ленинцев к юбилею пионерии — это значит, отлично выполнено задание своей школы, своего колхоза, совхоза, завода — своих шефов.

«СОЛИДАРНОСТЬ» — важнейшее направление Марша. Это и участие в международной акции «Юность обличает империализм», в митингах в защиту мира. Это помощь детям народов, борющихся за свободу. Это создание клубов интернациональной дружбы.

«ЗАРНИЦА» — «тебе, Советская Родина, тебе, родная партия, — наши знания, наш труд, наша верность и любовь». Каждый пионер обязан овладеть одной юнармейской специальностью, получить один из спортивных значков.

«РАВНЕНИЕ НА ПИОНЕРСКИЕ ЗНАМЕНА» — каждый пионер должен хорошо изучить историю пионерской организации, ее славные традиции, принять участие в составлении Летописи пионерской организации. Каждый пионер должен внести строчку в эту летопись.

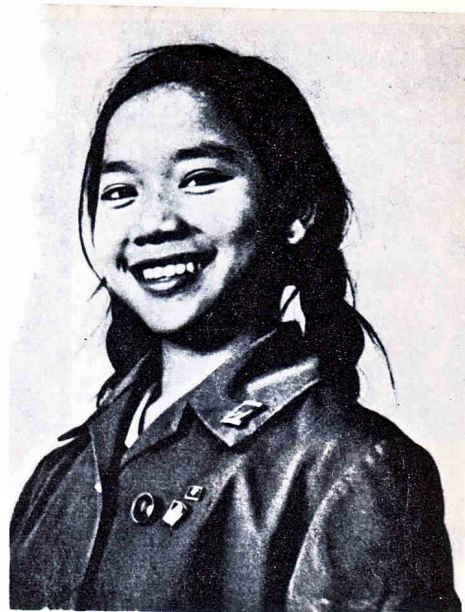
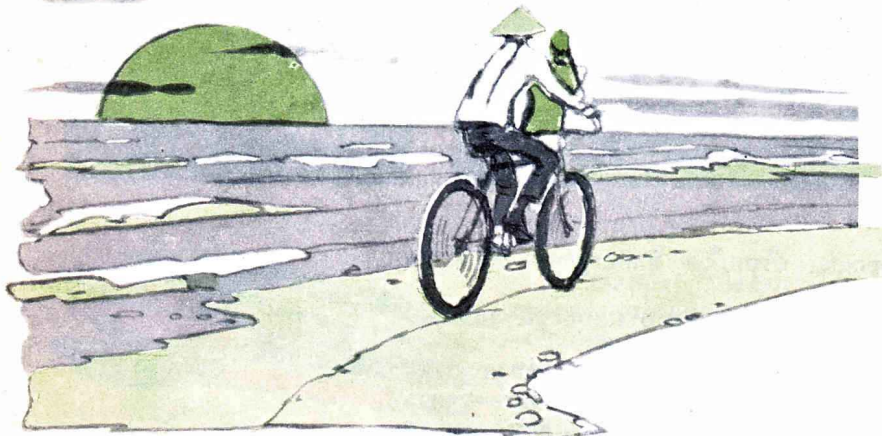
«ЗВЕЗДОЧКА» — важное пионерское поручение — забота об октябрятах и малышах.

Стремись стать правофланговым в этом славном марше!

Фотографии Н. Карасева, Ю. Мясникина и Б. Ритова

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОГУЛКА

Во Тхи Лиен

Солнце медленно опускалось в море. Две подруги — Во и Си — только что закончили работу. Груда веревок, сплетенных из кокосового волокна, лежала тут же у ног. Очень болели руки.

— Может, попросим у тетушки Во велосипед и — к морю? — предложила Си.

Она очень любила эти прогулки, потому что лучше всех ребят ездила на велосипеде. И тетушка Во, обладательница единственного в деревне велосипеда, охотно отдавала его девочкам.

Приехали к морю. Искупались. Вода была теплая, словно парное молоко. Во Тхи Лиен, двенадцатилетней девочке с длинными косами,

в такие минуты даже не верилось, что идет война и что свой собственный дом они с бабушкой и дедушкой отстраивали уже пять раз.

— Си, ты кем хочешь быть, когда вырастешь?

— Еще не знаю.

— А я очень люблю решать примеры.

Девочки замолчали. Их учителя убило при последней бомбежке. Теперь придется снова собирать ребят из разных деревень и идти туда, где жив еще учитель. Может, это будет очень далеко.

Но сегодня ни о чем грустном думать не хотелось. Потому что сегодня самолеты не летали. И, обрадованные тишиной, к морю бежали ребята. Вдоволь наигравшись, стали собираться домой. Си легко вскочила на велосипед, посадила Во впереди себя и — в путь.

Расстались около дома Си, договорившись завтра после работы опять съездить к морю.

Во Тхи Лиен встала, как обычно, в три часа утра. Надо было сплести побольше кокосовых веревок. Только она устроилась во дворе, как донесся знакомый и ненавистный звук: летели американские самолеты.

— Бабушка, дедушка, в траншею! — успела крикнуть девочка.

И тут раздались взрывы. Во сидела в траншее, тесно прижавшись к бабушкиному плечу. Во Тхи Лиен не особенно боялась. Не то что она очень храбрая, но когда стреляют почти каждый день, привыкаешь...

Успела ли спрятаться Си? Девочка очень беспокоилась за свою подругу.

Наконец, все смолкло. Бабушка Нгуен Тхи Там первая вышла из траншеи. Вот тут-то и раздалась автоматная очередь. Стреляли прямо в упор. А потом бросили гранату.

Больше Во Тхи Лиен ничего не помнила. Когда очнулась, увидела дедушку, залитого кровью.

В тот день американцы расстреляли почти всю деревню. И подругу Си тоже убили... Из мальчишек и девчонок уцелели только трое — Минь, Лай и она — Во Тхи Лиен.

... Девочка пошла к морю. Теперь уже не было велосипеда, потому что погибла и тетушка Во. Вот место их последней прогулки. Пусто, хотя вокруг снова вчерашняя тишина. Но никто уже не бежит к морю. Бежать некому...

Возвращаясь обратно, Во увидела длинную процессию и удивилась, откуда столько лю-

не за своей обычной работой — плетением кокосовых веревок, а за изготовлением бамбуковых шипов. Рядом сидели Минь и Лай. Когда шипов стало достаточно, Лай погрузил их в мешок и сказал:

— Ну, я пошел.

Он вернулся поздно вечером и рассказал девочкам, как расставлял шипы под самым носом у врага. Как машины, наткнувшись на них, буксовали, останавливались и не могли ехать дальше. Потом в засаду стали ходить втроем. Приходилось долго сидеть в кустах, выжидая удачную минуту, чтобы воткнуть шипы в шины.

Тогда Во Тхи Лиен не могла себе представить, что когда-нибудь посетит город на Неве, дымчатый Ленинград. Но она приехала. Приехала на Всемирную встречу молодежи в составе вьетнамской делегации.

Когда на трибуну Таврического дворца поднялась Во Тхи Лиен, девочка из Сонгми, зал встал. Делегаты приветствовали посланца страдающего Вьетнама. И Во заговорила. Она рассказала о тех, кто погиб, и о тех, кто пока жив. О Минь, Лае и о подруге Си тоже рассказала. Потом ее слушали пионеры в своем Дворце на Фонтанке и рабочие на фабриках и заводах города. Наверное, на Всемирной встрече молодежи не нашлось делегата, который не знал бы девочку из Вьетнама. Она всегда

была окружена людьми, и все стремились выразить солидарность ее героическому народу.

... Во Тхи Лиен было грустно расставаться с людьми, которых успела полюбить. Ленинградские ребята привезли ее в Петродворец, посмотреть фонтаны. Потом вышли к морю. Здесь было много ребят, не то что на пустынном берегу ее деревни, где Во в последний раз гуляла со своей подругой Си...

Т. Скобликова

Рисунки А. Орлова

Все хотели поговорить с маленькой Во

дей: ведь в их деревне почти все убиты. Оказалось, что это оставшиеся в живых люди из других деревень — из Ми Суан и Суан Зыног — пришли хоронить своих соседей. Во молча присоединилась к процессии.

— Мы должны бороться, — сказал ей на ухо Лай, единственный мальчик, оставшийся в живых.

Утро следующего дня застало Во Тхи Лиен

ИСТОРИЯ, НАПИСАННАЯ НА ДЕРЕВЕ

Юван Шесталов

Рисунки С. Острова

А что было на этой земле много веков назад? Неужели в тайге бродили одни медведи и не было никогда охотников? Неужели по северным рекам плавали лишь рыбы и не скользили легкие лодки рыбаков? Неужели голубое северное небо звенело лишь от полета уток да хохота чаек и не раздавался веселый человеческий смех? Почему я так задумался? Да потому, что часто корреспонденты пишут о Севере как о земле, «где не ступала еще нога человека».

На Севере уже много тысяч лет живет человек. И, как у каждого края, у него есть своя история.

А как ее узнать? Ведь у манси и хантов, как и у других малых народов, до Октябрьской революции не было письменности. О важных событиях в жизни края не прочитаешь в летописях, как у русских. И все же многое можно узнать. А зачатки письменности у манси и хантов были. Своеобразная эта письменность. Не карандашом, а топором или ножом «писали». Не на бумаге, а на дереве или на камне.

Убьет охотник зверя — и на дереве об этом напишет. Уложит, например, лося — на стволе, очищенном от коры, не фигуру его нарисует, а вытешет только одну ногу. Длинная нога. А копыто острое, раздвоенное. Даже на рисунке страшно. Художник знает силу и мощь этого оружия. Медведь от этого удара ревет, а волки падают, не успев оскалить зубы.

Любой охотник знает, как рассказать людям, что на этом месте убит олень. Он нарисует тоже ногу. Только меньше лосиной. И копыто тупое, не страшное.

А что у росомах самое примечательное? У ней узоры на спине. Охотник эту черту и отобразит в своем «письме».

У каждого охотника есть своя тамга — подпись — родовая или личная. Он ставит ее на стволе дерева. Если было несколько человек — сделает наверху зарубки, зарубки внизу говорят о количестве собак, которые были вместе с охотниками. Вся история на дереве написана. И дату можно определить по возрасту зарубок. Стоит лиственница у тропы и многие годы повествует об удаче охотников... Там можно прочитать, где человек добыл других зверей, где было пиршество и где людям пришлось умереть, не добравшись до ближайшего жилья.

А на Урале, который по-хантыйски называют «Кев», что в переводе на русский означает «камень», на скалах есть загадочные рисунки. Может, они тоже повествуют о каких-то событиях в жизни древних?

А у охотников и оленеводов, на широком кожаном ремне, где на сияющей цепи висят костяные ножны с ножом, зубы убитых медведей, росомах, волков, трут, кремь и точило, обязательно подвешены и палочки с таинственными зарубками. Что это? Безделушки, подвешенные для красоты? Нет! Взглянет старый человек на чуть почерневшую от времени палочку и скажет, какой сегодня день. Значит, эти палочки

служат ему календарем. Взглянет на другую палочку и скажет, сколько было у него оленей в прошлом году, сколько сейчас, сколько шкурок беличьих он сдал на приемный пункт, сколько муки получил. Есть у старого манси и новые палочки со свежими зарубками. О новой жизни он в них «пишет», новым светлым дням в них он счет ведет. Многие можно узнать по этому «деревянному письму». Но историю земли по ней разве узнаешь? А человек должен знать историю земли, на которой живет. И на помощь может прийти сама земля.

Есть на Оби выше Березова местечко Вежакоры. Ялпус — называют его еще по-мансийски. А в переводе на русский означает это «священный город». Нет здесь никакого города. Всего несколько домиков стоит на берегу Оби. А на другой стороне берег обрывистый. Издали кажется могучим конем, по грудь стоящим в сияющей обской воде. Широка спина у того коня. Бок у него весь пятнистый. А грива густая, зеленая. Высоко в небо он ее взметнул. Будто рвет поводья конь и летит в бой.

Об этом местечке много сказаний. Одно таинственнее другого. Все они повествуют о богатыре Ялпус-ойке, который одержал здесь над каким-то чужеземцем победу. Все сказания начинаются так:

«В священном городе, стоящем на берегу, который так похож на мчащегося коня с могучей гривой, с боками, похожими на осенний лес...»

Нет там никакого города. А над обрывистым берегом на высоком холме стоят могучие кедры. Может быть, им не одна сотня лет. И были они, наверно, свидетелями битвы. Сказания повествуют, что манси и ханты здесь победили. Но крови было много, и люди на этом месте постелили «берестяной ковер». А ковер разве бывает берестяным? — спросите вы.

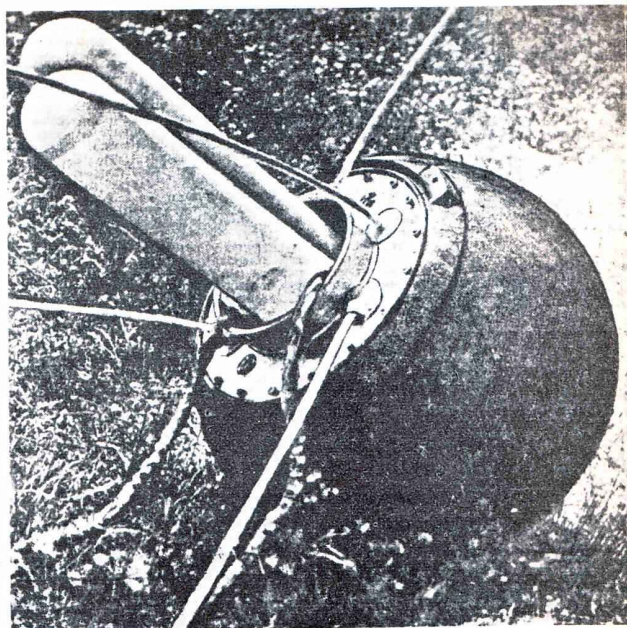
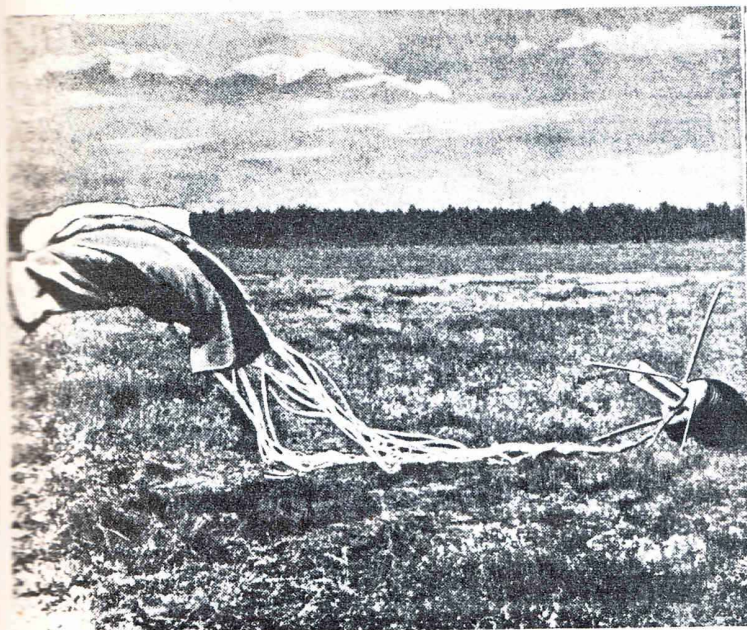
Из бересты на севере многое делают. Туески с цветными узорами, в которых ягоды носят, шкатулки, где хранятся женские украшения, ведерки для воды, и даже жилье — чум из бересты — строили. Сшили древние огромный ковер из бересты весенней березы и постелили на том месте, где был бой и одержана победа. Назвали это место священным. Через каждые семь лет устраивали здесь пляски. Из разных концов края манси и ханты приезжали сюда на оленях, на лошадях с бубенцами, колокольчиками. У «священной избушки» приносили в жертву оленей, жеребят. Ели мясо вареное и вспоминали предков, сабли которых хранились в этой избушке. Там и шкурки соболей, лисиц висят, и маски, белые бороды семи великанов хранятся. Этих великанов зовут «Учи». Они злые, как людоеды. С первыми сумерками, когда соберутся все гости, семь человек надевают эти маски и с криками, со стуком сабель приходят в деревню, идут в дом, где собрался народ. Начинается единоборство между великанами и богатырями. Семь дней, семь ночей продолжается пляска. В этой пляске оживают события минувших дней. А в них горе и радость человека, победы и поражения. Семь дней и ночей славят люди своих древних предков, своих героев.

Много веков, видно, прошло с тех пор, когда произошел этот бой: над тонким слоем бересты вырос большой слой земли. А край берестяного ковра увидит любой. Летом на песчаном обрыве он хорошо виден.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ НА ЛУНЕ. Рисунок художника-фантаста А. Соколова

СПУСКАЕМЫЙ АППАРАТ «ЛУНЫ-16» ВО ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ.
На правом снимке видны надувные чехлы с антеннами

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, ОСЕНЬЮ, в околоземное пространство взлетел сверкающий шарик.

Он еще мало что умел и мог — только сверкать в лучах зари, да кружиться вокруг другого, огромного шара, да посылать в наши приемники свое „бип-бип“.

Ничего другого, кроме „я живу“, это „бип-бип“ не означало. Но в нем уже слышались стартовые раскаты будущих „Востоков“ и „Союзов“, голос Гагарина, позывные Сокола и Чайки, леоновское „Вышел в открытый космос!“ и остальное, чем мы гордимся и что уже история.

В ГОД, С КОТОРЫМ ПРОЩАЕМСЯ, ОСЕНЬЮ, на казахстанскую землю опустился другой шарик.

Он пока еще тоже не очень велик размерами. И в его кармашке, в капсуле, совсем немного камешков и темной, как бы цементной пыли.

Пыль и камешки доставлены с Луны.

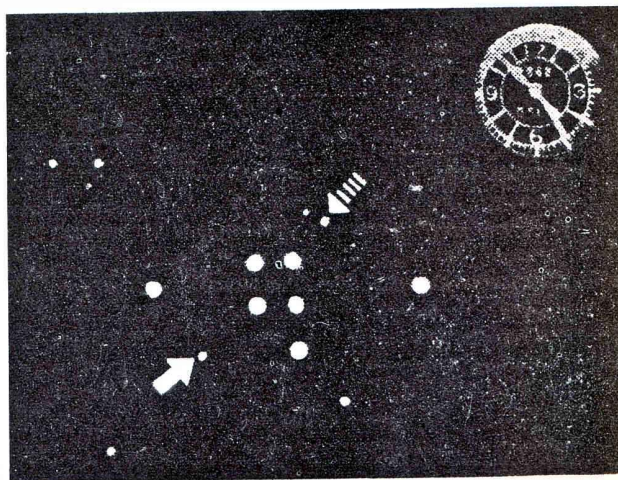
Ракета долетела до цели, мягко села, взяла пробу грунта, отправилась обратно, приземлилась, где ее ждали, — и все сама. Без человека. Автоматически. Такого еще не было никогда.

Наша „Луна-16“ многое умеет и может. Но и она — лишь начало.

Ученые изучают лунную породу: какого она возраста, из чего состоит.

Они видят пыль и камешки. А еще они видят — и мы вместе с ними — стартовое пламя из дюз будущих автоматических станций, разведчиков дальнего поиска.

Туда, где космонавту быть опасно, — в удушливую атмосферу Венеры, к пустыням Марса полетят они. И тоже вернуться, с фотоснимками, пробами и образцами, и подробно расскажут о таинственных местах, где им пришлось побывать.

«ЛУНА 16» (пунктирная стрелка) И ЕЕ
РАКЕТА-НОСИТЕЛЬ (сплошная стрелка) В ПОЛЕТЕ
Снимок сделан с экрана видеоконтрольного
устройства с расстояния в 70 000 километров

КОСПАР XIII

Ю. Коптев
Рисунки А. Януса

СКОЛЬКО НА СВЕТЕ „КОСМИЧЕСКИХ“ ДЕРЖАВ

На нынешней сессии КОСПАРа было прочитано около тридцати национальных докладов. Представитель каждой страны рассказывал, что сделано в его стране для освоения космоса. Как же так — ведь в космос «вышло» всего несколько стран? О чем же могут рассказать остальные? Оказалось, о многом. Чтобы изучать космос, вовсе не обязательно уходить в межпланетные дали.

На сессии говорили о небесной механике, о теории движения искусственных спутников Земли, о космической геодезии. Японские и индийские специалисты сообщили о своих интересных астрономических исследованиях. Датские ученые поделились успехами по исследованию космических лучей, а английские — частиц, испускаемых Солнцем.

Исследования были проделаны либо на Земле, либо на космических аппаратах других держав. Так, например, на спутниках «Интеркосмос», как уже можно судить по названию, стояла аппаратура нескольких стран: Германской Демократической Республики, Советского Союза и Чехословакии.

Скоро советские ракеты помогут изучать космос и другим странам. В будущем году они выведут на околоземные орбиты французские спутники, доставят французскую научную аппаратуру на Луну. На международном ракетном полигоне в Тхумбе (Индия) с помощью советских ракет постоянно будут исследовать верхние слои атмосферы.

КОСПАРу XIII был оказан воистину королевский прием. В его распоряжение отдали одно из самых красивых зданий Ленинграда — Таврический дворец. Его деятельность ежедневно освещали газетные отчеты. Ученые, приехавшие со всех концов земного шара, спешили во дворец, чтобы отчитаться в своей работе.

Но КОСПАР XIII вовсе не король.

КОСПАР — это Комитет по космическим исследованиям. Он объединяет работу тридцати пяти Академий наук разных стран и десяти международных научных союзов. А тринадцатый — потому что вот уже в тринадцатый раз ученые разных стран собираются вместе и обсуждают все то новое, что сообщили им умные приборы космических аппаратов, летавших на околоземной орбите за последний год.

ОШИБКИ ФАНТАСТОВ

Что скрывается под вечными облаками Венеры? Заросли красных лесов. Разумные существа, всегда спешащие на помощь космонавтам Земли. Так говорят писатели-фантасты.

И вот этим догадкам пришел конец.

В темном зале на полотне колонки цифр. Их сменяют графики. Это математическая модель венерианской атмосферы. О ней рассказывают ученые нашей страны В. Авдуский, М. Маров и М. Рождественский.

Советские автоматические станции «Венера-5» и «Венера-6» плавно опустились в атмосфере «утренней звезды» и поведали ученым, что средняя температура ее поверхности составляет 500 градусов, а давление 100 атмосфер. Какая уж тут жизнь!

Как же образовалась такая атмосфера у «сестры Земли»?

На этот вопрос ответил вице-президент Академии наук СССР А. Виноградов. Венера расположена ближе к Солнцу, чем Земля, и ее поверхность нагревается сильнее. Поэтому углекислота, связанная на Земле в различных породах, на Венере переходит в атмосферу. Так постепенно образуется все более и более плотное «одеяло» углекислого газа, повышаются температура и давление.

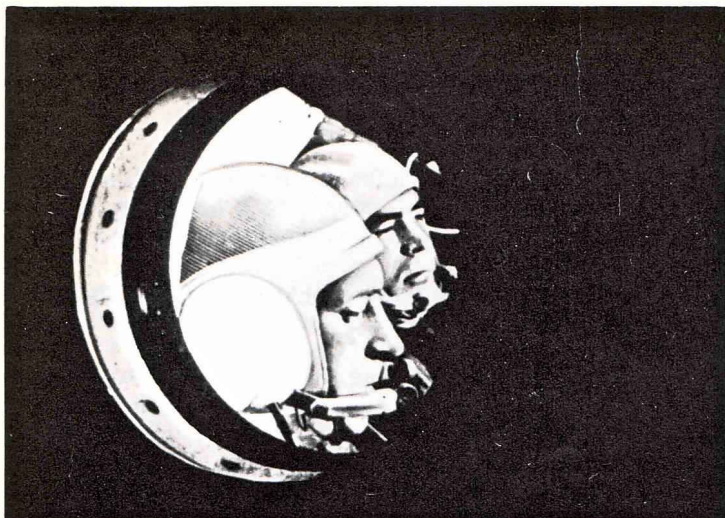
А венерианские облака? Их спектры показали, что, кроме углекислого газа, водяных паров и небольших количеств кислорода, в них содержатся незначительные примеси других химических соединений. Некоторые ученые утверждают, что облака Венеры похожи на слоеный пирог, где в виде начинки могут быть такие вещества, как ртуть, гидраты магния, хлористое железо.

На Земле из-за дождей нет пылевых облаков. На Венере дождей не бывает, и с ее раскаленной поверхности поднимаются облака пыли.

Негостеприимная планета.

ЗНАТЬ СВОЙ ДОМ

Наша Земля живет: меняются очертания ее материков, возникают новые острова, растут и умирают горы, наступают и отступают ледники. За всем этим хорошо следить по фотографиям, сделанным из космоса.

**Виталий Севастьянов и Андриян Николаев
в кабине космического корабля „Союз“**

Но для правильного толкования снимков следовало узнать, как влияет на них толщина атмосферы. Эти сведения мог дать только эксперимент.

И такой эксперимент был проведен.

Когда космические корабли пролетали над заранее намеченными участками Земли, с ближайших аэродромов поднимались самолеты. Один летел на высоте десяти километров, другой — много ниже. А на Земле в то же время работали геологи. Результаты, полученные на космических кораблях и самолетах, потом сравнивали с данными геологов. Так сразу для нескольких точек между Каспийским и Аральским морями были изучены не только свойства атмосферы на разных высотах, но и найдена связь между фото- и спектральными «портретами» различных геологических образований и, следовательно, получены поправки на разные атмосферные искажения. Об этой работе на одном из заседаний КОСПАРА доложил член-корреспондент Академии наук СССР К. Кондратьев.

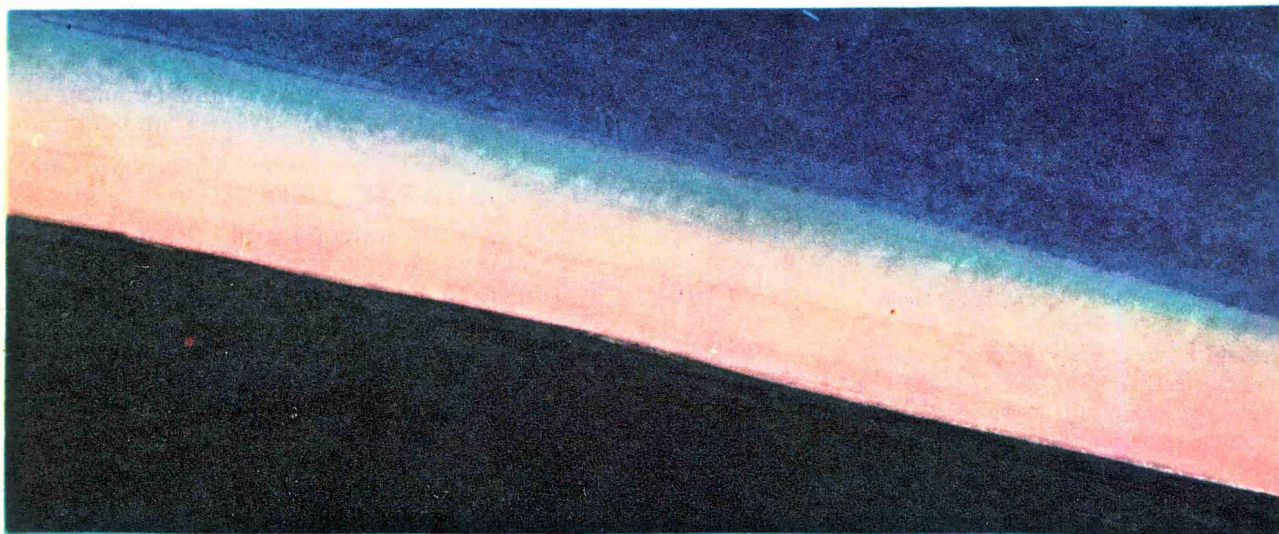

САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ ДОКЛАД

— Какой доклад вы считаете самым сенсационным? — спросил какой-то журналист одного из участников сессии КОСПАР.

— Ученые не любят это слово, — ответил тот. — Следует говорить о научной ценности того или иного сообщения. — И шутя посоветовал журналисту послушать все доклады и самому ответить на вопрос.

К сожалению, совет оказался невыполнимым. Одновременно в разных аудиториях заседали семь рабочих групп. Было заслушано около трехсот докладов. Корреспондентов газет и журналов, приехавших на КОСПАР, приходилось только жалеть. Правда, каждое утро перед началом заседаний специально для них минут на сорок устраивались пресс-конференции: специалисты в разных областях науки кратко рассказывали журналистам о докладах, которые будут обсуждаться в этот день.

Фотоснимок сделан в космосе

Первые шаги по Луне

КАК ДОКЛАДЫ ПЕРЕВОДИЛИ

Официальными языками сессии были признаны два: русский и английский. Все сообщения делались на одном из них.

Надев наушники, вы могли одинаково хорошо слышать оратора, как бы далеко ни сидели. А чтобы услышать перевод, достаточно было переключить наушники с одной программы на другую.

При обычном разговоре спешить некуда. Скажет собеседник фразу и ждет, пока ее переведут. При переводе докладов любая задержка невозможна — оратору отводится строго определенное время. Поэтому переводят слово в слово, без пауз. А совсем не легко сразу отыскать нужное выражение!

Но все участники сессии отметили четкость и ясность перевода. И очень жалко, что переводчикам нельзя было аплодировать так же, как докладчикам!

РАССКАЗ ЧЕЛОВЕКА, ПОБЫВАВШЕГО НА ЛУНЕ

Американский космонавт Нейл Армстронг, первый человек Земли, ступивший на Луну, появился в президиуме в сопровождении гостей КОСПАРА летчиков-космонавтов Г. Берегового и К. Феоктистова.

Внешне Армстронг чем-то напоминает Гагарина. То же открытое лицо, та же сдержанность в движениях, та же скромная улыбка.

— Нам повезло, — рассказывал Армстронг, — у нас не было существенных технических неполадок, никто не заболел, не испытал неприятных ощущений.

Труднейшим этапом полета была посадка. Перед ней космонавты обнаружили, что автоматическая система уводит их в сторону от намеченной цели к неровному месту возле одного из кратеров. Пришлось перейти на ручное управление. Армстронг спокойно рассказывал об этом событии, хотя положение было довольно напряженным. Кстати, со своеобразием космической техники он познакомился еще во время полета «Джемини-8», когда сумел укротить внезапно вышедший из-под контроля космический корабль. Был и другой случай: в тренировочном полете на лунном тренажере аппарат вдруг потерял управление. Только мгновенная реакция да присутствие духа спасли тогда жизнь космонавту.

— Луна — приятное место для работы, — продолжал рассказ Армстронг. — Притяжение довольно удобное для ходьбы — идешь, будто плывешь. Сначала это кажется необычным, но минут через десять привыкаешь. Проще всего бежать вприпрыжку.

Поверхность Луны неровная, кругом кратеры, холмы, камни. Общий фон — темный. Цвета преимущественно черные, белые, серые. Однако когда Солнце поднялось выше, стали заметны и коричневые тона. Грунт достаточно твердый, чтобы выдержать вес космонавта и запечатлеть его следы.

Опасения, будто Луну покрывает толстый слой пыли, не оправдались. Лунная пыль очень тонкая, вроде муки. И, вопреки всем описаниям фантастов, она не висит долго над поверхностью, а, разлетаясь из-под ног, сразу же оседает.

— Хотите ли вы еще раз слетать на Луну?

— Конечно. Хотелось бы вернуть приборы, которые мы там оставили, — пошутил он.

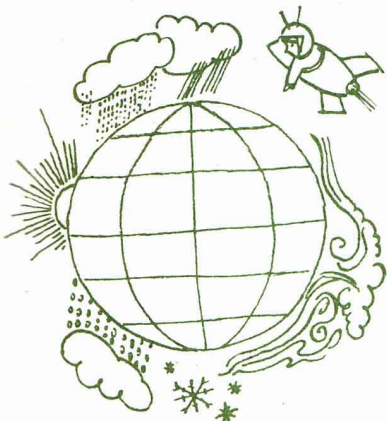
Еще один упрек фантастам: оказывается, с лунной поверхности, освещенной Солнцем, звезды не видны. Отраженный от грунта свет настолько ярок, что создается впечатление, будто ты находишься на залитом лучами прожекторов стадионе.

ПЫЛЬ ВОКРУГ ЗЕМЛИ

Столкновения с крупными метеоритами. Возможны ли они? Конечно. Но теоретические расчеты показали, что вероятность таких происшествий ничтожно мала. Это подтвердили и полеты космических аппаратов.

Иное дело — столкновение с мельчайшими пылевыми частицами. Большой беды от них не будет, но испортить поверхность оптических приборов, иллюминаторов, солнечных батарей они способны. Предполагается, что Земля окружена облаком пыли. А раз так, то следует изучить его, выявить, каким неприятностям оно может привести.

Для этого на автоматические станции, запускаемые к Ве-

КИНО КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Участникам сессии КОСПАР повезло. Почти каждый день большой зал Гаврического дворца превращался в кинозал. Ученые увидели на экране и высадку космонавтов на Луну, и стыковку на околоземной орбите, и запуск искусственных спутников Земли.

В сентябре 1968 года советская автоматическая станция «Зонд-5» облетела Луну и при возвращении, с расстояния в девяносто тысяч километров, сфотографировала Землю. До этого никто не имел общих снимков нашей планеты такого хорошего качества. Видеть и изучать Землю в целом, а не составлять ее карту из отдельных кусочков, — вот что позволял выход в космос.

— Эти станции, — сказал об автоматах «Зонд» доктор технических наук В. Большаков, — открыли новую эру в исследовании космоса... Геодезисты и картографы получили такое мощное средство информации, о котором никогда ранее и не мечтали.

нере и Марсу, поставили приборы, регистрирующие столкновения космических аппаратов с микрочастицами. Однако полученные результаты озадачили ученых: одни приборы говорили, что пыли в межпланетном пространстве много, другие отрицали это. Отчего? Ответ дал один из участников работы КОСПАРа ленинградский ученый Е. Мазеп.

— Дело в том, — сказал он, — что некоторые приборы отмечали не только попадание пылинок, но и «тепловые щелчки», которые возникают при нагревании станции солнечным светом. А пыли вокруг Земли да и в ближнем космосе не так уж много.

Академик В. Фесенков представил на сессию доклад, в котором говорится об изучении пылевой оболочки Земли с помощью оптических наблюдений за светимостью ночного неба. Вывод из его доклада гласит: необходимы дальнейшие эксперименты с помощью космических аппаратов.

Как видите, вопрос о пыли вокруг Земли — это пока еще спорный вопрос.

„КУХНЯ“ ПОГОДЫ

Нелегко живется синоптикам. Большая часть нашей планеты покрыта океанами и морями, и сведения о погоде над ними поступают от случая к случаю.

25 июня 1966 года в Советском Союзе был запущен искусственный спутник «Космос-122». Только за один час полета он собрал сведения о погоде с площади около тридцати тысяч квадратных километров! Затем на орбиту вышло еще несколько спутников. Вместе с наземными станциями они образовали метеорологическую систему. Она постоянно снабжает нас и зарубежные страны сведениями о погоде. Как зарождаются облака, куда перемещаются, — вся «кухня» погоды видна из космоса.

Закончилась сессия КОСПАРа XIII. Выслушан последний доклад, избран новый президент. Ученые разъехались.

Они встретятся снова через год, на сессии КОСПАРа XIV. И будут рассказывать о новых исследованиях в космосе и на Земле.

Тему одного из докладов мы можем назвать уже сегодня.

В сентябре станция «Луна-16» впервые в мировой космонавтике без помощи человека долетела до Луны, взяла пробу лунного грунта и ракета доставила этот грунт на Землю. Все, кто подготовил эксперимент, радовались, что он произошел в юбилейном Ленинском году, и посвятили его будущему XXIV съезду нашей партии.

Этот полет открыл новый путь изучения других планет — автоматами, которыми станет управлять человек, остающийся на Земле.

ТОМ ЛИН

английская
народная
баллада

Все утро в башне у окна
Прилежно Дженет шила,
И только к вечеру она
В дубраву поспешила.

Там вереск рос, там горьких слез
Никто бы не услышал.
Но вдруг из чащи диких роз
Том Лин навстречу вышел.

— Где был ты столько лет подряд,
Где пропадал ты, милый?
Все говорят, ты ездил в ад,
Дружил с нечистой силой.

— Когда-то феи наяву
Похитили меня,
И, околдованный, в траву
Свалился я с коня
И в королевстве фей живу
До нынешнего дня.

Сегодня ночью торжество,
Меня сегодня женят.

Сегодня друга своего
Спаси ты можешь, Дженет.

Ты многих рыцарей верхом
Увидишь при луне,
Проедут — кто на вороном,
Кто на гнедом коне,
А позади — твой верный Том
На белом скакуне.

Смелей беги наперерез,
Мы снова вместе будем.
Завоюет, загрохочет лес:
„Том Лин уходит к людям!“

Меня оборотят они
Холодным черным змеем.
Ты крепко друга обними.
Не покоряйся феям.

Меня оборотят они
Самцом-оленом диким.
Ты крепко друга обними,
Себя не выдай криком.

Меня оборотят они
Железом раскаленным.
Ты крепко друга обними,
Себя не выдай стоном! —

Одна в угрюмый час ночной
Бродила Дженет в чаще
Под окровавленной луной,
На небесах горящей.

Вот едут рыцари верхом,
Рядами, при луне.
Последним грустно едет Том
На белом скакуне.

Она бежит наперерез,
Но каждый шаг ей труден.
Кругом грохочет, воет лес:
„Том Лин уходит к людям!“

Его оборотила мгла
Холодным черным змеем,

Но Дженет друга обняла,
Не покорилась феям.

Его оборотила мгла
Самцом-оленьем диким,
Но Дженет друга обняла,
Себя не выдав криком.

Его оборотила мгла
Железом раскаленным,
Но Дженет друга обняла,
Себя не выдав стоном.

Тут голос королевы фей
Сказал грознее грома:
— Клянусь, во всей стране моей
Нет парня лучше Тома!

Но коль девчонку в эту ночь
Не победили феи,
Пускай уводит парня прочь:
Ее любовь сильнее!

Рисунки А. Сколозубови

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

Г. Черкашин

Рисунки Т. Ксенофонтова

Небо было совершенно безоблачным, и пока мы добирались до Братского кладбища и поднимались потом по холму среди терпко пахнущих туй и мраморных памятников, гранитная плита перед братской могилой нагрелась, и я увидел, как увядает положенная на плиту гвоздика.

Гвоздику положила моя дочь.

— А еще куда? — спросила она, кивая на оставшиеся у нее в руках цветы.

— Пошли, — сказал я. — Их тут четыре. Четыре братские могилы.

— Почему дядю Георгия похоронили в братской могиле? — спросила она.

— Это было время, когда немцы вторично пошли на штурм Севастополя, — сказал я. — Они пригнали под Севастополь очень много своих солдат. И привезли очень много пушек.

— И что же, они взяли Севастополь? — с тревогой спросила она.

— Нет, — сказал я. — Тогда его не взяли. Пятнадцать дней и ночей длилась эта битва, но они не смогли его взять. Ты меня понимаешь?

— Да, — сказала она.

— Тогда ты и другое поймешь — почему их хоронили в братских могилах. У наших защитников совсем не было времени копать ямы. Они должны были стрелять, идти в атаку, биться врукопашную. Когда у тех, кто остался в живых, появилась передышка, они выкопали большую яму и положили туда всех погиб-

ших товарищей. Всех вместе. В каждой могиле не одна тысяча, понимаешь?

— Да, — сказала она тихо. — Да.

Мы и сами это не сразу поняли. В извещении о смерти было сказано ясно: «Ваш сын в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 24 декабря 1941 года. Похоронен — г. Севастополь, кордон № 1, Мекензиевы горы».

И мы стали искать его могилу на Мекензиевых горах, но ничего не нашли — ни памятников, ни жестяных пирамидок, ни фанерных дощечек, абсолютно ничего, кроме осыпавшихся окопов, воронок, разбитой военной техники, немецкой и нашей. «Поищите на Братском», — посоветовали нам. И мы стали искать на Братском. Я помню поросшие редкой травой бурные холмики с фанерными дощечками. Мы останавливались возле каждой дощечки, и я читал надписи, сделанные химическим карандашом. Я запомнил одну такую надпись: «Медицинская

сестра Вера». И все. Ни фамилии, ни места рождения. «Да разве здесь найдешь?!» — вздохнула бабушка. Мы обошли все могилы, но нигде не нашли ее сына. Без надписей стояло только четыре больших холма — братские могилы. «Может, он здесь?» — предположила бабушка. Почти через двадцать пять лет от участника тех боев мы узнали, что это так.

Дочь продолжала смотреть на меня.

— Братская могила — это все равно что памятник Неизвестному солдату. Ты видела памятник Неизвестному солдату в Москве. Там горит вечный огонь. Огонь в честь тех, кто лежит в братских безымянных могилах.

— И тех, кто на Малаховом кургане? — спросила она.

— Да, — сказал я. — И на Малаховом кургане. Идем, покажу, где была похоронена медсестра Вера. Тоже неизвестный солдат, но, быть может, уже нашлись люди, знавшие ее...

На месте фанерных дощечек лежали плиты черного мрамора. Шеренга плит справа, шеренга — слева. Мы шли между шеренгами. Издали было видно, что возле одной плиты стоит женщина. Вот она наклонилась и положила на плиту цветы. Я заглянул из-за ее спины и прочитал: «Медицинская сестра Вера».

— Видишь, она все еще неизвестная, — сказала дочь, указывая на плиту.

Я покосился в сторону женщины.

Она повернулась к нам и покачала головой.

— Нет. Я ее тоже не знаю. Я в Севастополе гостила, сегодня уплываю на теплоходе, вот принесла ей цветы. — Моя сестра Валя тоже была медсестрой. Она погибла 7-го мая при штурме Сапун-горы. Долго не было вестей о ней. Потом моей тете посоветовали написать в севастопольский Дворец пионеров. И, вы знаете, пионеры все разузнали. Я ездила к ней на могилу в село Широкое. Если бы не следопыты, мы бы так ничего и не узнали, могила ведь братская.

— Пионеры?! — удивился я.

— О! Вы еще не знаете, что это за народ! Во Дворце они создали настоящий музей обороны Севастополя. Непременно побывайте у них. Руководит им Татьяна Федоровна Данилина.

— Схожу, — сказал я. — Обязательно схожу, мне это интересно.

Во Дворце пионеров мне сказали:

— Вы знаете, Татьяна Федоровна у нас больше не работает, но как раз сегодня она собиралась зайти, подождите, — сказали мне на вахте. Словоохотливая вахтерша продол-

жала: — Вы, наверное, красными следопытами заинтересовались? Вам нужно было бы седьмого мая приезжать. Седьмого мая, в день начала штурма Севастополя, на Сапун-горе проводится традиционный костер.

— Я когда-нибудь приеду и побываю на этой линейке. — сказал я. — Когда-нибудь выберусь на май в Севастополь.

— А-а, вы не местный, — протянула она разочарованно.

— Нет, я местный, — сказал я. — Но живу в Ленинграде.

— А вот и Татьяна Федоровна, знакомьтесь.

И мы познакомились.

... Мы шли вдоль стен, увешанных фотографиями. Репортаж о встрече ветеранов — героев Севастополя. Среди них хрупкие женщины и матрос-великан, генералы и адмиралы, летчики и летчицы, военные и гражданские люди. Целая стена занята фотографиями севастопольских руин, знакомые мне с детства обугленные стены с черными провалами окон. Я это видел и знал, что фотографии не врут.

— Вот, — сказала Татьяна Федоровна, останавливаясь перед стендом. — Вот интересная коллекция фотоснимков Севастополя времен первой обороны.

— Первой? — переспросил я, думая, что ослышался.

Она улыбнулась.

— Именно первой.

Я и сам теперь разбирал подписи под фотографиями: «Дом на Екатерининской улице». Так вот каким видел Севастополь Лев Толстой! Сразу же вспомнились мои записи. Я их сделал просто так, на всякий случай. Вынул из кармана потрепанную записную книжку и прочитал:

«По расчету генерала Тотлебена за время первой обороны неприятель выпустил на Севастополь 1 356 000 артиллерийских снарядов...» А вот выписка из донесения генерального штаба немецкой армии: «С немецкой стороны артиллерией разных калибров было сделано 1 360 000 выстрелов и сброшено около 20 600 тонн бомб...»

Неудивительно, что я принял эти фотографии за нынешние.

Севастопольские мальчишки

Она покачала головой.

— Это что же получается, по пять с половиной тысяч снарядов в день?!

— Да, в среднем это будет так, — сказал я и вспомнил, как это было. Один снаряд залетел в тоннель под железнодорожной насыпью, который вел в Аполлонову бухту на Корабельной стороне. Там прятались от обстрела моя вторая бабушка, моя парализованная тетя на коляске, там прятались другие люди... Недавно я был в этом тоннеле и подумал: «Вероятность попадания сюда снаряда равна одной миллионной. И он все-таки попал...»

— Сначала мы не знали, с чего начинать, — сказала Татьяна Федоровна, когда мы поднялись этажом выше и вошли в музей. Я увидел форму солдат времен первой обороны, фотокопии картин, стенды.

— Мы просто растерялись. И тут нам очень помогла книга Бориса Алексеевича Борисова «Дети Севастополя». В дни обороны он был секретарем горкома партии и председателем Городского комитета обороны. Теперь он живет в Москве.

Татьяна Федоровна взяла в руки тоненькую книжку и открыла ее на 77 странице. Фотография — юные севастопольцы встречают моряков-победителей. Среди них и девочки. Я невольно поискал Нонку и других знакомых ребят, но никого не узнал. В тот день я тоже был на Приморском бульваре. Об этом у меня есть рассказ «Возвращение эскадры». Если бы наши ребята знали, что на Приморском фотографируют для истории, они бы постарались втиснуться, я их знаю. Прозевали!

— Вот, читайте, — она ткнула в строчку пальцем, — читайте: «Ничего не знали мои собеседники о судьбе Вани Гаврилова, Коли Баранова, Володи Омельченко. Где они? Живы ли? И если война их пощадила, может, сами откликнутся? А может, выяснением их судьбы займутся пионеры?» Это уже было

непосредственно обращение к нам. И мы решили помочь писателю. Нам было известно, что, кроме тех ребят, о которых уже написал Борис Алексеевич, в газетах во время войны писали еще о юном разведчике Володе Чепурном. Служил он в 456-м стрелковом полку пограничников, командовал которым майор

Г. А. Рубцов. И все. «Ну, как? — спрашиваю у ребят. — Будем искать?» Первая группа красных следопытов — семиклассники, все из школы-интерната № 1. Отвечают: «Будем!» А начали мы с того, что обратились в музей Черноморского флота с просьбой сообщить нам адреса рубцовцев. Сообщили — адрес Осокина и адрес Костецкого. Одновременно мы написали в музей пограничных войск, в Москву. Оттуда пришло три адреса, два мы уже знали, третий — адрес бывшего разведчика Грибкова. Первым делом мы направились к Василию Ивановичу Осокину, в войну он служил в транспортной роте полка. В разговорах Василий Иванович вспомнил, что водитель командирской «эмки» Салонский рассказывал ему, как однажды, возвращаясь из штаба дивизии, они повстречали по дороге двоих матросов с

крейсера «Червона Украина» и с ними мальчика в матросской форме. Проверили документы, оказалось, что матросы после гибели крейсера откомандированы в пограничный полк. Мальчика командир взял с собой в штаб полка. Поначалу командир подумал, что мальчик, как это тогда было сплошь и рядом, про-

сто сбежал из дому, мать, наверное, о нем ничего не знает, и уже хотел его хорошенько отругать, но Володя рассказал, что пароход, на котором он с родителями эвакуировался из Николаева, потопили немцы, почти все пассажиры погибли, его же подобрала наша морская. Командир решил оставить мальчика в полку. Осокин еще рассказал нам, что направили Володю в разведроту, однако ходить ему в разведку командир строго-настрого запретил... Пришел ответ и от Грибкова.

Татьяна Федоровна открыла папку с документами: «Почитайте». Она протянула мне пожелтевшие листки.

«...Владимир, — читал я, — не раз просился за линию фронта. Но на его неоднократные просьбы майор Рубцов отвечал отказом. И все-таки Володя своего добился.

В конце февраля сорок второго года командование заинтересовалось причиной перемещения войск противника. Нужен был «язык». Ночью на поиск ушли три группы полковой разведки. В одной из них был Володя.

Группа успешно прошла заграждения из колючей проволоки, на которой еще висели консервные банки, и по-пластунски пробралась к окопам.

Командир группы старший сержант Виноградов в этот момент обнаружил офицера. Офицер вышел из блиндажа, стоял и курил. Он тоже заметил разведчиков и, выхватив «вальтер», успел выстрелить. Пуля попала в Виноградова. Схватив горсть земли, Володя швырнул ее в лицо офицеру. В эту короткую паузу разведчики успели забить кляп и опутать офицера веревками. Но на выстрел уже выскочили солдаты. Пришлось уходить с боем. В штабе пленный — военный инженер — дал ценные сведения.

Утром в городском саду в Балаклаве мы похоронили Виноградова. В почетном карауле вместе с нами стоял рядовой Владимир Чепурной.

Так закончилось «боевое крещение» нашего сына полка. Вскоре он стал настоящим разведчиком. Местные рыбаки забрасывали его с рацией в тыл, и он корректировал огонь артиллерии. За поимку шпиона получил орден, был награжден медалью за уничтожение вражеского пулеметного расчета.

Дальнейшая судьба Володи мне неизвестна, потому что я был ранен и эвакуирован в севастопольский госпиталь».

— Получили мы это письмо, — продолжала Татьяна Федоров-

на, — и стали думать, что делать дальше? Как продолжать поиск? Куда писать? Дело ведь осложнялось тем, что 456-й пограничный полк попал в прикрытие — прикрывал отход наших войск из Севастополя 2 июля 1942 года. А вы представляете, что это значит?!

Да, я это представлял. Прикрытие должно было сдерживать натиск фашистов до тех пор, пока не отойдет от берега последняя подводная лодка, последний катер...

— Мы подумали: а вдруг кто-нибудь из них все-таки остался жив? Вдруг кто-нибудь уцелел чудом? Чего в войну не случалось! И действительно: на наше выступление в «Пионерской зорьке» откликнулся пулеметчик Соколов. Сам он ничего о Володе Чепурном сообщить не смог, но зато он дал адрес бывшего адъютанта командира полка младшего лейте-

нанта Голова. Вот, почитайте воспоминания Голова. Они нам очень, очень помогли.

«...Заканчивается день 2-го июля. Что ждет нас завтра? Мы отрезаны от всего мира — на суше противник, сзади — скалы и море. Мы идем к мысу Феолент, к той тропинке, что ведет под скалы, к морю... Начинаем спускаться по ней вниз, спуск крутой, опасный: один неверный шаг — и летишь вниз.

Впервые за несколько дней умылись морской водой. Я не выдержал и напился морской воды, но она не помогла, а только причинила боль.

...3 июля. Что даст нам этот день — победу или смерть?.. Лица солдат темные, все в пыли. Какой день без мыла, без воды, без еды. Трудно узнать — сколько лет тому или другому.

...4 июля. Ночью решили прорываться к партизанам. Мы понимали сложившуюся обстановку, и выход должен быть один — решительный бой: или смерть, или мы вырвемся из капкана...

Зажатые изгородью из танков противника, мы не могли вырваться из окружения. Подобрал раненых, отступили опять под скалы.

Командир полка отдал приказ: по возможности переодеться в гражданское и мелкими группами просочиться сквозь немцев. Сам он, старый чекист, не стал переодеваться и застрелился.

...5—6 июля. При отходе я был ранен в голову и потерял свою группу. Очнулся лишь через сутки. В нише скалы встретил раненного в ногу политрука роты разведчиков П. Басалаева.

Он обмыл мне рану на голове. Когда стемнело, стали выходить из окружения, поддерживая друг друга.

От него я узнал, что Володя Чепурной вместе с группой разведчиков ушел на прорыв в сторону Балаклавы. Что он в этих боях был ранен.

Увы, больше мне не пришлось его увидеть ни под скалами, ни в плену.

— Голов посоветовал нам искать следы Володи Чепурного в Балаклаве, — продолжала Татьяна Федоровна. — В том случае, если разведчикам удалось прорваться туда, они же должны были обратиться к кому-то из местных жителей. Полк всю оборону провоевал в Балаклаве. Там на Генуэзских башнях сейчас, вернее, на одной из башен Генуэзской крепости, висит мемориальная доска. Это была самая южная точка фронта Великой Отечественной войны, держали ее рубцовцы, а городок был маленький, в основном рыбаки, их жены, дети. Все они, чем могли, помогали пограничникам, стирали, приносили рыбу. Наверняка они знали четырнадцатилетнего ефрейтора, о котором тогда писали газеты. В музее истории полка на заставе нам показали вырезку из газеты с фотографией, мы даже пересняли ее...

Так вон каким был разведчик Владимир Чепурной — белобрысым мальчишкой в гимнастерке, стоит, улыбается заразительно, наверное, рад, что его фотографирует военный корреспондент... Я смотрел на фотографию, сам невольно улыбаясь.

— И мы не ошиблись. В Балаклаве нам удалось разыскать Лидию Зимбулиди. К ней как раз и пришла группа разведчиков, в которой был раненый Володя...

Слушая Татьяну Федоровну, я представлял себе события тех дней — и приход разведчиков в дом Лидии Зимбулиди, и ее — восемнадцатилетнюю красивую гречанку в офицерской парикмахерской, куда она поступила по заданию подполья, и разведчика Ищенко, который, став одним из руководителей подполья, не забыл своего юного товарища. Володя стал связным. Он доставлял Ищенко сведения, которые приносила Лида, пока однажды, зимой сорок третьего года, Ищенко не сообщил, что в городской жандармерии заготовлены списки на угон молодежи в Германию. «Твоя задача, — сказал Ищенко, — отвлечь внимание немцев от жандармерии. Ты должен поджечь офицерскую столовую, а мы в это время постараемся взорвать здание жандармерии». ...Операция прошла успешно.

Скрывая Володю, подпольщики переправили его в село Мамак под Симферополем, где находился детский дом. Директор дома была связана с партизанами. «Когда у нас стало потише, — рассказывала следопытам Лидия Зимбулиди, — Володю опять перевели в Балаклаву. Но жил он не у меня. Ему справили документы, по которым он значился сыном «торговки рыбой Елены Позианос».

Я знаю Володю Позианоса, сына Елены Позианос. Он живет в Балаклаве и работает на руднике. Так вот под чьим именем жил Володя Чепурной! Семья Позианос была хорошо известна в Балаклаве: Володин отец, Яни, продавал уголь. Уголь нужен всем. Отсюда следует только один вывод — в Балаклаве не нашлось предателей. Никто не сообщил властям, что мальчик, который так любит ходить из Балаклавы в севастопольскую баню, вовсе не Володя Позианос, которого вообще нет в Балаклаве — он эвакуирован, а разведчик пограничного полка Володя Чепурной. Иначе бы немцы непременно проследили, с кем встречается «сын торговки», заглянули бы к нему в грязное белье, где была спрятана подпольная газета «За Родину».

«А фронт приближался. В начале сорок четвертого наши войска вошли в Крым. На связь с ними пошел Володя с товарищем по подполью Костей Рылковским, который был старше его всего на год. После этого следы Володи затерялись. Знаю только, что он вышел в расположение 4-го Украинского фронта. Затем без боя провел армейских разведчиков в Балаклаву. А те в свою очередь провели в Балаклаву 318 дивизию», — так закончила свой рассказ Лидия Зимбулиди.

— Вот тут мы впервые подумали о том, что Володя Чепурной может быть жив. Появилась у нас такая надежда. Особенно она окрепла после встречи с бывшим командиром батареи

артполка 318-й дивизии подполковником Цогоевым. — Татьяна Федоровна протянула мне еще один лист бумаги. — Вот запись его рассказа.

«6 мая 1944 года. Началась битва за Севастополь. Я корректирую огонь своей батареи. Только теперь понял, какая страшная штука — артобстрел. Почти одновременно из ствола вылетает по пять-шесть снарядов. Батарея ведет беглый огонь. А тут, как назло, пробило на линии кабель.

Жду связи. Смотрю, бежит старший лейтенант, с ним солдат и двое детей. Катушку несут.

Тут в атаку поднялась наша пехота. Фашисты по ней ударили прямой наводкой. Вижу, не успеют добежать в блиндаж мальчишки. Я — к ним навстречу.

Взрыв снаряда. Нас засыпало землей, камнями. Подо мной кто-то барахтается. Смотрю — один из мальчишек с катушкой. Спрашивает:

— Котя... где Котя?

А Коти уже нет. Ни Коти, ни лейтенанта, ни солдата...

Володя со мной остался. Был зачислен в наш артполк на должность разведчика — наблюдателя в звании ефрейтора. Вместе дошли до Карпат. Там он встретился со своим братом летчиком и перешел к нему в часть».

— Итак, нам осталось последнее — выяснить, жив ли он или погиб, — сказала Татьяна Федоровна и устало улыбнулась. — Он оказался жив. Если помните, в рассказе Осокина было сказано, что он родом из Николаева. И вот мы написали в николаевский адресный стол. Ответили, что Чепурной Владимир Васильевич проживает там-то и

там-то. Написали, спрашиваем: это вы? Ответила дочь Наташа: «Человек, которого вы разыскиваете — это мой папа». И тогда мы поехали к нему в Николаев. Семь лет ушло на поиски! Сколько групп сменилось за это время! Сколько ребят приняло участие в поисках! Лена Богоевская, Гена Шевченко, Вова Назаров, Таня Назарова — наш нынешний председатель кружка «Героика Севастополя». Она как раз сейчас в Николаеве у Владимира Васильевича, пишет историю 456-го полка. Да, долгих семь лет. Когда поиск был закончен, мы написали писателю Борисову, рапортовали, что задание его выполнено. Он очень благодарил нас и писал, что в новом переиздании его книги будет глава о Володе Чепурном. В Музей пограничников мы сообщили более 60 адре-

сов «рубцовцев», если помните, сначала их было три.

Передо мной лежит письмо начальника музея пограничных войск Кузьменкова. «... Поздравляем с наступившим Новым годом и желаем всем следопытам вашего кружка успехов в большом и благородном патриотическом деле — поиске героев Севастополя, а также успехов в учебе и во всех пионерских делах».

ЮНЫЕ МАТАДОРЫ ИЗ АРЛЯ

Курцио Франки

Рисунки В. Орлова

Подумайте, какая это мужественная профессия: быть матадором, один на один сражаться с разъяренным быком!

Наверное, надо быть большим мастером, чтобы выйти на корриду—так называют в Испании, на родине этого необычного состязания, бой быков?

А вот во французском городе Арле этой любопытной профессией овладели обыкновенные... мальчишки. Да и девочки тоже.

Не верите?

Прочитайте очерк итальянского журналиста Курцио Франки, который побывал в Арле и так удивился увиденному, что сразу взялся за перо.

Правда, Курцио Франки заметил, что арльские ребята выходят на бой быков не только для того, чтобы посостязаться в ловкости. За это, оказывается, платят деньги. А лишний франк — помощь семье...

Во французском городе Арле в воскресенье рано утром тщательно огораживают перекрестки улиц, ведущих от предместья Арля к городской арене. Часам к десяти сюда подъезжает громадный фургон, сквозь решетчатые дверцы которого просовываются внушительные бычьи рога. У въезда в город фургон останавливается, раздается барабанная дробь, и особый глашатай объявляет: «Сегодня в два часа дня состоится бой быков!» После этого городок преобразуется. Там и сям кучки людей. Они возбуждены, они озабочены, они спорят до хрипоты.

— Какими нынче окажутся быки?

— Наверное, разъярены, в эту пору в городе тучи мух!

— Привезли шесть быков, я сам видел! Их отловили только вчера, они еще ни разу не выходили на арену.

В два часа дня все места за ограждением арены заполнены до отказа. Нет там только мальчишек. Мальчишки сегодня не зрители, они — главные действующие лица и готовятся бросить быкам свой вызов. Торжественно звучит труба — это значит, что быки выпущены из фургона. В ярости устремляются они по узким улочкам городка. Перед ними несутся стайки мальчишек, заманивая быков все ближе к арене. Сейчас необыкновенная коррида начнется. Вот уже быки и мальчишки смешались в общую группу; мальчишки лавируют, извиваются, словно угри, и, наконец, один за другим, увертываясь от грозных рогов, перепрыгивают через ограждение — тут они в безопасности.

А быки? А быки теперь предоставлены самим себе. Впрочем, нет, на арене появляется укротитель, или, вернее, укротительница — обыкновенная пятнистая бурен-

ка. Позванивая колокольчиком, она без труда убеждает даже самых строптивых быков последовать за ней в ториль — тесный загон, расположенный под трибунами. Пятиминутная передышка. Воспользуемся же ею, чтобы задать мальчишкам два-три вопроса.

— Что заставляет вас любить такой в общем-то небезопасный спорт?

— Понимаете, — отвечает худой черноглазый паренек, сверкая улыбкой, — иногда к нам в Прованс приезжают прославленные матадоры, такие как Эль Кордобес или Апарисьо. И все мы мечтаем стать когда-нибудь такими же искусными, как они... ну, и, конечно, зарабатывать, как они, — заканчивает он не без смущения.

Другой паренек, лет пятнадцати, серьезный и сдержанный, на секунду задумывается.

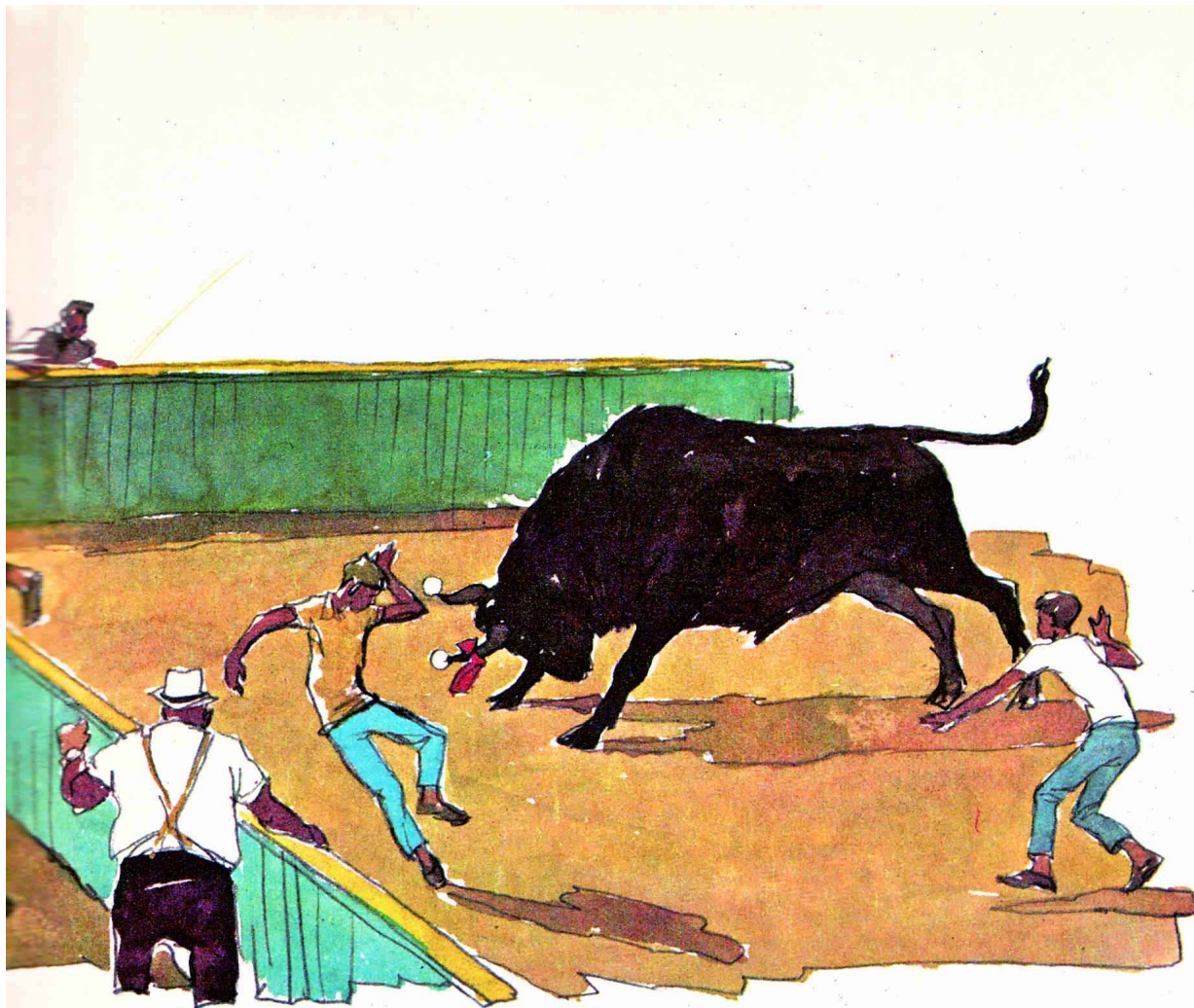
— Я не знаю зверя сильнее быка, — наконец произносит он. — Для меня бык — это дикая сила природы, и каждый, кто чувствует себя мужчиной, — тут в голосе его слышится гордость, — испытывает желание утвердить свое превосходство, сломить эти силы. Наверное, основная причина — эта.

— А неосновная?

— Немного заработать...

Я подхожу к долговязому франтоватому подростку, к куртке которого приколот значок в виде спутника; и знакомлюсь. Паренька зовут Расель Гамба, он провансальский цыган и квартирует не в самом Арле, а в палаточном цыганском городке — во Франции цыгане еще живут тою вольной кочевой жизнью, какую вели их древние предки. Спрашиваю Раселя, примет ли он участие в играх с быками.

— Непременно, — с гордостью отвечает он. — Моя

«специальность» — бассейн. Каждое воскресенье я приношу домой тридцать-сорок франков...

— Это верно, он ныряет лучше всех, — подтверждают мальчишки, собравшиеся вокруг нас. — И может просидеть под водой целую минуту!

— Как же устроен ваш бассейн? И как туда попадает бык? — интересуюсь я.

— Да вот же он, — снисходительно объясняет цыган. — Его как раз собирают. Соединяют вместе прессованные соломенные плиты, обтянутые водонепроницаемой материей — видите? Уже готово! Сейчас пустят воду.

Действительно, прямо на наших глазах бассейн, этакая кадушка пять на пять метров, наполняется водой. Глубина небольшая, сантиметров семьдесят — и захочешь, так не утонешь.

— Когда быка выпускают на арену, нужно заманить или загнать его в воду. Кто сделает это первым, получает премию, — Расель объясняет, словно заправский гид. — А когда бык в воде, нужно выкупаться вместе с ним. Но если бык тебя увидит — беда: он непременно подденет тебя рогами. И поэтому приходится подкрадываться к нему сзади. Подкрадешься, плюх в воду с головой — и сиди, сколько хватит дыхания. Потом выскочишь и бежишь за премией. Только вот иногда трудновато бывает загнать быка в воду — на это отпускается всего-навсего пятнадцать минут, и ни секунды больше. Каких только трюков не приходится пускать в ход!

Рассказывая, цыган воодушевляется, глаза у него горят, и я понимаю, что дело здесь не только в деньгах, мальчишеское честолюбие тоже чего-нибудь да стоит! Час открытия состязаний близится. Уже карета скорой помощи тихонько подкатывает к главным воротам — во время состязаний может случиться всякое...

Из репродуктора несется бодрый испанский марш. Публика нетерпеливо аплодирует. Звучит сигнал фанфары.

Взгляды всех устремлены на двери торилы. Секунда — и двери распахиваются. Еще секунда — и, словно пушечное ядро, на арену с топотом вылетает бык. Диктор объявляет, что сорвавший первую кокарду (так называется лоскут материи, прикрученный шпагатом к рогам быка) получает три франка премии. Но три франка — это лишь начало. Если бык достаточно зол и опасен, публика, войдя в азарт, устраивает складчину, и величина премии может достичь и трехсот, и четырехсот франков.

Однако, внимание! Ребята — участники состязания — выстроились за барьером, ограждающим арену. Один полез было через барьер, но бык тут же атакует его. Приходится давать задний ход. И тогда по сигналу на арену выскакивает сразу человек пятьдесят мальчишек. Сбитый с толку бык шарахается к середине арены и бестолково кружится на месте.

«Премия за первую кокарду повышена до пятнадцати франков!» — слышится из громкоговорителя.

Кто-то пытается подобраться к быку сзади, бык молниеносно оборачивается и, взяв с места в галоп, бросается на смельчака. В последнюю долю секунды тот успевает перемахнуть через барьер. Слышится деревянный стук — это бык боднул доски барьера.

Тогда двое других пареньков пускаются на хитрость. Один начинает подманивать быка, и когда тот оборачивается, второй заходит сзади и, изловчившись, касается бычьего лба. Кокарда, правда, остается на своем месте, но публика все равно аплодирует. Премия повышается до двадцати четырех франков.

«Э, — скажете вы, — легко быть храбрецом, когда знаешь, что рога у быка не так остры, как это бывает на настоящих корридах!»

Что правда, то правда, здесь быкам надевают на рога металлические шарики. Но, во-первых, их надевают не всем быкам. Во-вторых, получить удар такими шариками тоже не слишком приятно. Сильный ушиб, а то и перелом ребра обеспечен!

Вот, наконец, одному из матадоров удается разорвать веревку, на которой держится кокарда. Правда, кокардой он так и не завладел. Ему-то и достаются заслуженные аплодисменты и... двадцать франков премии. А на арену выбегают четверо мальчишек и, став друг против друга, с четырех концов кричат на быка. Он в недоумении озирается, а тем временем пятый, зайдя сзади, срывает, наконец, желанную кокарду. Премию — она уже достигла сорока пяти франков, он поделит с пришедшими ему на помощь приятелями. Фанфара играет отбой, двери ториля распахиваются, и бык, миготнув боевой пылью, трусцой устремляется в открывшийся проход.

Пока к «бою» готовят следующего быка, я оглядываю трибуны. Мое внимание привлекает компания парней, одетых во все белое. Я подзываю одного — блондина лет восемнадцати.

— Те, кто одеты в белые рубашки и брюки, — это, так сказать, профессионалы, — рассказывает он мне на провансальском наречии. — Сначала состязания были для нас просто развлечением, а потом увидели, что за это неплохо платят. Мало-помалу это стало для нас работой. Да, кое-чем рискуешь, вы правы. Нам дают работать только с самыми злыми быками. И никаких металлических шариков! Страховку нам не выплачивают, так что лечиться, в случае чего, приходится за свой счет. Да только об опасности как-то не думается... Втянулись!

Снова заливается фанфара, и из ториля появляется громадное, великолепное животное, сплошной клубок нервов и мускулов. Оголенные рога выставлены вперед, словно два штыка. Парни в белом принимаются за дело. Сейчас они покажут, как нужно по-настоящему играть с быком!

Это и в самом деле отчаянные ребята! Они подпускают быка сантиметром, на тридцать, потом одним прыжком перелетают через барьер. Не проходит и пяти минут, как кокарда сорвана. Герой получает сто пятьдесят франков. Тут же другой парень срывает остаток веревки, и ему достается сто франков. А бык? Он развенчан, и остается только загнать его в ториль. Но он вовсе не расположен покидать арену! И лишь когда появляется давешняя буренка с бубенцом, бык утихомиривается и, пофыркивая, плетется в ториль, положив голову ей на холку.

— Следующий бык предназначен для любителей. Рога защищены шариками! — объявляет диктор.

Любители, десятка два мальчишек, уже поджидают на арене. Бык вылетает, словно пуля, и сразу же бросается на одного из «матадоров». Тот несется к барьеру, но бык оказывается проворнее. Раз! Он поддевает паренька рогом и бросает его на арену. Тот пытается подняться и тут же получает еще один удар рогами. На помощь спешат профессионалы, они отвлекают быка криками, размахивают красными тряпками. Санитары поднимают пострадавшего и на носилках уносят его с арены. У него вывихнута рука и сломано ребро. Но он находит в себе силы подмигнуть мне и хрипловато (больно не шуточная) произносит:

— Как только поправлюсь, снова выйду на арену! Этот бык будет моим!

Страсти разгораются. Кокарда быка уже оценивается в восемьдесят франков. Однако проходят установленные пятнадцать минут, а кокарда целехонька. Бык покидает арену победителем. Мальчишки явно пали духом, и многие из них собираются домой.

Но вот объявлено, что следующий номер будет купание с быком в бассейне. Мой Расель встрепетул, глаза у него загораются. Приветственно махнув мне рукой, он спешит на арену. Появляется бык — с шариками на рогах, но без кокарды. Мальчишки подпускают его к себе, но теперь они уже не спасаются за барьером, они принимают участие в гонимости быка вокруг бассейна, стараясь заманить его в воду. Бык в бешенстве бодает соломенные плиты, но тут же перед его мордой один из «купальщиков» старается отвлечь быка, не то он разнесет бассейн.

Цыган между тем входит в воду и подманивает быка. Бык прыгает в бассейн, но тут же выскакивает обратно. Однако он уже побывал в воде, и цыгану платится премия в десять франков.

Бык же, поняв, что бассейн неглубок, перестает бегать вокруг. Теперь он гоняется за мальчишками прямо по воде, вздымая тучи брызг. Осталось самое главное — испугать быка из воды, а Расель, подкравшись к нему сзади, погружается в бассейн и на несколько секунд расплывается на дне. Заслышав плеск, бык оглядывается... но не видит ничего подозрительного — Расель уже под водой. Это — победа! Мокрый, но счастливый цыган выбирается из бассейна, он унесет домой целых пятьдесят франков.

Бык выполнил свое дело, но его оставляют на арене: еще не истекли положенные пятнадцать минут. Улыбчивый бронец, с которым я беседовал, выходит на арену и размахивает большим красным полотнищем — ни дать ни взять настоящий матадор. Зрелище незабываемое. Парень серьезен и собран, как пружина. Он зовет быка; чтобы раздражить его, притоптывает ногой, задорно покрикивая:

— Оле! Оле! Сюда!

Бык не заставляет себя просить. Он идет в атаку на красную тряпку. Вот до нее остался всего метр, и мальчишка делает тряпкой стремительный финт. А бык на всем ходу пронесется мимо, едва не задев противника рогами. Мальчишка же не посторонился ни на сантиметр, даже не изменил положения ног. Бык атакует еще раз, потом еще. В четвертый раз матадор, словно издеваясь над быком, становится на одно колено. В этом положении он беззащитен, и если бык изберет мишенью его, дело плохо. Но и на этот раз бык пытается боднуть красную тряпку. Публика по заслугам награждает храбреца аплодисментами. Провожаемый ими, мальчишка гордо, словно какой-нибудь Кордобес, удаляется с арены. Он показал мастерство, которое сделало бы честь и профессиональному матадору. Но профессиональный матадор получает за выступление десятки тысяч, мальчишка же рисковал жизнью просто так, из любви к искусству. Бык, дрожа от бешенства и обиды, всаживает рога в барьер. Он доведен до такого состояния, что никто больше, включая и «профессионалов», не осмеливается его дразнить. Корове-«крототельнице» с трудом удается увести его в ториль.

Чтобы доставить удовольствие самым юным любителям — да и любительницам тоже, — на арену выпускают теленка. Впрочем, не так уж он и безобиден, это скорее молоденький бычок. Он похрапывает, роет копытом землю и устранивает поводит головой, на которой красуются заметные рожки. Вместе с мальчишками на арене появляется и множество девчонок в спортивных брюках. Каждый старается шлепнуть бычка по лбу — это как бы подготовительное упражнение, чтобы научиться срывать с рогов кокарду. Бычок не робкого десятка — своими обязанностями ватой рогами он сердито бодает воздух. Испуская радостные крики, ребята носятся вокруг него, уже не от страха, а тренировки ради они повторяют акробатические прыжки через барьер, совсем такие же, какие только что делали их старшие товарищи. Правда, кое для кого барьер чересчур высок, и тогда под него просто подлезают.

А пока разминаются эти будущие чемпионы корриды, я беседую с одним из ветеранов. Он сидит возле меня, неестественно вытянув ноги; рядом с ним о скамью оперта трость.

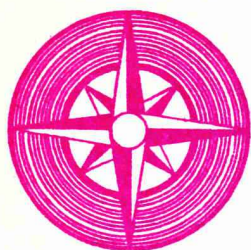
— Мальчишкой я был совсем, как они, — рассказывает он. — Сначала тренировался на телятах, а в четырнадцать лет впервые вышел один на один с настоящим быком, без шариков на рогах. С того дня я и стал профессионалом. Мне везло, к двадцати восьми годам я уже заработал столько, что купил неподалеку клочок земли. Сейчас у меня маленькая ферма, я развожу племенных быков для корриды.

Я вопросительно взглянул на трость.

— Старая история, — сразу понял он. — Я хромаю уже десять лет. Как-то я вышел на арену в день своего рождения. А перед этим долго болел и был не в форме. Бык оказался проворнее меня: пока я перепрыгивал через барьер, он успел воткнуть рог мне в спину. Быка никогда не следует недооценивать, даже если он кажется крошечным, как ягненок... Впрочем, — спохватился он, — вы все можете увидеть своими глазами. Приезжайте как-нибудь ко мне на ферму. Только оставьте машину на шоссе и позвоните мне из ближайшей телефонной будки. Я приеду за вами на джипе, потому что дорога ко мне лежит через луг, а на нем обычно пасутся мои быки...

Большое спасибо! После того, что я видел сегодня, у меня нет особой охоты соваться на луг, на котором пасется пятьдесят диких быков!

Перевел с итальянского Ю. Ильин

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 14-й

ГОЛУБЫЕ АКВАРЕЛИ

Когда я шел к нему, я знал только, что человек этот очень стар и еще — что он рисует голубые акварели.

Когда я увидел эти акварели, они показались мне кусочками моря. Голубоватыми волнами выплеснулись они на большой письменный стол. Их было много, их были сотни. Может, две тысячи, а может, и больше. И на каждой, среди волн — корабль.

Словно в какой-то единственной, волшебной лотерее вы могли бы назвать любое пришедшее на память название — «Викторию» Магеллана или «Надежду» Крузенштерна, и корабль являлся перед вами точно таким, каким некогда ушел в историю.

Славные или бесславные, обошедшие вокруг света или простоявшие большую часть своей корабельной жизни у причалов, мирные и военные, парусные и паровые — все они плыли, дымили, стояли на якоре или стреляли...

Один человек назвал эти акварели уникальными, другой пытался оценить эти бесценные сокровища в звонкой монете, кто-то подсчитал, сколько часов нужно, чтобы нарисовать эти сотни и сотни кораблей.

Я не восторгался и не подсчитывал. Я просто смотрел и не мог уйти. Мне являлся то «Азард», потопивший английскую подлодку, то «Варяг» во всем своем стройном величии перед последним боем.

И когда я спросил хозяина дома, на каких кораблях он плавал, он усмехнулся и, наверное, ему вспомнился прежде Севастополь и дом, где он родился и где неко-

гда жил адмирал Корнилов, а потом уже — палуба первого корабля, куда поставил его отец, — а было тогда Боре Новицкому пять лет.

Еще вспомнились другие корабли, и было их много. И «Двенадцать апостолов», и «Муссон», и «Верный», и «Фидониси», и «Купава», и «Красный вымпел», и «Парижская Коммуна». И плавал он уже Борисом Павловичем Новицким, штурманом или командиром корабля.

Потом вспомнились ему, наверное, и первые рисунки, на которых сперва было просто море и корабли, а потом — размышления над судьбами и историей флота, где что ни акварель — то своя страница истории и что ни корабль — то поиски, потому что корабли, отжив свое, гнили на корабельных кладбищах, и забывался их вид, и терялись чертежи, и истлевали гравюры.

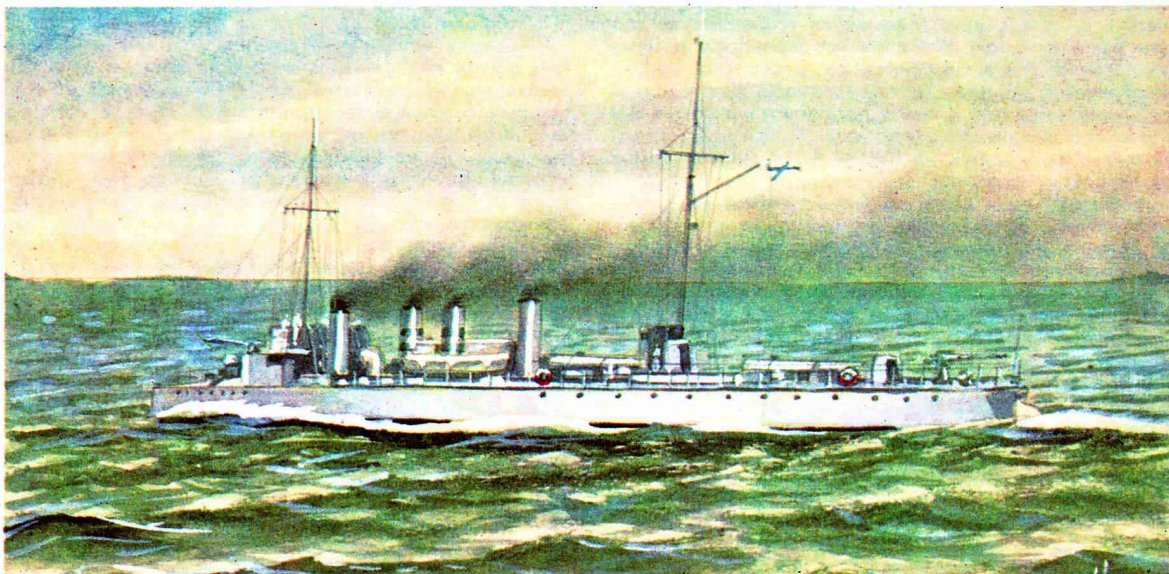
И вот здесь, на голубых акварелях рождались они заново, многие вовсе забытые — герои или труженики, каждый не похожий на другой, со своей славной или трагической судьбой.

Почему-то я подумал тогда, что эти голубые кусочки моря как дни его жизни. И чем больше становилось акварелей, тем меньше оставалось дней.

На прощание я сказал:

— Может быть, они будут сняться мне. Все эти многотрубные цусимские красавцы, и многопалубные нахимовские, и с высокими кормами галеоны. И эти голубые морские дали...

О. Орлов

Эсминец «Сви́репый»

Плавающий гараж

В январе 1970 года вышел в первый рейс самый большой в мире океанский корабль-гараж «Лаурита».

На десяти его палубах можно разместить более трех тысяч автомобилей.

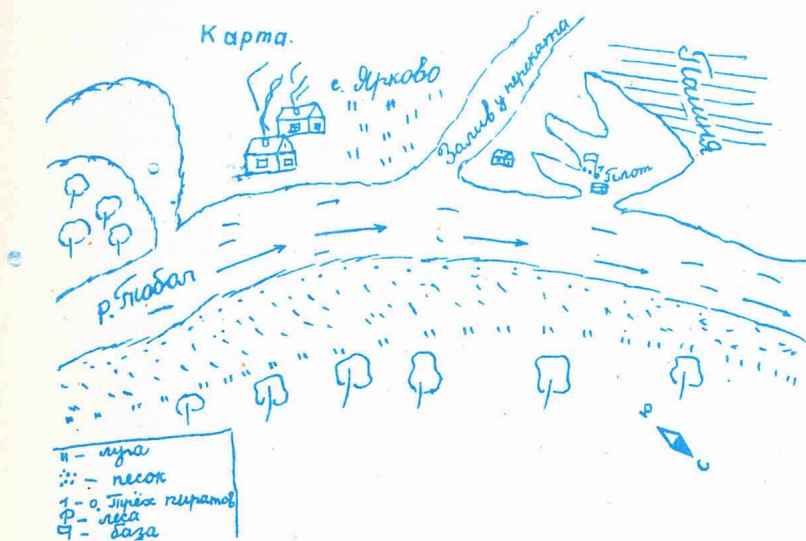
Он построен в Гамбурге по заказу норвежских фирм. Длина «Лауриты» 158 метров, а высота борта 22 метра. Скорость весьма приличная — 21 узел.

Сообщают юнкоры

Наше село Ярково стоит на берегу реки Тобол. Здесь много озер и болот. В Тобол впадают Тура, Исса, Язевка...

Команда нашего Морского клуба «Нептун» пока три человека. Наша флотилия — два плота. А в далекие походы мы плаваем на отцовских лодках. У нас есть и штаб. Мы вам посылаем карту, в которой указана временная база нашего клуба.

Командор клуба юнкор Витя Ефимов

НАША ПОЧТА

«Я нашел, — пишет Коля Пономарев из села Усовка, — более прочную, на мой взгляд, комбинацию узла, чем морской».

Коле отвечает боцман Румпель: — Дорогой Коля, такой узел известен морякам более двухсот лет. Он называется...

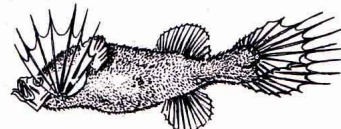
Впрочем, пусть ребята сами напишут нам, как называется изобретенный Колей узел.

ЖИЗНЬ МОРЯ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЭЗАУ

В северной части Атлантического океана, недалеко от Азорских островов с борта торгового корабля «Каролина Кок» поймали странную рыбу. Длинной она была всего 4 сантиметра и не походила ни на одну из известных дотоле рыб.

Оказалось, что эта рыбка принадлежит к новому отряду, новому семейству, новому роду и новому виду животных. Назвали ее Мирапинна эзау, то есть «странно оперенная эзау». И в самом деле, главная особенность Мирапинны — мелкие «волоски», покрывающие ее тело, голову и плавники.

Мирапинну поймали на глубине 15—20 м. Однако по строению боковой линии, коричневому цвету тела и другим признакам думают, что обитает она в больших глубинах океана.

Мирапинна плавает медленно. Она не может охотиться на рыб или креветок, — у нее очень маленькие зубы. Скорее всего, она нападает на мелких, медленно плавающих животных, замечая их благодаря хорошему зрению и хорошо развитым органам чувств.

В желудке Мирапинны эзау было найдено несколько мелких рачков-каланусов.

Наш корреспондент
С. Д. Степаньянц,
кандидат биологических наук

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ВИКТОРИНЫ (См. № 10)

1. На средневековых географических картах всю территорию к западу от пролива называли Татарией.
2. Фотоснимки облаков, сделанные с искусственных спутников, помогают предсказывать погоду.
3. У осьминога — восемь ног. У кальмара и каракатицы — по десять.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД (См. № 11)

По горизонтали:

4. Крейсер. 7. Бук. 8. Слип. 11. Галс. 12. Корма. 14. Скат. 15. Адмирал. 16. Брандер. 18. Шлюп. 20. Атолл. 21. Флаг. 22. Грот. 24. Шкот. 25. Караван.

По вертикали:

1. Дрек. 2. Айсберг. 3. Рейс. 5. Курс. 6. Пирс. 9. Гардель. 10. Такелаж. 12. Крага. 13. Аврал. 17. Водолаз. 19. Порт. 21. Флот. 23. Трап. 24. Штаг.

Про Пирата

В. Романов

Рисунки Е. Савкевич

Во время войны всех хороших собак «призвали» в армию, где многие, спасая раненых, подрывая немецкие танки, подвозя боеприпасы или отыскивая мины, погибли. Поэтому в послевоенном Ленинграде достать собаку было почти невозможно. Ребята, имевшие хотя бы дворняжку, считались счастливыми.

И в такое-то время мне захотелось раздобыть щенка.

Однажды зимой я вышел покататься на «хоккейках» с ботинками, которые надевал прямо на валенки, потому что коньки были мамины. Смотрю: по улице гуляет мальчишка с маленьким щенком.

Коньки были моей гордостью, самой дорогой вещью, но, не раздумывая, я быстро снял их. На заднем дворе у нас состоялся обмен.

К величайшему сожалению, мама не обрадовалась щенку. Строгим тоном, как это умеют только мамы, она сказала, что никаких собак в доме не потерпит, что самим есть нечего и что ей достаточно убирать за мной. Я и плакал, и обещал маме все что угодно — она осталась непреклонной. Что делать?! Отдать щенка я не мог. Тогда я догадался спрятать его в нашем дровяном сарае.

Как на другой день отсидел уроки, честно говоря, не помню. Прибежав из школы, вышел со щенком во двор и стал свистеть и кричать ребятам, чтобы они посмотрели, какое у меня сокровище. Щенок начал ко всем ласкаться, лизать руки, лица.

Выяснилось, что я не знаю, как его зовут. Стали выбирать кличку. Шарик, Бобик, Вол-

чок, Джек, Рекс... Единодушно остановились на Пирате.

С той поры ребята стали делиться со щенком завтраками. И вскоре мой Пират стал самым настоящим взяточником — у любого мальчишки просил подачку. Побежит за кем угодно, если ему даже издали крикнут: «Пират! На, на...» И тут я убедился, что не я его хозяин, а все ребята.

Никогда не позволяй посторонним кормить твою собаку или щенка.

Пирату бросали пищу так, чтобы он ловил ее на лету. Но однажды один мальчишка бросил ему из озорства камень, и щенок лишился двух зубов.

У всех собак от природы есть рефлекс хватания движущегося предмета, но не нужно развивать этот рефлекс сильнее.

Приучай собаку даже от тебя ничего не ловить без команды.

Любили мы и разбрасывать пищу по двору, чтобы он ее искал. Это доставляло нам удовольствие, но Пирату очень дорого обошлось. У него завелась вредная привычка постоянно искать что-то на улице, хватать любое съестное, даже

если он был совершенно сыт. И что еще хуже — у него появились глисты.

Каждую собаку, начиная со щенячьего возраста, нужно один—два раза в четыре месяца проверять на глистные заболевания в ветеринарных лабораториях. Некоторые владельцы собак и даже работники питомников рекомендуют время от времени давать собакам противоглистные средства. Ни в коем случае этого делать нельзя! Во-первых, лекарства в какой-то степени ядовиты, они ослабляют организм животного, и, во-вторых, существует несколько видов глистов. На каждый — свое лекарство.

Очень опасны для собак два заболевания. Первое — бешенство, опасное и для человека. Каждой собаке необходимо делать прививку от заболевания бешенством ежегодно, начиная с шестимесячного возраста. Второе заболевание — чума. Ни другим видам животных, ни человеку чума не передается, но собака от нее погибает очень много. Прививку от чумы нужно делать, как только щенку исполнится четыре—пять месяцев.

Как-то я пришел из школы и обнаружил, что замок на сарае взломан, а Пирата нет.

Мое горе стало и горем наших ребят. В поиски Пирата включилась вся улица.

Спустя пять дней щенка нашли за две улицы от нашей. Брали его у тамошних мальчишек прямо с боя.

Мама, конечно, уже знала, что я держу щенка в сарае, и, глядя, как я огорчился во время его пропажи, разрешила держать Пирата дома.

Но тут-то и начались мои настоящие злоключения.

Утром наша комната оказалась грязной.

Передо мной встала задача номер один: приучить Пирата оправляться на улице. Для этого я стал следить за ним. В нужный момент хватал его и бегом тащил на улицу. Через несколько дней пес сам стал проситься.

Запомни: в этом случае никакие наказания не помогают.

Новые дни приносили новые испытания. Как-то мама обнаружила, что ее единственные туфли кто-то погрыз. То же самое случилось и с обувью соседей. Потом в нашей комнате вдруг оборвались обои и со стены отвалился кусок штукатурки, а из печки кто-то выгреб золу и угли. Пират ходил вымазанный сажей и очень довольный.

Я понял, кто виновник квартирных бедствий. Но поняли это и мама, и соседи. И для нас с Пиратом наступили черные дни.

Все возмущались: Пират-де соответствует своей кличке — у него дурные привычки. Скоро всем придется ставить свою обувь на полки вместе со шляпами и каждый месяц делать в квартире ремонт. И предлагали: прекратить это безобразие в коммунальной квартире, продать собаку.

Но Пират не был виноват.

Для роста собаке необходимы минеральные вещества.

Клади ей в пищу по чайной ложке костной муки и чистого мела (зубного порошка или толченой яичной скорлупы).

До шести месяцев давай витамин «Д» на масле. После шести — витамин «А». Угощай сырыми или вареными овощами и фруктами.

Положение спас сам Пират, и спас так хорошо, что соседи не только согласились его оставить, но даже начали кормить. Особенно вкусные лакомства приносили из соседней квартиры. А случилось вот что.

Однажды днем, когда все были на работе, кроме моряка дяди Коли, который спал, дверь соседней квартиры стали взламывать воры. Пират, услышав шум, поднял лай и разбудил дядю Колю. Вместе они задержали грабителей. Правда, Пират только лаял, но все единодушно признали, что главный герой — Пират.

Своих Пират знал хорошо, у собак очень чуткий слух. Но даже на своих он реагировал по-разному. Одних еще из-за двери он приветствовал поскливанием, меня — как только я входил в парадную, а жили мы на пятом этаже, — радостным лаем, других просто не замечал. Пират относился к людям точно так же, как они от-

носились к нему. Но мне этого было мало. Я стал просить ребят, чтобы они подходили к нашей двери и начинали открывать ее ключами или просто стучать, а я в это время давал Пирату команду «чужой». Как только он залает, ребята убежали, громко топая.

На улице я просил знакомых и незнакомых подразнить Пирата.

К моему несчастью, он рос и умнел гораздо быстрее меня. Не дав ему настоящей общей дрессировки, я развил в нем злобу, и результат оказался плачевным. Пират покусал двоих мальчишек из соседнего дома. Потом накинулся на дворника.

Мама получила штраф. Пират и я — хорошую взбучку...

Иногда породистых собак только из-за того, что они очень злые, приходится усыплять.

Никогда не дразни свою собаку! Пусть растет она доброй и умной, но не злой.

Мы обнаружили у Пирата блох. Тогда по совету знакомого я пересыпал Пирата дустом и запихнул его в наволочку — только голова торчала наружу. Через несколько минут посадил Пирата в ванну и, намылив как следует «Детским» мылом, стал чесать его частым гребешком. Пират визжал, кусался, пытался выскочить из ванны, но я был неумолим.

Затем я вытер щенка и не ходил с ним гулять, пока не высохла шерсть.

Тогда я не знал всех тонкостей этой процедуры. А сейчас могу посоветовать:

Вместо дуста можно употреблять табак, растертый пополам с нафталином. Но этим средством ни в коем случае не выводи блох у кошки — кошка погибнет!

Блохи откладывают личинки в щелях пола. Одновременно обработай и пол — раствором хлорофоса или скипидарной мастью.

Без мыла мой собаку хоть каждый день. Только после этого не протуди. Вода — чуть теплая.

С мылом — как можно реже: раз в три месяца.

Мыло — «Детское». Шерсть у собак густая, промыть ее трудно. Оставаясь, мыло раздражает кожу. Собака начнет чесаться, а шерсть — выпадать.

Во дворе у нас жил здоровый рыжий кот, его боялись все ребята. Если кто-нибудь близко подходил к нему, он останавливался, грозно поднимая переднюю лапу и шипя. Охота знакомиться сразу пропадала.

И на этого кота я спустил Пирата.

Кот бросился к знакомой парадной, но дверь ее оказалась закрытой. Тогда он развернулся, вцепился Пирату в морду всеми четырьмя лапами, лихо перескочил через него и медленно пошел, не обращая ни на кого внимания. Действительно, Пирату было уже не до кота: из ран бежала кровь, заливала глаза! Ему пришлось

накладывать швы. Каким-то чудом глаза остались целы.

Никогда не позволяй собаке гоняться за кошками. Если собака реагирует на кошку, значит, она плохо дрессирована.

Кошка очень полезное животное, и ее не нужно обижать.

Иногда из ложного тщеславия люди спорят и натравливают собак друг на друга. Такой грех случился и со мной. Это было мое самое большое преступление по отношению к собаке. Я поспорил с одним мальчишкой, что Пират победит его овчарку. Собаки начали драться, я и мальчишка подбадривали их криками. Только когда полилась кровь, мы поняли свою ошибку. И оба плакали, просто рыдали. Но уже ничего не могли сделать. В результате мой Пират остался без правого уха и на всю жизнь хромой, а у овчарки, помимо ран на всем теле, оказались перекусенными обе лапы и ее пришлось усыпить...

Вечером этого дня мы с мамой подводили невеселые итоги. Пират жил у нас два года. Но за это время я не сделал из него настоящей обученной собаки. Не сделал потому, что многого не знал и не умел. И часто я бывал злым мучителем, а не другом своему Пирату.

Мама сказала, что надо поскорее отдать пса в хорошие руки — быть может, его еще удастся перевоспитать.

И вот таким же зимним вечером, как два года назад, я взял Пирата и повел из дому. Только теперь насовсем...

Тогда я и дал себе слово, что узнаю все на свете про собак. И научусь их лечить.

Теперь я ветеринар с многолетней практикой. Делаю собакам операции, веду приемы в лечебнице. Всегда держу дома одну-двух собак.

Эту грустную историю про Пирата я рассказал для того, чтобы вы поняли, что собака —

не игрушка. Тому, кто берется ее воспитывать, нужна сила воли, терпение и знания.

Хочу дать вам еще несколько советов.

Некоторые ребята играют со своими собаками «в войну», стреляют в них из пистолетов с пистонами. Щенок начинает бояться не только звука выстрела, но и одного вида пистолета, и даже любого щелкающего предмета. Так вы развиваете в собаке трусость. А трусливая собака никогда не получит диплома о дрессировке, никогда не попадет на выставку. Таких безжалостно бракуют и инструкторы, и судьи, не говоря уж о работниках уголовного розыска и пограничниках.

На наших дорогах становится все больше и больше транспорта, и от него каждый день собаки гибнут или получают увечья. Береги свою собаку. У проезжей части дороги не спускай ее с поводка и не играй с ней.

У собаки всегда должна стоять миска с водой. Миску с пищей ставят только на время кормления.

Знай: больше всего собаки едят на ночь.

Примерно через три дня давай собаке поменьше еды, чем обычно. Тогда у нее будет хороший аппетит, а пища в организме станет полностью усваиваться.

Если вам будет что-то неясно, напишите мне, я с удовольствием вам помогу.

УМИРАЮЩЕЕ ОЗЕРО

Н. Сладков

Мох колыбался под ногами, как пружинный матрас. Видно было, как подо мхом кругами расплывались волны. Покачивались кривые и хилые сосенки, странно шевелились кочки с багульником.

Когда-то тут было озеро. Оно и сейчас тут, только сверху застелено моховым ковром. В ковре тут и там дыры — «окна». Вода в этих окнах черным стеклом. Подойти к окнам почти невозможно: моховая сплавина прогибается под ногами и тонет...

Я лег на живот, растопырил широко руки и ноги — распластался как мог, — и пополз. Дополз до окна, надел на лицо маску, вдохнул через трубку свежего воздуха и, как тюлень в полынью, соскользнул в окно вниз головой. День сразу померк, и наступила ночь. Я опускался в глубину, и яркое окно надо мной становилось все уже и уже.

Вот и дно — холодное и вязкое, как кисель. Я по пояс утонул в нем, а под ногами все еще была какая-то жидкая каша.

Высоко над головой — черный мохнатый моховой по-

вперед руку; кажется, что его можно потрогать, погладить, а если постучать по нему, то он зазвенит...

Но рука легко проваливается в луч и сразу же вся синее. И по телу побежали мурашки. Это рыбешки набросились на меня, как комары, и стали щипать и щекотать кожу мягкими холодными губами. Они щекотали мне бока, руки и ноги, но мне было совсем не смешно: ведь делали-то они это от голода...

Озеро умирало. Раньше моховой потолок не закрывал небо, солнечный свет лился на дно каскадами. Зеленели водоросли, бурлила жизнь, и рыбы были сыты и веселы.

Сейчас только узкие лучики пробивались сквозь потолок. В их тусклом свете шевелились на дне хилые водоросельки, похожие на картофельные ростки, проросшие в погребе. Озеро умирало, и вместе с ним должны были умереть рыбы.

Я плыл, а рыбешки тянулись за мной и всё щипали тело холодными жадными губами...

Говорят, что в торфяных озерах бывает двойное дно.

толок с голубыми дырами. В каждую дыру врывается свет и голубой колонной упирается в дно. И кажется, что вся эта мохнатая черная крыша держится на голубых колоннах...

На одном вдохе под водой долго не просидишь. Я рванул вверх и высунулся в соседнее оконце. Это было даже не оконце, а скорее форточка: только-только протиснуть плечи и голову. Я протиснулся в нее снизу, и лягушки, сидевшие вокруг форточки, в ужасе запрыгали в разные стороны.

И мне было жутко торчать в моховой дыре, свесив ноги в темную глубину. И хотелось скорее выбраться на сплавину к свету и солнцу. Но уж очень был заманчив этот мир под ногами. Черный подводный мир на голубых прозрачных столбах и колоннах...

Я отдышался, поглубже вдохнул и, оттолкнувшись руками, ушел вниз. И снова меня обволокла темнота. И снова тут и там голубели призрачные колонны. Какие-то лохмотья пучками мочалок свисали с «мохового» потолка и волочились по голой спине. Я плыл к соседнему столбу света.

Будто луч прожектора бьет сверху вниз. И в синем свете, как снежные хлопья вокруг фонаря, порхают блестящие рыбки. Подплываю к голубому лучу и тяну

Будто бы в верхнем торфяном дне есть дыры, через которые можно проникнуть еще глубже, в самый «подвал» озера. И только там уж настоящее дно.

Вот бы заглянуть и туда!

Я скольжу над самым дном, вглядываюсь в каждую впадину, в каждую тень, но черных дыр на дне нет. Может, и к лучшему: лезть в них совсем неохота. Тянет к свету, тянет наверх.

К самому лицу подплывают две рыбы и смотрят в упор золотыми, по-рыбьи спокойными глазами. Толстые губы их тихо шевелятся: то ли они что-то прожевывают, то ли о чем-то шепчут. Уж они-то все знают про свой черный мир на синих столбах. Знают и про двойное дно. А может, они просто просят о помощи?

Ведь скоро толстые световые колонны, которые еще подпирают их темный мирок, превратятся в тонкие лучики. И жизнь озера повиснет на этих голубых волосках. И, может быть, я последний, кто все это видит.

Потом сплавина сомкнется и все будет кончено. И только пружинная зыбкость мохового ковра под ногами случайного путника, да странные поклоны искривленных сосенок, да непонятное вздрагивание и покачивание моховых кочек напомнят о похороненном здесь озере.

ДОБАВЛЕНИЕ К ФОРМУЛЕ ВОЛИ

Верный Роланд

Живых лошадей в Алма-Ате можно было увидеть нечасто, но зато Фарид шесть раз посмотрел «Приключения неуловимых». Больше всего его привлекал не пестрый клубок приключений, а сцены, в которых участвовали лошади, выручавшие героев в самые опасные моменты, быстро мчавшие их к намеченной цели.

Однажды, когда Фариду было тринадцать лет, ему в руки попала старая, затрепанная книга. В ней он

Захлопал в ладоши, смеялся и пел,
Пока в самый Ахен Роланд не влетел.

Фарида очень захотелось иметь своего верного Роланда.

На следующий день Фарид записался в конноспортивную школу.

Никогда больше не сяду на эту лошадь

Фарида приняли в подготовительную группу. Когда к нему впервые подвели высокого стройного ахалтекинского жеребца, парнишке стало страшновато. На какую-то секунду ему показалось, что лошадь вдвое выше его. Но Фарид преодолел робость, подошел к жеребцу и начал трепать его по холке, как это делали киногерои. Жеребец неожиданно резко повернул голову и больно укусил Фариду за руку. От неожиданности и обиды Фарид чуть не заплакал. Однако он решил не сдаваться и вскарабкался в седло. Лошади это не понравилось, и она сбросила всадника на землю. Потирая ушибленное место, разочарованный Фарид ре-

третий раз жеребец вновь сбросил Фариду, мальчик, превозмогая обиду, решил во что бы то ни стало познакомиться с норовистым животным.

Лошадь — это не мотоцикл

Фарид стал внимательно присматриваться, как обращаются с лошадьми опытные наездники. Он понял, что лошадь чувствует, когда всадник ее боится, и если он сам не преодолевает страх, то ничего не выйдет. Как-то раз Фарид принес своему жеребцу кусок хлеба, густо посыпанный солью. Он поднес ко рту лошади хлеб, ожидая, что она его укусит. Но жеребец мягко, одними губами взял хлеб с ладони Фариды и, как показалось мальчику, ласково на него посмотрел. В этот день жеребец не сбросил Фариду.

Постепенно Фарид и конь привыкли друг к другу. Фарид старался угадывать желания лошади и исполнять их. Он заметил, что после тренировки конь стирает себе спину. Тогда Фарид стал подкладывать под седло кусок полотна. И животное, почувствовав заботу, стало больше доверять молодому наезднику. Фа-

прочел стихотворение английского поэта Броунинга «Как привезли добрую весть из Гента в Ахен».

... Наконец своего я увидел

коня,

Что грудью могучей, храпя,

разрывал

Туман, как скала — набегающий вал.

И гриву и кончики острых ушей,

Ожидающих трепетно ласки моей;

И черного глаза разумнейший

взгляд,

О глаз этот, жарко косящий назад!

И пены клочки, что, кусая

мундштук,

Он с губ окровавленных стряхивал

вдруг.

Я бросил ботфорты, и шлем, и

копье,

И все дорогое оружие свое.

Наклонился, по шее его потрещал,

Роланда конем несравненным назвал,

шил, что он больше никогда не сядет на эту лошадь.

Но попросить у тренера другую лошадь ему было стыдно, уходить с манежа тоже не хотелось, и, когда в

Фарид думал, что все трудности позади, однако на деле оказалось иначе. Мальчик мечтал о бешеных скачках, а приходилось избавляться от скованности движений, вырабатывать

СПРИНТ НА ЛЬДУ

Кто чемпион мира по спринту? Ответить на такой вопрос, а он часто встречается в письмах наших читателей, до 1970 года было невозможно. Этот титул просто не разыгрывался.

Но вот в марте нынешнего года спортсмены вступили в борьбу за лавровый венок быстрейшего человека на земном шаре. Однако это были не бегуны, а конькобежцы. Ведь на специальных беговых коньках можно развить скорость почти 50 километров в час. Бегуны для этого пришлось бы промчаться по стометровке быстрее чем за восемь секунд, о чем пока не приходится и мечтать.

Спринтом у конькобежцев считаются дистанции до одного километра, а самая популярная среди них — 500 метров

Русские скороходы издавна славятся особым мастерством именно в

правильную посадку, умение свободно держаться в седле. Все это Фарида учил его тренер Иван Васильевич Квасов, душа всей школы, ее организатор и бессменный руководитель.

— Лошадь — это, прежде всего, не мотоцикл, — учил Иван Васильевич Фарида. — Машина увеличивает спортивные возможности человека, но не противопоставляет ему себя, свой характер. Задача всадника — найти с животным взаимопонимание, заразить его своей волей к победе, чтобы лошадь могла и хотела, как и спортсмен, вложить в достижение цели все свои возможности. В этом особая трудность и особая привлекательность конного спорта. Если между наездником и лошадью существует недоверие — никакие серьезные достижения невозможны. А первое условие для контакта между лошадью и всадником — правильная посадка всадника. Лошадь от природы обладает чувством равновесия. Она способна инстинктивно перемещать центр тяжести своего тела таким образом, чтобы не терять устойчивости при движении. Поэтому езда на лошади удается лишь при естественном положении всадника в седле, когда лошадь совершенно подчинена человеку, а он позволяет ей показать свои силы.

ственных и естественных препятствий (заборы, канавы и др.). Конкур развивает у всадника смелость, решительность, умение управлять конем. У лошади конкур вырабатывает выносливость, крепость ног, стиль прыжка, развивает мускулатуру и сухожилия.

(«Большая Советская Энциклопедия») Шенкель — внутренняя, обращенная к лошади часть ноги всадника от колена до щиколотки. Служит для управления лошадью.

(В. А. Лобачев — «Конный спорт»)

Гнедая масть — окраска туловища и головы красно-коричневая, грива, хвост и ноги ниже запястий и скакательных суставов черные.

(«Книга о лошадях», составленная под руководством С. М. Буденного)

Это и есть конкур

Конкур

Из всех видов классического конного спорта Фарид выбрал самый сложный и ответственный — конкур.

Теория говорила об этом так. Чтобы успешно преодолеть препятствия, всадник должен уметь:

- 1) все время сохранять связь с лошадью;
- 2) чувствовать темп и характер ее движений;
- 3) при подходе к препятствию

шади положением своего корпуса или поводом.

Вот когда пригодилась Фарида правильная посадка, которой он добивался долгие месяцы. На юношеских соревнованиях в честь Дня Советской Армии к Фарида пришла первая победа. Он занял первое место и получил 3-й разряд. Но он знал, что победа невозможна без полного слияния двух волей. Поэтому Фарид старался еще лучше изучать слабые и сильные стороны лошади, чтобы правильно рассчитать не только свои силы, но и силы животного. Особенно тщательно Фарид готовил-

Маленький словарь

(чтобы дальше все было понятно)

Конкур — вид конного спорта, заключающийся в преодолении искус-

энергичным действием шенкелей и выдержкой повода заставить лошадь принять самое выгодное положение для отталкивания;

- 4) во время прыжка не мешать ло-

ся к тройному прыжку. Этот прыжок обычно завершает дистанцию. Спортсмен и лошадь уже утомились, а последняя рейка — самая высокая. Если высота взята нечетко, лошадь может повредить лимфатические сосуды на ногах, чтобы этого не случилось — необходим точный расчет и полнейшая сосредоточенность.

В прошлом году Фарид был выдвинут на Всесоюзные соревнования сельских конников в Ратоме (Белоруссия). На таких крупных соревнованиях спортсмены выступают не на своих лошадях, к которым они привыкли, а на новых. За две недели тренировок Фарид сумел сработать с незнакомой лошадью и на состязании, в котором участвовали спортсмены 11 республик, занял четвертое место. Это был крупный успех юного спортсмена, почти не имевшего опыта соревнований.

скоростном беге. Не то что у бегущих — у зрителей дух захватывает, когда несутся по гладкому, как зеркало, льду спринтеры. Кто быстрее — неприменная зимняя забава ребятшек и излюбленное состязание взрослых конькобежцев.

Стоит ли удивляться, что первым чемпионом мира по спринту стал наш земляк Валерий Муратов. Спортсмены тринадцати стран соревновались в американском городе Милуоки. Они стартовали четыре раза: дважды на 500 м и дважды на 1000 м. Лучшая сумма очков принесла золотую медаль Муратову.

До этого обычно быстрее всего спринтером мира считался олимпийский чемпион на 500-метровой дистанции. И тут не было равных другому советскому спортсмену Евгению Гришину, обладателю четырех золотых олимпийских наград. Среди женщин звание олимпийской чемпионки тоже носит наша землячка — Людмила Титова.

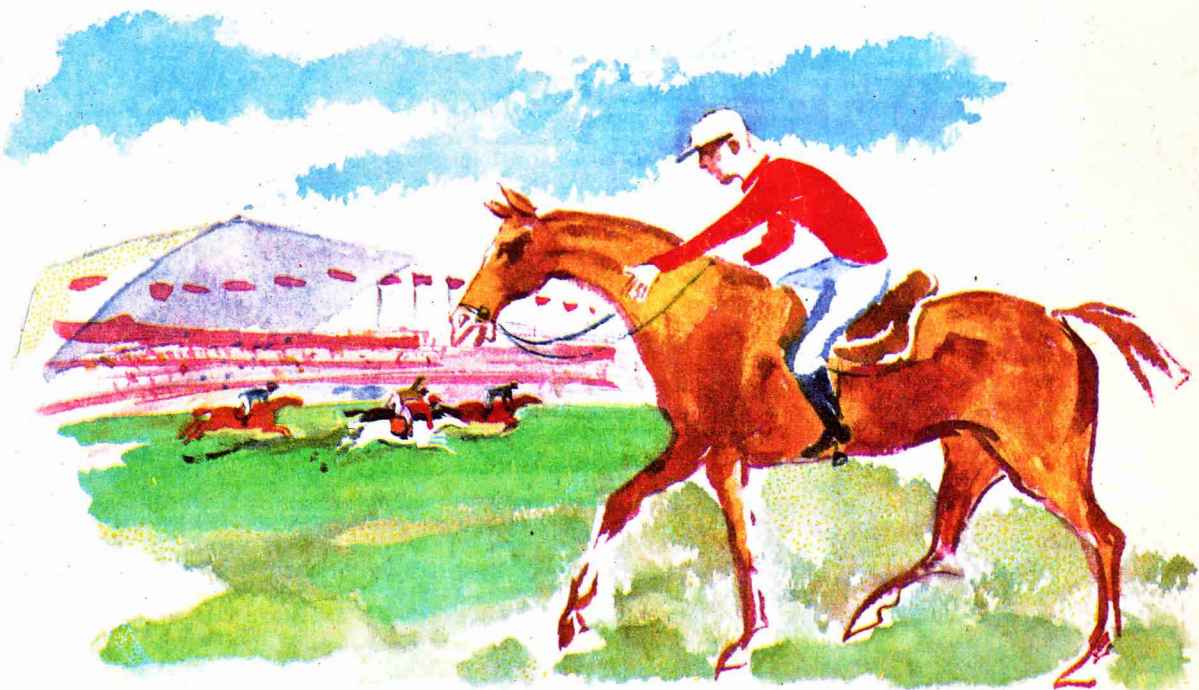
А как бегаете на коньках вы, ребята? Какие результаты показываете на школьных и районных соревнованиях? Напишите нам!

И сегодня, и завтра...

Фарид окончил восемь классов и поступил учиться на токаря-универсала.

главное — конный спорт. Три раза в неделю после занятий в училище он к четырем часам приходит на манеж, где его ждет напряженная тренировка.

ным выступлениям по национальным видам спорта, таким, как казахские конные игры «кыз куу» («догони девушку»), «кук нор» (борьба за козла), «тенгилю» (джигитовка), азербай-

Каждое утро он работает с пятикилограммовыми гантелями. Летом занимается баскетболом, волейболом, футболом; зимой — лыжами и коньками. Это нужно для всестороннего физического развития и для сохранения спортивной формы. Но, конечно,

Сейчас у Фариды уже вторая лошадь. Более высокого класса — чистопородный английский жеребец гнедой масти Заход. На нем Фарид в этом году занял первое место по обществу «Буревестник».

Фарид готовится и к показатель-

жанская «папах уйну» («отними папаху»), армянская «незакинету» (кидание копыя).

И на учебу и на спорт Фариду хватает времени. * * *

Вспомним же формулу воли:

**РЕШИТЕЛЬНОСТЬ И СМЕЛОСТЬ
ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ
НАСТОЙЧИВОСТЬ И УПОРСТВО = СИЛА ВОЛИ
ВЫДЕРЖКА И САМООБЛАДАНИЕ**

Фарид Исламбулов предлагает добавить сюда еще и
УМЕНИЕ ВЕРНО РАССЧИТЫВАТЬ СВОИ СИЛЫ

РЕКОРДНЫЙ ПРЫЖОК

На снежной нашей горке
мы сделали трамплин.
Никто с него не прыгает —
я прыгаю один!
Чего-то все боятся.

 Уголёк

№ 12

Чего они боятся?
Я нашего трамплина
чемпион и властелин.
Смотрите,
как я прыгаю,
смотрите,
как я прыгаю.
Сейчас установлю рекорд
для женщин и мужчин.
Я прыгаю с трамплина!
Я прыгаю с трамплина!
Я прыгаю с трамплина!

Где же лыжи половина?

А. Кушнер

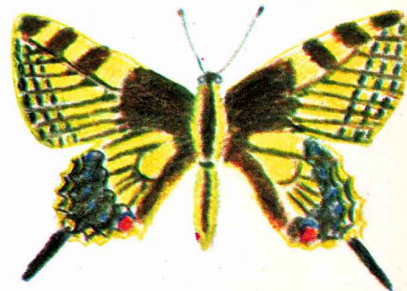
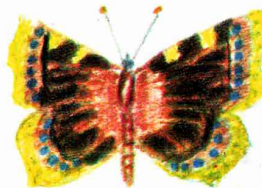
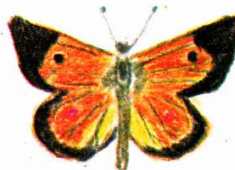

1

Мы разложили в редакции «Уголька» ответы на конкурс, объявленный в пятом номере, и нам показалось, что вся наша просторная комната наполнилась трепетом крылышек и жужжанием. Почти три тысячи изображений красивых и полезных насекомых прислали нам ребята. Хотелось бы выдать призы всем, но надо выбирать лучших из лучших.

Итак, в подарок от поэта Александра Александровича Шибанова книжки получают Галя Бирюкова (г. Магнитогорск), Таня Горбунова (г. Тула) и Валера Сеников (г. Петрозаводск).

За особо старательную работу горячее Угольковое спасибо Наташе Смышляевой из Перми, Гале Юдиной из Новосибирска и Ване Родину из города Шахты.

3

ГОРЯЧИЙ СНЕГ

Снег идет,
Снег идет,
Тополь зябнет
У ворот.
— Что ты зябнешь,
Тополь, тополь?
Ты бы взял бы
Да потопал!
Ты не стой,
Не стой на месте!
Ты побегай
С нами вместе!
Погоняйся
За санями!
Кувыркайся
Вместе с нами!
Ты не можешь?
Очень жалко!
Ух, как жарко,
Жарко, жарко!
До чего
Горячий снег —
Щеки красные
У всех!

Владимир Орлов

2

В канун новогоднего праздника в Ленинград вернулся из своего полукругосветного путешествия Уголёк. Походный загар покрывал черные щеки путешественника, огонёк на макушке светился ровно и ярко.

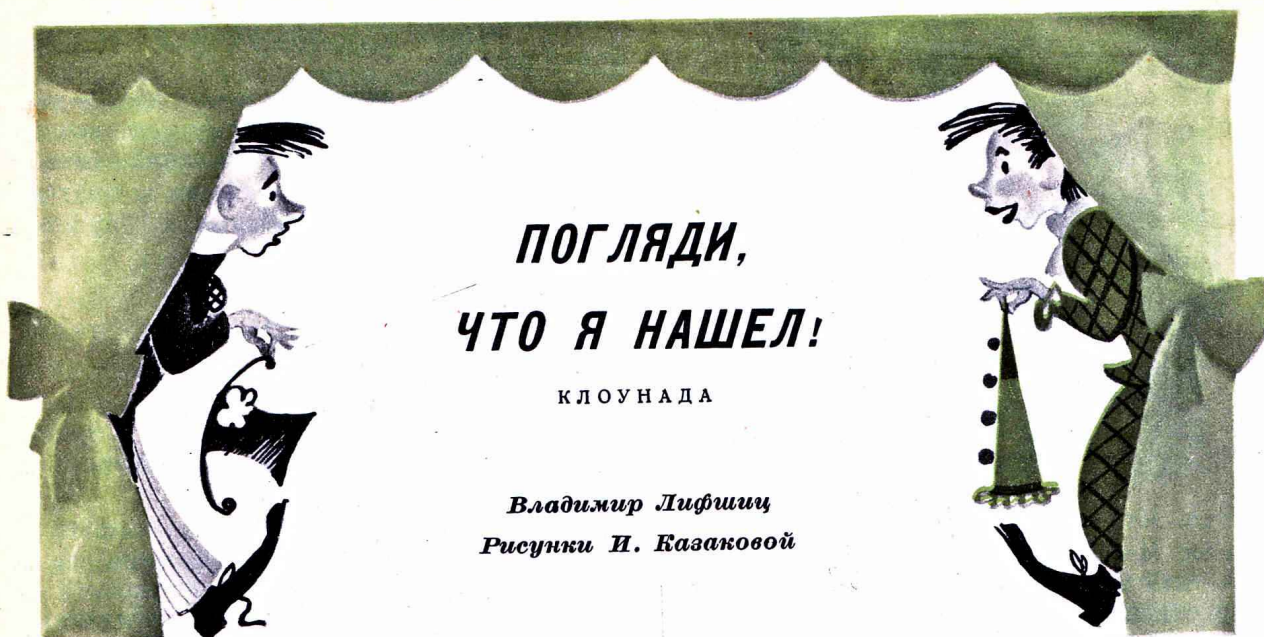
— Зимние каникулы проведу вместе с вами, и снова в путь, — сказал нам Уголёк и принялся развешивать на ёлке фонарики.

Если вы разгадаете секрет этих фонариков, то узнаете, в какой советской республике и какой зарубежной стране побывал недавно Уголёк.

Рисунки И. Казаковой

4

Два клоуна, ВАСЯ и ПЕТЯ, выходят навстречу друг другу. ПЕТЯ несет какой-то странный предмет, отдаленно напоминающий самовар. Предмет этот потрескивает, помаргивает разноцветными огоньками, шевелит антеннами...

Петя. Вася, погляди, что я нашел!

Вася. Что это?

Петя. Сам не знаю. Гулял по лесу — и вот...

Вася. Какая чудная штуковина. Что это может быть?

Петя. Ума не приложу. Потрескивает.

Вася. Помаргивает.

Петя. Усиками шевелит. Антеннами.

Вася. Брось ее!!!

Петя. Ай! *(Бросает странный предмет.)*
А что?

Вася. А вдруг взорвется?

Петя. Если до сих пор не взорвалась, чего ж ей взрываться?

Вася. А кто ее знает, что ей взбредет в голову? Может, это бомба? Впрочем, нет, не похоже. Давай рассмотрим ее получше.

Петя. Страшно.

Вася. Давай, давай... Может, сделаем научное открытие? Попадем в историю!

Петя. Спасибо. Не хочу. Я уже попадал в разные истории.

Вася. В историю человечества!

Петя. А если погибнем?

Вася. Так ведь для науки!

Петя. Ну, раз для науки...

Опасливо, прячась друг за друга, приближаются к странному предмету. Поднимают его. Разглядывают.

Вася. Гляди, на ней что-то написано! Как я сразу не заметил? Да. Написано. Только не по-нашему. И не по-английски. И не по-французски. И не по-немецки. И не по-японски.

Петя. Может, по-швейцарски? Или по-аргентински?

Вася. Эх, ты! «По-швейцарски», «по-аргентински». Таких и языков-то нет.

Петя. А как же там разговаривают? Или они знаками объясняются?

Вася. Швейцарцы по-французски говорят и по-немецки, а аргентинцы — по-испански.

Петя *(уважительно)*. Образованный ты.

Вася. Не то чтобы очень образованный, а языки знаю.

Петя. И много знаешь языков?

Вася. Много — не много, а штук тридцать знаю. Или сорок. Не помню.

Петя. Как же ты их изучил?

Вася. Одни — наяву, другие — во сне, по новому методу. У меня к языкам способности.

Петя. А на каком же языке эта надпись?

Вася. В том-то и дело, что ни на каком. То есть, я хочу сказать — ни на каком земном языке. Наверно, это язык обитателей другой планеты.

Петя. Да что ты говоришь!

Вася. И я, кажется, сейчас эту надпись расшифрую... *(Бормочет.)* Так, так, так... Пожалуйста, расшифровал!

Петя. Что же там написано?

Вася. Что эту штуковину... а вернее сказать — этот аппарат оставили прилетевшие на Землю обитатели другой галактики. В подарок нам.

Петя. Тебе и мне?

Вася. Не тебе и мне, а нам, людям.

Петя. Очень мило с их стороны. Откуда, ты говоришь, они прилетели? С другой галактики?

Вася. Ох, и темный ты человек! Не с галактики, а с другой галактики!

Петя. Видать, славные ребята. А сами они где?

Вася. Улетели обратно.

Петя. Ага. Туристы, значит. Или экскурсанты. Посмотрели метро, ВДНХ, университет — и домой. И давно они прилетали?

Вася. По-нашему — сто тысяч лет тому назад, а по-ихнему — позавчера. У нас с ними время разное.

Петя. Тогда, пожалуй, метро они не видели... Ну, а на кой ляд нам эта штуковина? Что с ней делать? Может, это ихний самовар?

Вася. А про это я как раз и читаю.. (Бормочет.) Так! Ясно! (Поражен.) Ну и ну!

Петя. Что?!

Вася. Вот так-так!

Петя. Что, что?

Вася. Это надо же!

Петя. Говори, не томи!

Вася. Тут сказано, что если эту штуковину направить на какой-нибудь предмет и нажать вот на эту кнопку...

Петя. На эту?

Вася. Не на эту, а на эту. Если на нее нажать, то предмет, на который штуковина направлена, начнет увеличиваться, увеличиваться и может увеличиться в десять, в сто, в тысячу и даже в миллион раз!

Петя. Врут!

Вася. Давай проверим?

Петя. Давай!

Вася. Что бы такое нам увеличить?

Петя. Увеличим карандаш.

Вася. Идет! (Достают карандаш и кладут его на барьер.) Ну, нажимай!

Петя. Страшно. Нажимай ты!

Вася. Давай. (Берет аппарат, но медлит.)

Петя. Чего же ты?

Вася. По правде сказать, и мне страшно. Давай вместе?

Петя. Давай вместе.

Вася. Раз... два... три!

Нажимают на кнопку. Аппарат начинает светиться ярким светом и громко трещать. Возможно, раздается таинственная «космическая» музыка. Свет в зале гаснет — и тотчас зажигается. На барьере лежит гигантский карандаш, величиной с бревно.

Петя. Вот это да-а-а... Телеграфный столб!

Вася (торжественно). Петя, мы сделали великое открытие! Наши имена навеки останутся в анналах истории!

Петя. В каналах?

Вася. В анналах!

Петя. В канавах?

Вася. В анналах, а не в канавах! Отнесем этот аппарат в Академию наук!

Петя. Верно. Понесли... Только... Слушай, давай еще что-нибудь увеличим?

Вася. А что?

Петя. Ну, хоть эту конфетину. (*Достает конфету.*) «Мишка косолапый». Увеличим ее в миллион раз — на всю жизнь одной конфетины хватит. Хотя нет, мне, пожалуй, не хватит. (*Кладут конфету на барьер и «увеличивают» тем же способом, что и карандаш.*) Вот это конфета так конфета!

Вася. Чур, пополам!

Петя. Это почему же? Конфетина-то моя!

Вася. А увеличивали вместе! Пополам!

Петя. Ни за что!

Вася. Жадина ты!

Петя. А за «жадину» и по шее можешь получить!

Вася. Жадина, жадина!

Петя. Ладно, дам тебе кусочек. (*Пытается разломать конфету.*) Не ломается она!

Вася. А мы ее распилим!

Берут конфету и пилят ее пилой
на две неравные части.

Петя. Вот эта бóльшая задняя часть «мишки» мне, а эта передняя — тебе.

Вася. Эх, ты! А еще друг называется...

Петя. Хо-хо-хо! Остался ты с носом!

Вася (*рассвирепев*). Ах так? Ну что ж, если я остался с носом, ты у меня останешься с ухом! (*Направляет аппарат на ПЕТЮ и нажимает кнопку. У ПЕТИ чудовищно увеличивается одно ухо.*) Лопухий! Лопухий!

Петя. Ай-яй-яй-яй-яй! (*Хватается за ухо.*) Ты мне за это ответишь!

Идет потасовка.

Они отнимают аппарат друг у друга. Аппарат падает. Треск. Грохот. Свет меркнет.

Вася. Ой, что бу-у-удет!

Петя. Я увеличиваюсь!

Вася. И я увеличиваюсь!

Петя. И все кругом увеличивается!

Вася. И зрители увеличиваются!

Свет зажигается. ВАСЯ и ПЕТЯ стоят друг против друга. Они такие же, как и были, ничуть не увеличились.

Петя. Как же так? Ты совсем не увеличился.

Вася. И ты!

Петя. Но я же чувствовал, что увеличиваюсь в миллион раз!

Вася. И я это чувствовал. А мы такие же, как и были!

Петя. И все кругом такое же, как было!

Вася. Понимаю!

Петя. И я понимаю: аппарат испортился.

Вася. А вот и нет! И мы увеличились, и все увеличилось. А раз все, все, все увеличилось, то мы этого и не замечаем, понимаешь?

Петя. Нет. Не понимаю.

Вася. Если бы ты один увеличился или я один увеличился, а все остальное осталось, как было, — вот тут бы мы все заметили разницу! Ты был бы великаном. Или я был бы великаном. А раз и ты увеличился, и я увеличился, и зрители увеличились, и все кругом увеличились, и всё кругом увеличилось в одинаковое количество раз, — значит, ничего и не заметно. Понял наконец?

Петя. Наконец понял! Что же нам теперь делать?

Вася. Как что? Объявить следующий номер!

Объявляют следующий номер концерта
и убегают

АЛЛО! ИНСТИТУТ?! ЧТО НОВОГО?

— Здравствуй, Костя! Говорит Институт технической кибернетики из Минска.

С помощью опытов мы установили, что конструктор, творческий человек, восемьдесят процентов своего рабочего времени тратит на нетворческую работу: вычерчивает, делает различные расчеты, вычисления по формулам, из множества вариантов выбирает лучший.

Мы решили помочь конструкторам. Все действия инженера-конструктора сумели зашифровать цифрами, цифры передаются электронно-вычислительным машинам, которые все расчеты производят очень быстро. Затем специальные установки переводят полученные цифры в линии чертежа.

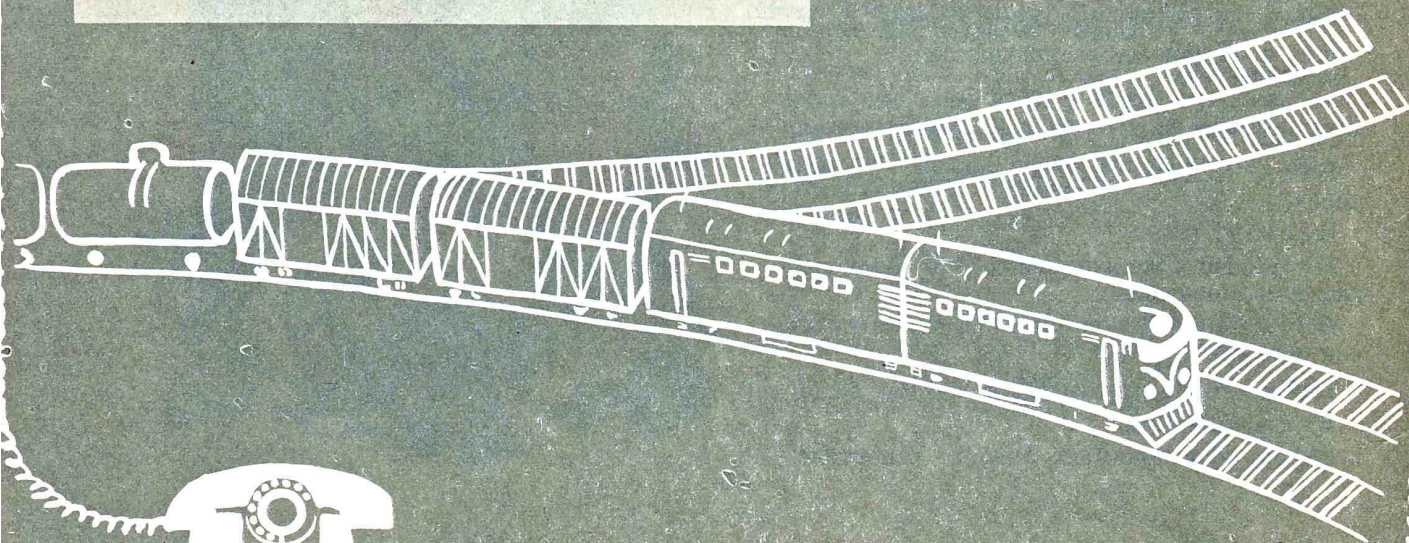
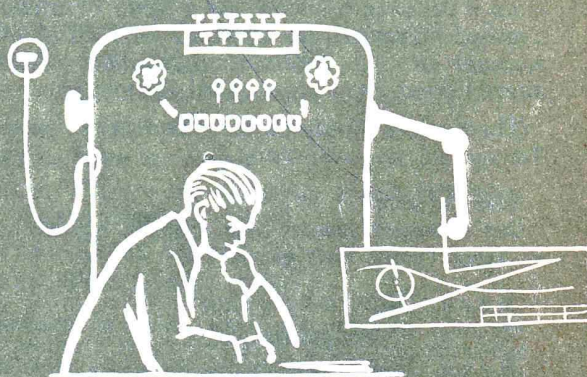
Наши машины-чертежницы освободили инженеров от утомительного и кропотливого труда. И не только в этом их заслуга. Теперь время от получения конструкторами заявки на новую машину до момента, когда эта машина начнет работать на производстве, сократилось в 7—12 раз.

— Говорит Институт инженеров железнодорожного транспорта.

Каждый машинист знает, что стрелочные переводы на пути следования состава — это потеря времени. Перед каждой стрелкой надо замедлить скорость, после каждой стрелки — набрать прежнюю. Но теряется не только время. На замедление и разгон уходит больше энергии, чем на обычное движение. При нынешнем количестве поездов затраты на эту дополнительную энергию получаются внушительные.

В нашем институте разработаны новые стрелочные переводы. При таких переводах поезд не снижает скорости на всем своем пути.

Новые стрелочные переводы путейцы уложили по всей длине трассы Ленинград — Москва. Уже сейчас это изобретение позволило сэкономить десять миллионов рублей.

МАТЧ СТОЛЕТИЯ

Так назвали встречу двух шахматных команд, проходившую в апреле этого года в Белграде. Удивительное соревнование! По одну сторону шахматных столиков сидели десять советских шахматистов, а по другую — десять лучших гроссмейстеров из всех остальных стран. Команда одной страны играла против сборной всего мира!

Противники были достойны друг друга. Любой из них не раз становился призером крупнейших международных турниров. Вот кто защищал честь команд: Советский Союз — 1. Борис Спасский, 2. Тигран Петросян, 3. Виктор Корчной, 4. Лев Полугаевский, 5. Ефим Геллер, 6. Василий Смыслов, 7. Марк Тайманов, 8. Михаил Ботвинник, 9. Михаил Таль, 10. Пауль Керес; сборная мира — 1. Бент Ларсен (Дания), 2. Роберт Фишер (США), 3. Лайош Портиш (Венгрия), 4. Властимил Горт (Чехословакия), 5. Светозар Глигорич (Югославия), 6. Самуэль Решевский (США), 7. Вольфганг Ульман (ГДР), 8. Милан Матулович (Югославия), 9. Мигуэль Найдорф (Аргентина), 10. Борислав Ивков (Югославия).

Хотите узнать, кто с кем играл? Составьте пары из шахматистов, имеющих одинаковые номера. Все эти двадцать гроссмейстеров — шахматные звезды первой величины, но пятеро из них удостаивались самого высшего титула: нынешний чемпион мира Спасский и бывшие в свое время чемпионами Петросян, Смыслов, Ботвинник, Таль.

Как же проходил матч? Команды встречались четыре раза. Таким образом, на десяти досках было сыграно 40 партий. И советским шахматистам удалось добиться перевеса! Со счетом 20,5:19,5 в пользу наших гроссмейстеров закончился этот беспримерный в истории шахмат матч — матч столетия, в котором команда одной страны победила сборную всего мира.

Сокрушительное поражение нанес Спасский Ларсену во второй партии: это был редчайший случай, когда один гроссмейстер замотовал другого уже на 20-м ходу. Вот эта поистине «шахматная жемчужина».

Б. Ларсен — Б. Спасский.

1. b3 e5 2. Cb2 Kc6
3. c4 Kf6 4. Kf3 e4
5. Kd4 Cc5 6. K:c6 dc
7. e3 Cf5 8. Ce2 Fe7
9. Фс2 0—0—0 10. f4?

АРЧЕБЕК

Белым следовало подумать о безопасности своего короля и, сыграв 10. Кс3, подготовить длинную рокировку.

10... Kg4! 11. g3?

Лучше было 11. C:g4. Теперь же ради атаки на короля Спасский жертвует фигуру —

11... h5! 12. h3 h4!

13. hg hg 14. Jlg1

Если ладья уйдет с первой горизонтали (например — 14. J:h8 J:h8), то угроза 15... Jh1+ будет неотразима. Однако и на ход, сделанный Ларсеном в партии, последовал предусмотренный Спасским изумительный удар:

14... Jh1!! 15. J:h1 g2!

16. Jf1 (если 16. Jg1, то Фh4+ 17. Kpd1 Фh1) 16... Фh4+ 17. Kpd1 gfФ+ Белые сдались, так как от мата не спастись (18. C:f1 C:g4+ 19. Kpcl Fel+ 20. Фd1 Ф:d1X).

СООБЩЕНИЯ ТАШШ

(Телеграфное агентство шахматистов и шашистов)

Вот что передают из штаба АРЧЕБЕКА.

Подсчет набранных рыцарями очков идет полным ходом. Выполнившим норму будут присвоены третий и второй разряды, а особо отличившиеся будут награждены призами.

* * *

Новый набор в Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток продолжается. Желющие вступить должны написать шахмат-адмиралу Ферзьбери. Вакансий осталось мало. Поспешите!

* * *

По ранее поданным заявлениям в приеме отказано: 1) Василию Кролину, написавшему не то, что требовалось, 2) Николаю Журову, написавшему не туда, куда требовалось, 3) Петру Ясевичу, написавшему не тому, кому требовалось. Все остальные в АРЧЕБЕК зачислены.

НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ

Почта доставила в АРЧЕБЕК две бандероли, в каждой по книжке: в одной — «Шахматист улыбається», в другой — «Романтика шашек». Обе предназначены рыцарям, которые решат из них по задаче (см. диаграмму).

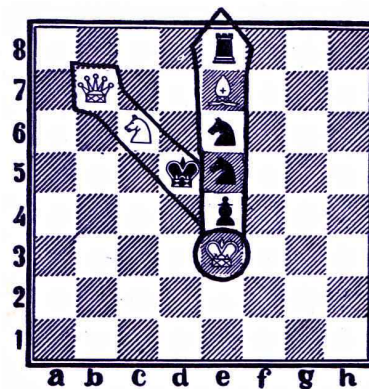
Автор шахматной книги заслуженный мастер спорта В. Корольков, предлагая найти, как на диаграмме белые дают мат в 2 хода, поясняет:

Без пяти минут двенадцать...

Если сделать верный ход,

Стрелки вмиг соединятся

И наступит Новый год!

Автор шашечной книги гроссмейстер В. Городецкий предлагает найти за белых выигрыш в такой позиции —

белые: a3, b4, c1, c3, f4, g1, g3; черные: c7, d6, e5, e7, f8, g5, h6.

Что же нужно, чтобы получить новогодний подарок — книгу с автографом? Прислать до 1 февраля решение и... оказаться счастливым при жеребьевке, которая состоится, если верных ответов будет несколько.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 11 решаются так.

Трехходовка Володи Бледных. 1. Фа8! Теперь, если 1... c2, то 2. Cg4+; если 1... e2, то 2. Cb3+; если 1... Kpc2, то 2. Фа4+; если 1... Кре2, то 2. Cg4+. Во всех этих случаях белые третьим ходом объявляют мат.

Шашечная комбинация. 1. cd4! e:c3 2. fg3! 3. ef2! 4. bc5 5. ab4 6. gh4X.

На 64-й странице «Костра» появилась Квартира № 64, Где Все Умеют Делать Все.

Федю Морозова ребята из квартиры № 64 выбрали ответственным за проведение новогоднего праздника. Федя вышел встречать гостей в необыкновенном костюме.

— Весь костюм я без труда подобрал в гардеробе драматического кружка, — объяснил он.

— Только жилет я сшил сам. Вот по этой выкройке. Если вам хочется сшить такой же, пожалуйста, берите у меня чертеж.

На подносе Федя держал праздничный пирог.

— Сам испек, — сказал он. — По старинному рецепту. Вот он:

МИГДАЛЬНЫЙ ПИРОГ

«Возьми необходимое количество муки — полтора фунта, положивши ее на стол, сделай посередине

ямку, положи туда полфунта масла, четыре яйца, фунт соли, два золотника мелкого сахара, шесть унций сладкого миндаля либо других орехов, весьма мелко истолченных. Тесто хорошо замеси и поставь в духовой шкаф на 40 минут».

Осмотрев елку, ребята увидели концы голубых, розовых и желтых проводов.

— Это мой сюрприз, — хитро улыбнулся Морозов. — Взгляните на схему. Крестиком обозначено место, где я спаял провода. Теперь стоит мне включить штепсель второго и третьего провода — загорятся голубые и розовые лампочки. Включу третий и четвертый провода — загорятся голубые и желтые, включу четвертый и пятый — загорятся все три цвета сразу.

Что случилось бы, если бы Федя попытался зажечь огни по своему замыслу? Что сказали бы ребята, попробовав пирога? Что вышло бы, если сшить жилет по Фединой выкройке?

Кто сумеет составить схему проводов, чтобы зажигать на елке огни трех цветов порознь, попарно и все вместе? Что неправильно в выкройке? Что перепутал Федя, выписывая рецепт пирога из старинной книги?

Ждем ответов на вопросы, а также сообщений — вкусный ли получился пирог?

СОДЕРЖАНИЕ

Дети мира — друзья	1
Страна Поэзия	
Константин Ваншенкин	
рисунок А. Алексеева	2
Женька и Монарх	
рассказ Р. Назарова	
рисунки В. Бескаравайного	4
Самый большой пионерский слет	
репортаж Г. Георге, О. Орлова,	
Л. Пожидаевой	
фото Н. Карасева, Ю. Мясникина	
и Б. Ритова	20
Последняя прогулка	
очерк Т. Скобликовой	
рисунки А. Орлова	26
История, написанная на дереве	
рассказ Ю. Шестакова	
рисунки С. Острова	28
Ура „Луна-16“!	30
Коспар XIII	
очерк Ю. Коптева	
рисунки А. Януса	32
Том Лин	
английская баллада	
перевел Игн. Ивановский	
рисунки А. Сколозубова	36
Севастопольские мальчишки	
очерк Г. Черкашина	
рисунки Т. Ксенофонтова	38
Юные матадоры из Арля	
очерк К. Франки	
рисунки В. Орлова	44
Морская газета	
оформление Р. Попова	48
Про Пирата	
очерк В. Романова	
рисунки К. Савкевич	50
Умирающее озеро	
рассказ Н. Сладкова	
рисунок Т. Васильевой	53
Добавление к формуле воли	
очерк Т. Никольской и	
Л. Черткова	
оформление А. Януса	54
Уголёк	
журнал для малышей	
рисунки И. Казаковой	57
Погляди, что я нашел!	
клоунада В. Лифшица	
рисунки И. Казаковой	59
Алло! Институт?!	62
Арчбек	63
Квартира 64	
головоломки	64

Все рисунки для Уголка
веселого архивариуса
сделаны в 1970 году М. Беломлинским

ОТВЕТЫ НА ГОЛОВОЛОМКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В «КОСТРЕ» № 11, 1970 Г.

Кроссворд «ПТИЦЫ». По горизонтали: фазан, канюк, пингвин, дрозды, рябинник, утка, орел, гага, рябчик, поползень, кукушка, козодой, пищуха, славка, сова. По вертикали: фламинго, киви, попугай, белошейка, павлин, зимородок, лунь, кобчик, иволга, горихвостка, страус, бородач.

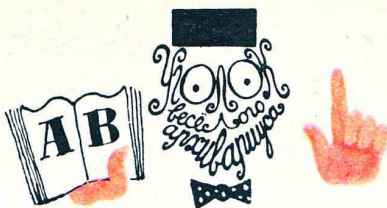
«А ЧТО ЭТО ЗА ПТИЦА!» Дикобраз, Рысь, Олень, Заяц, Дельфин — Дрозд.

«77777». $(7+7) \times 7 + (7+7) : 7 = 100$.

ИЗУЧАЙТЕ ЯЗЫКИ!

Вот как подвело незнание иностранных языков известного польского музыканта Фогга. Он путешествовал по Америке, с успехом выступая в различных концертных залах. В Сан-Франциско Фогга пригласили выступить по радио, рассказать о себе. Поскольку Фогг не знал английского языка, приготовили листки бумаги, на них крупными буквами написали по-английски ответы на вопросы, которые радиожурналист должен был задавать музыканту.

Итак, миллионы радиослушателей слушают беседу с известным музыкантом, а в студии, откуда идет передача, служитель после каждого вопроса подсовывает Фоггу листки с ответа-

ми, — ведь Фогг не понимает обращенных к нему вопросов. Журналист спрашивает:

— Где вы родились?

И тут служитель нечаянно вынимает ответ на вопрос «Где вы выступали?» И люди у радиоприемников с изумлением слышат медленный, с запинкой ответ поляка:

— В Лондоне, Париже, Праге, Копенгагене и в тридцати девяти американских штатах.

* * *

А вот как подшутил французский король Людовик XIV над одним из своих придворных, которого он знал как большого честолюбца. Он спросил:

— Вы знаете испанский язык?

— Нет, ваше величество.

— Тем хуже для вас.

Вельможа подумал, что если он овладеет этим языком, то его назначат послом в Испанию. Он приложил все силы, выучил испанский и сказал королю:

— Ваше величество, я выучил испанский язык.

— Настолько, что могли бы разговаривать с настоящими испанцами?

— Да, ваше величество.

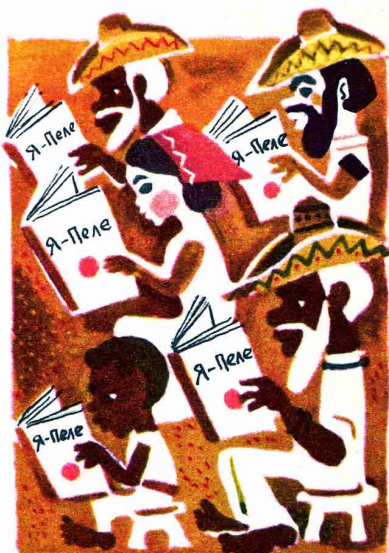
— Тогда поздравляю вас, теперь вы сможете читать «Дон Кихота» на том языке, на котором эта книга написана.

САМАЯ ПОЧЕТНАЯ МЕДАЛЬ ПЕЛЕ

Великий футболист нашего времени Пеле получил еще одну награду. Хотя новая медаль Пеле не имеет никакого отношения к футболу, он дорожит ею больше всех остальных — это медаль за борьбу с неграмотностью.

В Бразилии, на родине футболиста, миллионы людей не имеют возможности ходить в школу, а овладеть грамотой самостоятельно не у всякого хватит упорства. И тем не менее сотни тысяч неграмотных бразильцев взялись за буквари, когда было объявлено, что скоро выйдет из печати книга прославленного футболиста под названием «Я, Пеле».

Главный редактор **В. В. Торопыгин**

Редакционная коллегия: **Г. И. Баранова, А. А. Крестинский, Е. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погонин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская** (ответственный секретарь), **Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан** (зам. редактора)

Художник-редактор **Ю. П. Мезерницкий** Технический редактор **В. И. Мецатунова**

Корректор **В. А. Маевская**

Рукописи и фотографии не возвращаются.

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-48109. Подписано к печати 24/X 1970 г.
Формат 60×90¼. Печ. л. 8. Тираж 390 000 экз.
Заказ № 3595. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика
офсетной печати № 1
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете
Министров СССР.
Ленинград,
Кронверкская ул., 7

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

Близятся новогодние праздники, веселые представления, разноцветные карнавалы. И гравюры Раисы Васильевны Хасиевой говорят вам: «С Новым годом!»

